

Олег Николаевич Верещагин Мы живём на границе

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/granica.shtml

Аннотация

Одна довольно известная писательница, которой я имел глупость отослать эту рукопись, тут же забрызгала меня ядовито-либеральной слюной: мол, как я смел живописать нагаечников и сатрапов и оболгать честнейших борцов за свободу Ичкерии?! Я же хочу спросить:

ДО КАКИХ ПОР ЛЮДЕЙ, ПО КРОХАМ СОБИРАВШИХ ДЕРЖАВУ И БЕСПОЩАДНО КАРАВШИХ ЕЁ ВРАГОВ, МЫ БУДЕМ ОБЗЫВАТЬ ПАЛАЧАМИ, А ИНДИВИДОВ, РАЗВАЛИВШИХ СТРАНУ И ПУСТИВШИХ НА ВЕТЕР ТРУДЫ ЦЕЛЫХ ПОКОЛЕНИЙ, ИМЕНОВАТЬ РЕФОРМАТОРАМИ?!

Вообще-то это спросил военный историк Юрий Каторин, но мне это тоже интересно... А книжка, которая перед вами — про казаков (точнее — про казачат...). Не сердитесь, господа казаки, если что не так. Земной поклон вам!

Олег Николаевич Верещагин Мы живём на границе

От автора

Этот мир может прийти к вам.

А может — и не придти, если...

Если вы научитесь давать ему отпор.

Далека дорога твоя...

Далека, дика и пустынна...

Эти даль и глушь —

Не для слабых душ...

Далека дорога твоя...

XIX век. Из песен американской границы.

Идея этой книги родилась в начале лета 2005 года.

С экрана истерично вопили об одиннадцати пропавших без вести соотечественниках "жители чеченской станицы Бороздиновская", демонстративно выселившиеся в Дагестан — подальше от "русского произвола". Жаловались на "несправедливое отношение" люди, при молчаливом одобрении и попустительстве которых в 1990–1994 годах было убито в Чечне до 30 тысяч и изгнано из своих домов — почти четверть миллиона русских... А мне все хотелось спросить: что это за невероятно — ЧЕЧЕНСКАЯ СТАНИЦА с русским названием «Бороздиновская»? Станица — это поселение русских казаков...

ТАК ГДЕ ЖЕ НАСТОЯЩИЕ ХОЗЯЕВА ПОКИНУТЫХ ЧЕЧЕНЦАМИ ДОМОВ?..

Спросить было не у кого...

В конце 90-х годов я читал старую «Роман-газету» Ни названия произведения, ни фамилии автора я не помню. Врезалось в память только, что это был вроде бы один из «деревенщиков» со всеми им присущими достоинствами: заунывностью, неподвижностью сюжета, назидательностью и патетичностью изложения. Но один эпизод мне запомнился: как в 30-х годах мальчишка из казачьей семьи приводил домой друга-ингуша, а старая бабуля, помнившая еще, как горцы устраивали набеги на станицы и как отбивались казаки,

осторожно спрашивала внука: "Он хучь мирнай?" — имея в виду, признает ли мальчишка-ингуш русскую власть... А казачонку было стыдно за «отсталую» бабу и он внушал ей, что те времена давно ушли в прошлое...

Бабуля оказалась права. Спустя полвека станицам казаков снова пришлось изведать все прелести соседства с так ничему не научившимися, свирепыми и жестокими «абреками», изменившими волчьим заветам предков-грабителей только в вооружении: вместо кремневых винтовок и коней — автоматы и джипы... Они сидели тихо, пока русские были сильны. И ждали своего часа.

Я писал книгу для подростков. Это «просто» приключенческая повесть с погонями, стрельбой, тайнами, дружбой и враждой. Но мне хотелось бы, чтоб мальчишки и девчонки из центральных областей России поняли: мир, о котором я пишу, мною — увы! — не выдуман. До него — полсуток поездом и он не отделен от нас никакими «временами». Я не выдумал ни одного эпизода повести, ни одного героя — положительного или отрицательного. Да, я перемещал их, как фигурки по шахматной доске, я давал им новые имена и фамилии, скреплял новыми, не существующими в жизни, связями и разрывал старые — каюсь, чтобы было интересней читать и легче писать. Но этот мир — РЯДОМ. Он ждет за порогом квартиры, за калиткой дома. От него не спрятаться за песенками "Фабрики звезд" или экраном компьютера, не скрыться под мамин подол или справку о непригодности к воинской службе.

Часть первая

Будни учебной сотни

1.

Мошки с болот налетело полным-полно, она толклась бестолково возле косо висящего керосинового фонаря, разлеталась, давала, место другим тучам, снова налетала... Бессмысленное и равномерное движение гипнотизировало, и в какой-то момент Глеб понял, что спит... и видит все это во сне — и фонарь, и мошкар, и откинутый полог палатки. Он покачал головой и выдернул себя из сна.

Все осталось. Глеб покачал головой, потянулся и, подхватив рукой фляжку, вылил себе на голову остатки воды. Она была теплая, но все-таки стало чуть легче.

Ночь была дурная, душная и тихая. Небо чистое, звездное, но где-то за северо-западным краем горизонта урчал и. урчал гром, словно кто-то перекачивал по дну жестяной бочки большой камень. Липкий воздух обволакивал, как мокрая простыня. Глеб позавидовал ребятам, которые сейчас дрыхнут по палаткам, спихнув в ноги, простыни, расстегнул четвертую пуговицу камуфляжа и подул за ворот. Потянулся еще раз, взглянул на часы. Было полтретьего, самый глушняк по времени, когда засыпают даже страдающие бессонницей... наверное... Сам Глеб за все четырнадцать лет так и не познакомился с тем, что это такое.

Он поднялся со складного стула, вышел наружу. Тут было немного полегче, ощущалось движение воздуха, и Глеб подумал: дождь все-таки будет к утру, как бы не с бурей — накатит во все небо, засвистит-завоет, трава пойдёт волнами, а потом ахнет... Бегать в такую погоду — убийство, ноги разъезжаются, думаешь только о том, как бы не упасть. Но Лукаш не отменит пробежку, даже если с неба вместо дождя польется напалм. Железный мужик, и на все один ответ: "Вас никто не заставлял, сами приехали, казачня!"

Ну а что? Все правильно, сами приехали.

Он прошелся мимо ряда палаток — широко распахнутые входные подоги, наглухо затянутые противокomarиные сетки. Комарам тоже не леталось — сидели на этих сетках,

вяло шевелили крыльями. Внутри кто-то похрапывал, кто-то похныкивал, кто-то — сбивчиво разговаривал во сне. Глеб подошел к флагштоку, тронул его, пощелкал по фалу. До смены часового оставалось еще полчаса. Скорей бы, хоть немного с кем-то поговорить. Да и заступает Серб.

Глеб немного постарался между палаток, потом прошел к спортунарядам, держа в поле зрения вход в палатку дежурных. С разбегу заскочил на бруссы, лениво сделал десяток махов, спрыгнул. Хотел подойти к турнику, но передумал и, сходя в палатку за фляжкой, набрал из крана скважины холодной воды. Кран как всегда фыркал и плевался, но это было даже приятно. Еще приятней было бы сейчас вылезти из формы и влезть под кран. Но Глеб был уверен, что именно в этот момент появится кто-нибудь из начальства.

Ночью у дежурного никаких развлечений. Только смены часовых, да путешествия к туалету заспанных прочих обитателей лагеря. Ну примерно до часа еще туда-сюда мотаются взрослые — то один, то другой. Но в третьем часу ночи лагерь вымирает.

— Глебыч, не пора?

Глеб обернулся и встретился взглядом с перекошенной от зевоты рожей Костыки Бряндина. Тот еле держался на ногах, зевал с хряском, придерживая, локтем РПШ,¹ кубанка лихо держалась на ухе.

— Иди, погуляй, — строго сказал Глеб, — еще до фи́га времени. А то пока ты тут со мной треплешься, диверсанты всех в палатках подушат.

— Шел бы ты, — уныло сказал Костыка, но пошел сам — неспешно и устало. Хотя Глеб с ним поменялся бы. Ему осталось всего минут пятнадцать — и на боковую, аж на целых четыре часа. А ему куковать до утра.

— Ку-ку, — достаточно громко сказал Глеб и зевнул.

Нет, "на хорошем счету" — это понятие растяжимое. Вот которые самые раздолбаи, они где? Спят сейчас в родных постельках. Четыре часа в день оттрубят на уборке родных школ или чего там — и свободны. А остальные тут. По двадцать четыре часа в сутки в античеловеческих условиях. И так уже полмесяца, и еще неделю так же... А самым-самым — пожалуй, особая честь: ночные дежурства.

Стоит ли? Глеб хрюкнул. Если бы ему сейчас предложили поменяться местами с одним из тех, кто остался дома... он бы даже и разговаривать не стал.

Или ты казак — или баба. Тут тоже сам выбираешь, а значит — и ныть нечего. Хотя... насчет баб. Глеб покосился на третью палатку. Вон они. Амазонки, блин.

— Дежурный!

— Я? — отреагировал Глеб раньше, чем понял, что его окликнули. Развернулся, как на пружинах, подскочил к вышедшему из палатки Скибе, вскинул ладонь к кубанке:

— Господин войсковой старшина,² за время...

— Вольно, отставить... — Скиба зевнул — заразительно, у Глеба тоже открылся рот. — Подьесаул Лукаш не возвращался?

— Никак не... — Глеб удивленно моргнул: — А разве он не в лагере?

— Не в лагере, не в лагере, — кивнул войсковой старшина. — Закурить не заначил?

Глеб обиженно засопел и промолчал. Он курил уже два года и ради интереса решил: в лагере не будет. И долгое время не очень-то и хотелось. А вот Скиба напомнил — и теперь поедет... Чтобы отвязаться от мыслей о сигаретах. Глеб еще раз козырнул и пошел в первую палатку — будить Серба.

В палатке было еще душнее, чем снаружи. Мирослав сел на кровати раньше, чем Глеб подошел вплотную, кивнул, шепнул:

— Я проснулся, иду.

Насчет него можно было быть уверенным — Серб опять не уснет, как с некоторыми бывает. Глеб вышел наружу, разыскать Костыку.

Скиба ушел. А часового искать было не надо — он мялся возле флагштока.

— Иди сюда, — смиловился Глеб — Серб сейчас придет.

Передача службы была короткой и обыденной (или обыночной?) Костыка, стаскивая куртку на ходу, умелся в палатку, а Мирослав, поболтав головой под краном, с чисто казацкой лихостью нахлобучил на черные кудри кубанку и сказал:

— Пойду сусликов ловить.

— погоди, — Глеб насторожился, — машина едет.

Несколько секунд оба прислушивались. Движок хрипел и рычал где-то за болотами, если по прямой — метров двести, а так — километра два. Наконец Мирослав определил:

— Да это же наш УАЗик.

— Точно, — Глеб хлопнул себя по лбу, — Скиба сказал, что Дмитрий Данилыч должен приехать... Я и не заметил, когда он уезжал.

— Днем еще, вернее, вечером, — вспомнил Мирослав. — Мы в волейбол резались, я забежал водички попить... Встретить?

— Давай обходи территорию, я сам встречу, — хлопнул друга по плечу Глеб. Серб то ли в шутку, то ли всерьез отдал честь и растворился в темноте.

Глеб неспешно подошел к шлагбауму, перегораживавшему единственную нормальную дорогу на территорию лагеря, остановился, опираясь на легкую металлическую перекладину, украшенную рядом катафотов ярко-оранжевого цвета.

УАЗик захрипел где-то совсем близко, взвыл, хрюкнул удовлетворенно. Глебу представился динозавр, бредущий по болоту, но тупой высокий нос уже выкатился из темноты, кромсая душную темноту лучами фар. Распахнулась дверца водителя, нога в начищенном до звездного сияния сапоге отупила на грешную землю, но вместо света звезд отразила огонек мобильного — Лукаш с кем-то разговаривал:

— Нет... Во-первых, я у тебя не был, а во-вторых, я на тебя обиделся... Как за что?! Да запахло так таз ставить!.. — он бешено замахал рукой Глебу, прервал еще одним, особенно яростным взмахом, его доклад и, убирая мобильник, сказал: — Представляешь, сестра моя — ну, которая в Ростове — родила наконец. Так что я теперь дядька!

— Кого родила, мальчика? — Глеб спросил об этом без особого интереса — ему казалось, что на заднем сиденье кто-то устроился. Лукаш помотал головой:

— Не, не мальчика.

— А кого? — так же рассеянно спросил Глеб и, ойкнув, начал потирать лоб. Отпустивший ему щелбан Лукаш вылез наружу весь и наставительно сказал:

— Казак никогда не расслабляется... Так, что еще? — спросил он темноту. — Машину я поставлю, сам пойду спать... О, да, точно, конечно! — он неожиданно посерьезнел и, приобняв Глеба за плечи, отвел к шлагбауму:

— Глебыч, тут такое дело. Человека одного разместить надо.

— Во! — Глеб искренне возмутился. — Дмитрий Данилыч, ну где я его размещу?! В палатках все занято, нет же свободных кроватей, только часовых.

— На одну ночь, — Лукаш не приказывал, вроде бы даже просил. — Александрыча будить неохота, он знает...

— Да он только лег, про вас спрашивал, — вспомнил Глеб.

— Ну вот... Одну ночь. Завтра подвезут, что нужно — кровать, тудым-сюдым, поди кудым... Дежурный по лагерю такие вопросы должен "на раз" решать.

— Что за человек? — уточнил Глеб. — А то завтра вы же и спросите: "А кого это, мил друг Глебыч, — мальчишка передразнивал подъясаула очень похоже, — ты разместил на вверенной тебе территории по ночному времени?.. Кто распорядился?! Я?!?! Знать не знаю, ведать не ведаю, ничего не слышал — прописал шпиена и диверсанта, а на меня валит..

— Глебыч, — ласково сказал Лукаш, — скоро дождь па-адеть. Утром все побегут на зарядку...

— Ни фиги, — покачал головой Глеб, — я дежурю, а утром сдам и буду спать. Так что

пусть и-идеть... Что за человек, Дмитрий Данилыч?

— Пацан, — снова стал серьезным Лукаш и, вздохнув, пожал плечами. — Звать Серега. Больше ничего про себя не помнит. Неделью назад наши его в плавнях нашли. Ну, больница там, искали по краю — ничего. Собираемся через Москву искать, но это ж когда, а пока врачи сказали: амнезия у него, нервная какая-то, и лучше ему среди ровесников. А считай все ровесники тут. Ну не в детдом-же его в Буденновск?! Ну и решили — пусть с нами, а там посмотрим.

— Вообще ничего не помнит, что ли? — Глеб покосился на УАЗик.

— Не, ну есть-пить и разговаривать он умеет, — пояснил Лукаш. — Вообще все нормально. Он своего прошлого не помнит, имя только. Ни вещей, ни документов или чего... Взяли — джинсы, трусы, майка, кроссовки, носки, все побитое, рваное и грязное.

— От соседей ушел,³ — хмуро сказал Глеб. — Точно. Это у них спрашивать надо, кого и где они украли. И кто у них из зиндана⁴ уйти сумел недавно...

— От соседей, нет, — развел руками Лукаш, — а пока надо его разместить и поскорей. Мы с Александрычем за него отвечаем. Так что работай, а я машину отгоню.

— В дежурке положу, — решил Глеб. — Давайте его сюда.

— Сергей! — негромко, но отчетливо окликнул Лукаш. — Иди, приехали.

Из УАЗа выпрыгнул мальчишка, подошел — медленно, но без задержки. Глеб с хмурым интересом оглядел его, понимая, что ведет себя как-то не так — однако по-другому смотреть на незнакомых ровесников он не умел. Мальчишка, впрочем, не выглядел особо напуганным или зашуганным — так, просто мальчишка, попавший в новое место к новым людям и осматривающийся. Он был повыше и потоньше Глеба, сильно загорелый, светленький, с тонкими чертами лица, над правой бровью — шрам, длинный, белесый. Без вещей...

— Глеб — Сергей, Сергей — Глеб, — быстро отбарабанил Лукаш и полез в УАЗик. Глеб вздохнул, показал рукой:

— Пошли, — и первым зашагал к палатке, слыша, как Сергей идет за ним.

Внутри он посильней подкрутил керосинку, кивнул на кровать. Мальчишка был в камуфлированной форме, но без знаков различия и эмблем. И без кубанки, конечно. Помедлив, взглянул искоса на Глеба, подошел к кровати, сел, сидя начал раздеваться, глядя в угол. Глебу стало скучно — взрослые дела — и он вышел наружу.

Лукаш уже смылся. За шлагбаумом прошел Серб, исчез в кустах — бесшумно, мошकारа летела на огонь керосинки с удвоенной энергией, и Глеб, заглянув внутрь, увидел, что Сергей уже в постели. Уменьшил огонь до минимума и, чтобы разогнать сон, пошел шататься по территории.

Вернулся где-то через полчаса, сел на стул, повздыхал, плюнул наружу и достал из-под столика растрепанный журнал — «Технику-молодежи» восемьдесят лохматого года, который кто-то оставил в начале смены. Читать там уже было нечего, но сидеть просто так — тоже, знаете ли...

Сергей вздохнул, не как спящий. Чтобы хоть с кем-то поговорить, Глеб безразлично спросил:

— Ты что, не спишься?

— Не, — голос у мальчишки был обычный, как внешность. — Я и не хочу, я почти весь день проспал, пока Дмитрий Данилович по делам бегал.

"По девкам," — со смешком отметил Глеб. А еще — что мальчишка говорит не по-здешнему, а как в Центральной России. Вслух спросил:

— А чего тогда лег?

— Я думал, у вас так положено...

— Ну вообще-то положено, — кивнул Глеб, — но ты же это. Вроде гость... Ты точно

спать не хочешь?

— Не хочу, я же говорю...

— А ты в шахматы играешь? — спросил Глеб и осекся, но мальчишка спокойно ответил:

— Играю... Я сначала и этого не помнил, а потом в больнице увидел, как играют — и вспомнил.

— Садись, сыграем, — обрадовался Глеб, доставая походные шахматы Скибы, которые тот всегда оставлял дежурным. Мальчишка выбрался из-под простыни, подошел, огляделся, пододвинул второй стул. В этот момент Глеб заметил у него на спине темные полосы и с трудом перевел дух — да, точно он догадался... — Ты какими будешь, поканаемся?

— Слушай... — мальчишка вздохнул, повел плечами, потом словно бы решился: — Ты не подумай... просто со мной так бывает... Я есть хочу. Не хотел совсем, я поел, как выезжали, а сейчас хочу...

— Во, блин, проблем-то, — бодро сказал Глеб. — Ну-ка...

Нагнулся, порылся в столе и выставил на него вскрытую полупустую банку сгущенки, пачку пресных галет, где не хватало трех штук, на треть полную бутылку теплой минералки, а напоследок — закрытую банку риса с бараниной. Потом достал из чехла на поясе "байкер"⁵ — открыл консервный нож и начал ловко вскрывать банку каши. Занятый этим делом, Глеб не сразу заметил, что Сергей, взявшись руками за край с тола, внимательно и напряженно следит за его действиями — а когда заметил, то удивленно спросил:

— Что?

— Нож, — кивнул Сергей и сделал замедленное движение рукой. — У меня был такой. Я его носил... — снова рука поплыла по воздуху. — Я его носил на поясе. И... — он покачал головой: — Нет, не помню.

— Да ты давай ешь, а я пока фигуры расставляю, — Глеб обеими руками придвинул по столу еду, банки, бутылку. — Голову себе не забивай, найдут твоих и ты все вспомнишь. У нас не Москва, у нас, слава Богу, — он перекрестился, — Кубанское войско!

2.

Гроза, в самом деле прошла под утро — мгновенная и гремучая — но вот только ее против всех ожиданий сменил дождь, несильный и затяжной. Само по себе это было неплохо — дождь требовался полям, садам, бахчам всей Кубани — но для лагеря в этом имелись определенные проблемы.

Впрочем, Глеба они не очень-то колыхали. Сменявшись, он уснул в палатке, куда днем заходить запрещалось, и проснулся аж после обеда. Дождь все еще шел, но в разрывах между тучами тут и там мелькало то голубое небо, то солнце, намекая, что все это скоро пройдет.

В принципе, Глеб по распорядку был свободен до полдника, до пяти часов. По тому же распорядку сейчас были теоретические занятия и, выглянув наружу, Глеб не удивился, обнаружив почти всех ребят под навесом на скамейках. Решив, что в палатке делать в общем-то нечего, Глеб оделся и направился к своим.

Что странно, Сергей тоже был здесь. Правда, он не сидел — хотя места свободные были — а стоял, прислонившись к одному из опорных столбов навеса и скрестив руки на груди. Глеб ему кивнул на ходу — Сергей словно бы подумал и тоже кивнул.

Подошли и расселись девчонки. С ними под аккомпанемент шуток прибыл Мирослав.

— Выспался? — поприветствовал он друга. — Чего сегодня читают?

— Знать не знаю, — пожал плечами Глеб. Кто-то ответил:

— Стрелковое оружие.

— Во, зачем? — удивился Глеб. Мирослав пошевелил пушистыми бровями — он тоже

был удивлен. На ведшихся в школе Святоиконниковой станицы уроках военного дела, обязательных для всех с седьмого класса, давно уже были досконально изучены все семейство «Калашниковых» — от охотничьего дробовика до экзотичного ОЦ-14 с магазином позади спуска, снайперская винтовка Драгунова, пистолеты нескольких образцов... Тут, в лагере, за две недели на стрельбы ездили четырежды... Но выразить свое удивление в вопросах друзья не успели — дежурный подал команду, казачата вскочили, застыв возле скамеек. Под навес вошел и встал у стола Скиба. На плотно подогнанные доски он положил кожаный чехол, взмахом руки прервал рапорт (он никогда их не дослушивал до конца, как заметил Глеб) и, бросив "вольно, садитесь", вжикнул молнией чехла. Глазам присутствующих предстала хорошо знакомая, хотя ранее, никогда не виденная «вживую» винтовка — с пухлым кожухом, высоким стояком мушки, трапецией рукоятки и изящным прямым прикладом. "Эм шестнадцать... эм шестнадцать..." — пошло по скамьям и стихло, когда войсковой старшина громко сказал:

— Да, это М16А2, основная модель, состоящая на вооружении армии США и многих других стран... Сегодня мы с вами немного поговорим — начнем говорить — об оружии наших противников...

— Разрешите вопрос, господин войсковой старшина, — Вовка Брызга поднял руку, Скиба кивнул: — Разве США — наш противник? Мы ведь вместе...

— Хороший вопрос... — Скиба усмехнулся. — Ладно, пара минут на него. Божьей милостью Император Александр Третий Миротворец сказал как-то, что у России два союзника — армия и флот. Никаких «вместе» между государствами быть не может. Они могут объединяться и ссориться, торговать и воевать, мириться и устраивать Олимпиады — но при этом всегда были, есть и будут каждое само по себе. Можно с кем-то быть ближе, с кем-то дальше, но "вместе" можно оказаться только со своими соотечественниками. Даже если кто-то из государств уверяет Россию в дружбе — это всего лишь трюк, означающий просто, что от нас нужны солдаты, нефть, земля или еще что-то. Верить этому — глупо, если ты просто человек, преступно — если ты управляешь страной. Тот, кто называл себя другом — завтра может легко стать врагом.

— Вы считаете, что будет война? — спросил не по форме кто-то из девчонок. Им такое спускали. Скиба удивленно посмотрел в ту сторону:

— Как это «будет»? Война идет всегда.

— Ой, нет, я не про это... — говорившая, примолкла, потом сформулировала яснее: — Большая, как Великая Отечественная.

— Конечно, — обыденно согласился Скиба. — Это всего лишь закон истории. Слышали слово "циклично"? — вокруг погудели согласно. — Вот и большие войны происходят циклично... Это вовсе не потому, — Скиба погладил усы сгибом большого пальца, — что, как стонут некоторые, человек зол или глуп. Он не глупый и не злой. Причин у войн масса и все они объективные. Рождаемость, нехватка воды, истощение земли, — Скиба загибал пальцы, — религиозные доктрины... Поэтому большие войны будут происходить так же циклично, как циклично топят в море лемминги — слышали про такое?⁶ И выход тут только один: сделать так, чтобы человечество вышло в космос на поиски новых миров. Но это опасно для тех, кто сделал эту винтовку, — он подбросил в руках М16, — потому что неизвестно, как захотят жить выбравшиеся в иные миры люди. Вдруг не по демократическим правилам? Может, они царя захотят, или совет племен? — по рядам пробежал смех. — А что смешного? Я и не шучу... Вот и остается "обустраивать жизнь", по одежке протягивать ножки вместо того, чтобы сшить другую — вырос ребенок, штаны малы стали, так можно ему ноги по колено отрубить... — снова смех, и снова Скиба всех одернул: — Опять не шучу. Вот эту штучку изобрели, чтобы других учить, как жить... И в процессе исторического развития мира может случиться так, что она к вам в руки попадет, а что с ней делать — вы и не знаете, поэтому давайте учиться. Итак...

...Дождь перестал во время лекции, почти сразу выглянуло солнце, очистилось небо и начала бешеными темпами сохнуть земля. После уже близкого полдника намечались спортивные игры, но вынырнувший, как чертик из шкатулки, Лукаш объявил:

— Сегодня ночью конное патрулирование — Семага, Авилов, Микич, Баразов, готовьтесь.

Вообще-то Глеб ничего против конного патрулирования не имел, но по уже усвоенной привычке "старого солдата" — жаловаться всегда и на все — вздохнул:

— Доля казачья, блин...

Предполагалось, что Лукаш не слышит, но он заметил:

— Казак изначально доброволец. Это остальные могут рассуждать о доле и недоле, а раз уж угораздило родиться казаком...

— То терпи, — заключил сидевший верхом на турнике Володька Баразов. Глеб посмотрел на него снизу вверх и сказал, оттопырив губу:

— Ты вообще молчи, лицо кавказской национальности.

Рыжий, как огонь, Володька выкатил глаза, схватился за рукоять воображаемого кинжала и зловеще сказал, чуть не упав с перекладины:

— Кыровний мэст будэт, да? Ты мнэ аскарбыл, вах?!

— Это ты с каким акцентом? — поинтересовался Мирослав. Володька завопил скандально, предусмотрительно подбирая ноги:

— Понаехали сюда разные сербы! Без них жили и дальше бы жили! Мигранты, на ... ой!!!

— Слезай и иди готовиться, коренной житель, — Лукаш невозмутимо сунул за голенище сапога нагайку, рукоятью которой невежливо ткнул Володьку в зад. Вообще-то неразлучная четверка с улицы Прудниковской в самом деле представляла собой странноватое сообщество. Глеб Семага и Петька Авилов были «коренные» святоиконниковцы, чьи предки жили тут чуть ли не с семнадцатого века, хотя внешне Глеб больше походил не на казака, а на парня из средней полосы России — высокий, светло-русый и сероглазый в противоположность коренастому и смуглому Петьке, щеголявшему роскошным темным чубом. Баразовы перебрались сюда в первой половине девяностых из охваченной войной Южной Осетии, а их средний сын Володька внешне скорее смахивал на "истинного арийца" — он был рыжий, голубоглазый и по характеру (если не придуривался) куда флегматичней своих русских друзей. А уже осенью 99-го судьба закинула в эти места бывшего офицера югославской армии Микича со всей семьей. Тогда, шесть лет назад, "старожилы Прудниковской улицы" для начала здорово отколотили тонколицего черноволосого пацана с большими, словно с иконы, синими глазищами и смешным именем «Мирослав». Тот не стал жаловаться и вздул обидчиков по одиночке, пользуясь отцовскими уроками, после чего ребята стали дружить вчетвером, являя собой типично казачий коллектив — ведь всем известно, что — первоначально в казаках были не только русские и украинцы, но и поляки, татары, ногайцы, калмыки, кавказцы, немцы, французы и вообще черт знает кто. В том числе и немало сербов...

...Глеб уже собирался отправиться в палатку, когда его перехватила Любка Запольская. Придерживая его для верности за рукав, она с безразличным любопытством спросила:

— А кто этот новенький, Глебка?

Глеб мысленно передернулся. Он терпеть не мог, когда его называли «Глебкой». Поэтому он практически так же безразлично отозвался:

— А, этот... Принц датский. Ночью на белом жеребце прискакал, говорит — ищет Любовь. В смысле — девчонку с таким именем, ему в замке давно такая нужна — посуду мыть и ковры пылесосом чистить. Я ему про тебя сказал, он ночевать напросился...уйй, бо-она!

Последнее вырвалось у Глеба не столько от боли, сколько от неожиданности — Любка, выдернув из-за голенища высокого изящного сапога нагайку, ткнула мальчишку в солнечное и ушла, бросив через плечо:

— Трепло.

— Дура, блин... — пробормотал Глеб, потирая диафрагму. И обернулся — на плечо ему легла рука Лукаша. Вид у подьесаула был почему-то виноватый. Он пожевал ус и сказал негромко:

— Глебыч, тут такое дело... Сейчас этот ко мне подходил парнишка, ну, Сергей... Он с вами просится.

— Во, — Глеб заморгал. — Да мы что, в ночное, что ли, едем? У нас дело, а он не казак даже...

— Ну... — Лукаш развел руками. — Очень просится. Чего ему в лагере сидеть? Ты сам подумай...

— Да мне-то, собственно... — пожал плечами Глеб. — Он верхом хоть умеет?

— Не знаю я.

— Ну спасибо вам, Дмитрий Данилыч, — сердито поблагодарил Глеб, хлопая о колено кубанкой. — Не, мне его жалко и все такое... Ну, я не знаю. Пусть господин войсковой старшина решает.

— Да он сказал — если мальчишки согласятся, — Лукаш вздохнул. — Ну, как?

— Я у остальных спрошу, — Глеб махнул рукой. — А, все равно. Пусть к нам заходит, в палатку. Там решим.

— Да он уже там, — Лукаш усмехнулся. — Александрыч его распорядился у вас разместить.

3.

Верхом Сергей ездить умел, и неплохо. Правда, посадка у него была такая, как в школах верховой езды, а не казачья, и он долго возился, виновато поглядывая на остальных ребят, удлиняя стремяна — у казачат они были подтянуты так, что колени торчали чуть ли не у живота. Но в седло Сергей сел плотно и прочно и за почти три часа то шагом то рысью ни разу не то что не пожаловался, но и никак не выказал недовольства или усталости.

Ехали косой цепью, метрах в пяти друг от друга, меняя шаг и рысь. Солнце покраснело, выросло, садилось куда-то за холмы над Курой, за спинами ребят. Дул ветерок, особенно приятный после жары второй половины дня. Кое-где зажигались огни — полевые станы, пастушеские кошары, отдельные хутора — а на северо-западе проступило зарево Святоиконниковской. На юге царила полутьма, неподвижная и глухая.

— А что там? — вдруг спросил Сергей, до этого не участвовавший в коротких обрывистых разговорах.

— Там? — Петька чуть повернулся в седле, локтем поддержал соскользнувший было вперед ствол висящего за спиной по-казачьи карабина — десятизарядной «сайги» калибра 5,6х39, какие мальчишкам выдавали под расписку на патрулирование (Сергей был безоружен). — Там Чечня и все такое. Да тебя ж там и нашли, вон, в плавнях...

— Это я помню... — Сергей толкнул коня каблуками. — Я не помню, что до этого было...

— Верхом ты ездить умеешь, — заметил Володька, — так в школах учат... И вообще... Тебя, наверное, украли из России и увезли в Чечню. Ты совсем ничего?..

— Ничего, — Сергей наклонил голову. Володька хотел еще что-то спросить, но Глеб повысил голос:

— Ладно, хватит! Украли, увезли... Давайте думать, где на ночлег становиться.

— Доедем до Седого Кургана и там встанем, — предложил Мирослав. — И недалеко, еще по свету успеем, и удобно...

— ...и не дует, — заключил невесть почему Володька. — Кто знает новые песни "Фабрики Звезд"? — ответом было молчание, и Володька удовлетворенно кивнул: — До чего хорошо, когда вокруг наши люди...

— Но злая пуля осетина меня во мраке догнала, — задумчиво сказал Серб, искоса стрельнул в сторону Володьки взглядом. Тот многообещающе пошевелил бровями и промолчал. Мирослав разочарованно вздохнул, помолчал минут и затанул негромко и проникновенно, по-прежнему косясь на Володьку:

— Выходил на балкон,
На конюшня смотрел,
А в конюшня ишак...

— Ах, ты!.. — не выдержал Володька и, взмахнув нагайкой, погнался за бросившим коня в галоп Мирославом, который хохотал во всю глотку и продолжал выкрикивать похабщину, ловко увиливая от приятеля, в то время, как Глеб орал им, чтобы они перестали, Петька ржал, раскачиваясь в седле, а Сергей наблюдал за всем этим с удивленной улыбкой.

Володька не догнал Мирослава и вернулся, сердито фыркая и грозя тому нагайкой. Мирослав вернулся рысью, на скаку подобрал с земли упавшую кубанку и, положив одну ногу на седло, подбоченился, запел снова, но уже вполне серьезно:

— "Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удила?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?"
Отвечает конь печальный:
"Оттого я присмирел,
Что я слышу шепот дальний,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж недолго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока."

... Нет, все-таки ваш Пушкин здорово наши песни перевел!

— А это разве Пушкин? — удивился успокоившийся Володька.

— Пушкин, Пушкин, — заверил Серб, продолжая красоваться в седле. — Эх, жаль меня девчонки не видят! Такого красивого. Такого талантливого. Такого...

— ...трепливого, — закончил Глеб. — Вон и курган, смотрите!..

... — А почему мы не заночевали на вершине? Оттуда же все видно, — спросил Сергей, ломая о поднятое колено ветку.

Мальчишки сидели в кружок возле костра. Пофыркивая, паслись рядом в темноте кони

— они не подпустят никого чужого, поднимут такой шум, что куда псам — и хозяев защитят не хуже. Пошелкивали и трещали в огне, быстро сгорая в пепел, почти без углей, легкие, высушенные до бумажной невесомости, ветки сухих кустов, гора которых была навалена рядом, чтоб надолго хватило. Глеб, поправляя на огне большой котелок, где булькала каша, сказал строго:

— На Седом Кургане нельзя ночевать... Там вообще быть долго нельзя. Только если перед дальней дорогой или походом прийти... ненадолго.

— Расскажи ему, Глеб, — попросил Мирослав, полулежавший на седле.

— Расскажу, — Глеб кивнул. — Мне дед рассказывал, — он сел прямее и кинул на вершину кургана взгляд. — Видишь, там ковыль? Он белый, как седина. Сейчас не видно, а днем хорошо заметно... Давным-давно под этим курганом схоронили казаки тех, кто пал в большой битве. Пришли враги из-за гор, и не было им числа. Никто не помнит, что это были за враги, но запылали станицы, закричали люди — и вышли казаки биться за жен, детей и стариков, и бились день, и другой, и третий бились — и ушел враг, не ссалил. Столько было павших, что не получилось бы каждому выкопать могилу — и схоронили их казаки под курганом. Каждый, кто жил тут, на нашей земле, набрал ее в шапку, принес и высыпал — и скрыла она павших, укутала их. А ковыль, что вырос на кургане, был седым... — Глеб помолчал, снова поправил котелок. — С тех пор перед походами да дальними дорогами наши предки молились на кургане. Там же и атаманов своих выбирали... А еще было. В восемнадцатом году... Когда не стало царя и власти, напали на наши земли горцы-вайнахи... ну, чеченцы, ингуши... Пришли мстить за то, что верно наши предки служили русским царям, земли грабить не давали, людей в неволю угонять, разбойничать. В станицах мужчин не было — все на фронтах, ведь война-то еще шла. Братьям нашим, терцам, вовсе страшно пришлось — тридцать тысяч детей да женщин вырезали за месяц горцы, сорок станиц сожгли, людей палили живьем в храмах, на крестах распинали, конями рвали на части... Дошли и до нас. Как могли, бились станичники. Женщины, подростки, деды оружие взяли. Да разве это сила... Гибель пришла! А младший сын атамана, мальчишка вроде нас, прорвался верхом к Седому Кургану. Коня под ним убили, его подстрелили, да порубили... Вскарabкался он на кручу. Стал просить бога, чтобы защитил беспомощных. А с кургана видно — весь край огнем взялся. Горит все. Погибает. Рушится. Заплакал он. Просит... Сил не стало — упал наземь, и кровь полилась на ковыль, на землю... — Глеб поворошил ветки, вздохнул. — Упали капли — и страшным криком закричала земля. Ветер подул, буря поднялась. Раскрылся курган, выпустил мертвые сотни. Ударили те на разбойников — молча ударили, по вихрям скакали, и сами — как вихрь. Бросились бежать налетчики, да так в буре и сгнули, никто в горы не уполз — а вихрь улегся, и казаки исчезли...

Глеб умолк, снял с огня котелок, стал раскладывать кашу в миски. В глазах у ребят плясали огни костра, пламя резко очертило скулы, заострило и отточило черты лиц.

— Это ведь легенда... — сказал Сергей. Глеб кивнул.

— Конечно... На самом деле шел отряд с турецкого фронта, он и спас здешние станицы, а потом дальше пошел, к атаману Краснову.⁷ Но людям так запомнилось... Тебе каши побольше?

— А? — Сергей хлопнул глазами. — Да сколько всем... Парни, я что-то не очень понял... У вас что, клуб военно-патриотический?

— Да вроде того, — Петька поставил миску себе на колено: — О, горячо... Только не клуб, а Отдельная Учебная Сотня станицы Святоиконниковской Кубанского казачьего войска.

— Воевать учиться? — уточнил Сергей.

— И этому тоже, — согласился Глеб, накладывая кашу Мирославу. — А как иначе?... Вон, у Петьки один старший брат в Чечне погиб в 95-м, двоюродный брат с отцовской стороны в двухтысячном подорвался на mine, еле выходили, а дядя, брат матери, со всей

семьей, пять человек, еще в 92-м где-то в Надтеречном районе пропал, и концов не найти. У меня один дядя в 94-м в Грозном погиб, другой в плену был, уже во вторую войну, чудом бежал... У Володьки ингуши отца искалечили, сестру... ну... в общем, она умерла... и старший брат в бою погиб. И у Мирослава старшие брат и сестра в боях погибли — он с албанцами, она с хорватами, отца три раза ранили, а потом вообще все их село сожгли, они еле спаслись. Это в Сербии, далеко, а все то же самое... Вот мы и учимся. На всякий случай. Да и у тебя та же история, хоть ты и не помнишь... Всем досталось? — вопрос был двусмысленным.

Сергей уже взялся за ложку, но обратил внимание, что остальные мальчишки ждут, чуть шевеля губами. Он понял, что ребята молятся — и подождал их, подумав, что и сам был бы не прочь помолиться... Но кому? О чем? Как? Он не знал.

После ужина Мирослав отправился мыть посуду. Петька пошел с ним, прихватив карабин. В плавнях гулко бубнила выпь — так и казалось, что в трясине завяз бык; трещали кусты где-то неподалеку. От ручья в низине расползлся туман — волнами, набегавшими друг на друга.

Сергей раскатал выданную ему «колбасу» из двух одеял — и замер над ними. На миг вспыхнуло: он вот так же раскатывает спальник. Но эта вспышка погасла, и он, разочарованно дернув плечами, уселся на одеяла, подогнув ногу и поставив подбородок на колено второй. Сидеть со скрещенными ногами, как у казачат, у него долго не получалось.

— Костер до утра погаснет, — заметил Володька, вытягиваясь на одеялах и закидывая руки под голову.

— Не простудимся, — рассеянно сказал Глеб, осматривая подошвы сапог. Возле ручья, в тумане, голос Мирослава лихо начал:

— Ах, как много выпало снега!
Да как же когти рвать поутру?
Одиноким волком я бегал —
Одиноким волком помру...

— но дальше он петь не стал, а через полминуты они с Петькой объявились возле костра.

— Тихо везде, — сообщил Петька, осторожно укладывая карабин возле своей еще свернутой скатки. — В смысле людей... А вот кабаны что-то там делят, ниже по течению.

— Ну что, спать? — поинтересовался Глеб. Мирослав помотал головой:

— Рано еще. Пошли к девчонкам. Вон полевой стан светится, до него всего-то километров пять.

— Не меньше восьми, — лениво сказал Петька. — Никак ты не научишься в наших местах расстояния определять... Лучше спой что-нибудь нашенское.

— Наше, — поправил Мирослав, — никак ты не научишься на родном языке говорить... Ладно, сейчас... — он задумался. — Вот.

Не брани меня, отец,
Что так получилось —
Что послала нам свинец
Злая чья-то сила...

— голос Мирослава был красивым и грустным, даже казалось, что за ним звучит какой-то аккомпанемент, хотя, конечно, никакого аккомпанемента не было и быть не могло...

— Что такого молодца,
удалого хлопца,
Пуля-дура подвела

к мертвому колодцу...

Мирослав спел еще пару казачьих песен, потом — сербскую "Тамо, далеко..." Разохотившись, все хором грянули ДДТ-шную "Просвистела..." Сергей перебрался на одеяла лег, глядя в небо, где звезды мешались с искрами костра в невиданном танце. Мальчишки рядом вдохновенно и довольно слаженно распевали:

— Всюду черти!
Надави, брат, на педаль!
Час до смерти — а сгоревшего не жаль!
А в чистом поле — ангелочки-васильки...
А мы на воле — и нет ни гари, ни тоски!
О-о-оо! Ай-аа!

— Кто я? — шепнул Сергей этому хороводу, кружившемуся под пение ребят. — Что со мной? Откуда я?

Звезды молчали, только подмигивали мальчишке.

4.

Глеб проснулся от того, что ему хотелось курить. Точнее, ему снилось, что он закуривает — и в этот момент он и проснулся. Желание курить осталось.

Было сыро и холодно. Пласты тумана переползали с места на место. Темная масса с пофыркиванием выдвинулась из них, раздвигая муть, ушла в сторону — лошадь... Часы показывали без пяти четыре. Немного ныла шея — от неудобного положения. Выползть из-под одеяла не хотелось. Очевидно, остальные придерживались того же мнения. Глеб видел только разноцветные затылки над одеяльными свертками.

"Покурить бы, — тоскливо подумал Глеб, ежась и засовывая ладони между коленок. — Серб и Володька не смолят, а вот у Петьки сигареты есть точно... Я, конечно, слово давал — в лагере не курить... но ведь мы и не в лагере, так?"

Конечно, это была отговорка, но курить хотелось очень. Где-то за туманом на пределе слуха клочкотали вертолетные винты — наверное, облетали административную границу с Чечней. Глебу было трудно о ней думать, как об административной — на протяжении всех 90-х, сколько он себя помнил, граница была источником опасности, настолько явной и грозной, что даже мужчины в плавни иначе как с оружием и большими группами не ходили. Да и сейчас — так ли много изменилось? Глеб много раз встречался с мальчишками из станицы Большаковской, почти полностью заселенной терцами, выгнанными из Чечни — они и не скрывали, что старшие учат их: готовьтесь и ждите, при первой же возможности заберем назад все земли до Терека, чеченцы на них права не имеют. Конечно, по телевизору говорили совсем другое — о мире, о согласии — но Глеб не верил телевизору, а верил своим ушам и глазам, говорившим ему: нет никакого мира.

Так, стоп. Рыжий — это Володька. Темно-русый — это Петька. Совсем черный — это Мирослав. А?..

Одна лежанка была пуста. Сергей куда-то умотал.

Нет, Глеб не запрыгал от беспокойства. Мало ли что и как? Но с другой стороны — Сергей нездешний, с амнезией... Мало ли что? К тому же туман.

Глеб прислушался к себе. Спать ему не хотелось. Нет, днем будет тянуть в сон, где-то после полудня, но пока уснуть не удастся. Откинув одеяло, он несколько раз шмыгнул рукой по волосам, встал, потянулся и, на всякий случай зацепив за край кармана «байкер», пошел в сторону низинки, где протекала речушка. В первые несколько секунд ему показалось, что очень холодно, но потом это ощущение прошло, только трава обжигала ноги росой.

Возле речушки никого не было, кроме азартно устроивших толкучку за завтраком комаров. Глеб, отгоняя их размашистыми движениями, побродил по мелководью, задумчиво умылся. После росы вода казалась теплой, словно подогретой на огне. Даже выбираться из нее не хотелось, но Глеб вылез и пошагал на курган.

Примерно с половины склона тумана не было — верхушка Седого Кургана поднималась над белесым волокнистым морем, простиравшимся во все стороны, сколько хватит глаз. Солнце еще не взошло, местами из тумана поднимались деревья. Сперва Глебу показалось, что Сергея и тут нет — но потом он увидел, что тот сидит на восточной стороне, прямо на земле, почти полностью скрытый ковылем. Он то ли правда не слышал, как Глеб подходит, то ли ему было все равно — скорее все равно, потому что Глеб, подойдя вплотную, увидел, что щеки у Сергея мокрые, и не от росы. Он смотрел туда, где должно было взойти солнце, сцепив руки на коленях.

— Ты так не уходи, — Глеб сел рядом (земля оказалась теплой). — Мало ли что.

— А... — Сергей даже не пошевелился.

— Не «а», а не уходи, — повторил Глеб. — Это тебе что, шутки?

— Мне сны снятся, — голос Сергея сорвался, словно от крика, он сглотнул и продолжал: — Я во сне все помню — кто я, откуда, что со мной было, вообще все-все. А потом просыпаюсь — и как ножницами отрезает. Пытка такая...

— Ладно тебе, — Глеб сорвал метелку ковыля, встал: — Пошли, а то и то из наших еще проснется, тоже искать побегут. Да и не надо тут просто так сидеть.

— Пошли, — Сергей встал, мазнул по лицу рукой. — Мне умыться надо...

— Ну и пошли к речке.

Они неспешно спустились в туман, ставший, кажется, еще гуще. Сергей спросил:

— Я даже не знаю, как мне теперь быть.

— Да никак, — как можно беззаботней отозвался Глеб. — Будешь у нас жить, пока атаманы через Москву твоих не отыщут.

— А если не отыщут?

— Отыщут... Или сам вспомнишь. Эта, как ее, амнезия — она проходит. Сам говоришь — снится, значит, и наяву вспомнишь. Может, сразу, а может — потихоньку. Тебе врачи что говорили?

— Говорили — от стресса, — вздохнул Сергей. Глеб хлопнул его по плечу:

— Ну вот! Раз это не от битья там или чего, а от стресса, то точно пройдет. У нас один так вот с войны приехал, дружки привезли — вообще без башки, он даже имени своего не помнил. Пожил три месяца, а потом утром как-то встает — и все прошло, начисто, все-все вспомнил, — Глеб махнул рукой.

— А у вас многие воевали? — спросил Сергей. Глеб пожал плечами:

— Да все. Кто воевал, кто служил, кто служит... Мы же казаки, кубанцы, а не кто-нибудь... Давай, умывайся... а потом еще знаешь — принеси там пасту, полотенца, а я искупаюсь, ага?

Глеб сдернул пятнистую майку, скинул камуфляжные штаны, стянул спортивные трусы и, бегом влетев в реку, чтобы поменьше общаться с комарами, бухнул не глубину...

...Человек, проснувшийся от шума и плеска, уже минуту, не меньше, наблюдал из кустов метрах в десяти вверх по течению за тем, как один русский мальчишка, негромко, но эмоционально ухая, плещется в реке, а второй, стоя у берега, тщательно умывается. Пальцы человека стискивали рукоятку большого американского ножа. Он бы добросил его до того щенка, на берегу, но этот, в реке... Как и все жители его мест, человек не умел плавать и остро жалел, что у него нет бесшумного пистолета. А с другой стороны — благословлял Аллаха за то, что не взял такое оружие. Он бы не удержался, но тут не запуганная и равнодушная средняя полоса России, где можно не стесняться. Если пропадут двое казачьих щенков, то через полсуток его будет искать не ленивая и продажная милиция, а сотни обозленных местных жителей с оружием. А если (не если, а — когда) поймают — просто убьют. Человек не боялся смерти. Но погибать сейчас — значило совершить глупость. Он

подался назад — и бесшумно исчез в зарослях...

...— Неси полотенце, ты чего?! — Глеб присел на мелководье, отгоняя от лица и плеч комарье. — Э, Сергей, ты чего?

— Ничего, — Сергей сморгнул, отвел взгляд от кустов на противоположном, совсем близком, берегу. — Показалось... Я сейчас принесу...

...Дорога через поля так и подмывала пуститься галопом, что Мирослав и Володька несколько раз и проделывали. Глеб орал на них, потом вытянул Серба сложенной нагайкой между лопаток, тот не остался в долгу и ожег своей круп жеребца Глеба — тот с полминуты не мог с ним справиться.

— А мы что, не обратно едем? — спросил Сергей, принимая от Петьки четвертушку шоколадки. Тот прищурился:

— А ты откуда знаешь?

— А по солнцу, — Сергей задрал нос. — Как ехали на запад, так и едем.

— Обратно после полудня повернем, — сказал Петька. — Увидишь, от Каменной Бабы.

— От какой бабы? — не понял Сергей. Петька махнул рукой с висящей на запястье нагайкой:

— Ну, памятник такой. Скифский или еще чей, я хрен его знает.

— Скифский, — подтвердил Глеб. — Только ты его, Сергей, сейчас не увидишь... Мы к Вану завернем, потом обратно.

— А Ван кто такой? — поинтересовался Сергей. Глеб зевнул:

— А... Кореец. Ван-кто-то там. Тут все земли вообще-то станичные считаются но у нас народу мало, ну и арендуют землю иногородние. Он помидоры выращивает. Скиба просил, чтобы мы ему насчет столовой записку передали... Ты слушай, — Глеб почесал нос. — Давай мы тебя как-то поудобней называть будем.

— В смысле? — не понял Сергей. Глеб засмеялся:

— Ну! Я — Глебыч, Мирослав вон — Серб, Петька — Сухов, потому что на Петруху не похож, Володька — Джигит... Давай тебя хоть Серым звать будем, хоть у нас их уже трое!

— Лучше Бокс, — сказал Сергей и сам удивленно моргнул глазами вместе с остальными.

— Почему Бокс? — удивился вслух Мирослав. Сергей пожал плечами:

— Я... не знаю. Вырвалось...

...Плантация Вана оказалась здоровенной — как хорошее поле, в дальнем конце которого виднелся хороший дом с пристройками в окружении небольшой рощицы. Среди кустов с еще только начавшими краснеть завязями возились полдюжины пропитых личностей — нанятые корейцем за харч и одежду на лето бомжи из Буденновска и еще каких-то городов. На мальчишек они внимания не обратили.

— Мы с тобой? — спросил Мирослав, придерживая коня. Глеб отмахнулся:

— Да зачем толпой? Тут тропинка узкая, потопчем... Я один. Держи повод, Серб, — он ловко перебросил ремни другу, с шиком соскочил наземь, поправил кубанку и зашагал через поле к домам по натопанной тропе, помахивая нагайкой — то в воздухе, то твердо пристукивая по голенищу сапога.

Идти было далеко, Глеб взмок, упрятал кубанку за ремень и мечтал о том, как он сейчас попьет воды из колодца, устроенного корейцем в старой артезианской скважине. Тень деревьев приближалась, но там было безлюдно. Ван жил один, без семьи — то ли ее вообще не было, то ли дожидалась хозяйина в Корее... Кто его знает?

Оставалось сделать еще десяток шагов, когда кореец материализовался — с улыбкой, легко одетый, в сандалиях, излучающий гостеприимство. Он говорил по-русски с неизбежным легким акцентом, но почти незаметным и не делавшим его речь смешным, как это часто бывает.

— А, Глебыч заехал! Пить хочешь? Тебе чего — воды, квасу... — он хитро подмигнул, — ...пива?

— Воды налейте, пожалуйста, — Глеб достал из кармана листок блокнота. — Вот, господин войсковой старшина просил вам передать.

— Конечно, конечно, — Ван просмотрел бумажку, кивнул: — Скажи — все сделаем, быстро сделаем... Пошли, попьешь, пошли в дом, там прохладно, — и он первым поспешил к высокому крыльцу.

Глеб зашагал следом — но сделал всего десяток шагов, повернувшись к сараю, на двери которого висел замок — она как раз содрогнулась от удара изнутри, что-то неразборчиво прокричал человек.

— Это кто? — Глеб споткнулся. — Кто там у вас?

— А, там? — Ван тоже остановился, повернулся. — Рабочий. Напился вчера ночью и буйнит, едва скрутили... Пошли в дом, пошли.

— А, — Глеб сделал еще шаг — и снова остановился — в дверь нанесли второй удар, и сорванный мальчишеский голос закричал уже отчетливо:

— Кто там?! По-мо-ги-те!!!

— Рабочий? — Глеб не двигался с места. В дверь били еще и еще. Ван пожал плечами:

— Да мальчишка, бомжонок тоже... Мало того, что пьет, еще и вороватый, спасу нет... Пош...

— Погоди-ка, — Глеб мотнул головой в сторону сарая. — Ну-ка откройте... пожалуйста.

— Да зачем, Глебыч? — Ван скривился. — Он еще не проспался, сам слышишь, сейчас, не дай бог, какую доску подхватит, тогда...

— Откройте, — приказал Глеб. Ван помедлил, вздохнул, пожал плечами:

— Ну сейчас. Ключ принесу, — и поспешно исчез в доме.

Глеб, не очень спеша, подошел к сараю. Удары прекратились, но через дверь слышалось дыхание.

— Ты кто? — спросил Глеб. Но ответа не получил. Из дома истошно закричал кореец:

— Сорвался, ай-я, сорвался, спасите!

Обернувшись, Глеб увидел только одно — по тропинке на него молчаливой белой молнией неся угловатый, словно собранный из детского конструктора, большоголовый пес, в пасти которого, казалось, ничего нет, кроме сотни зубов.

Это был бультерьер.

Глеб никогда раньше не видел у Вана собак, а теперь понял — глупо, конечно, какая плантация без собаки? Бультерьер — тупая злобная тварь... Молнией промелькнули в голове все истории о вырванных животах, перегрызенных в муку костях, откушенных головах... Но это были мысли, а не действия. А сделал Глеб только одно.

Бультерьеры почти не чувствуют боли. Но Глеб и не сделал ему больно, он просто убил похожего на спятившего робота пса одним ударом нагайки в лоб.

И только после этого ощутил, как подкашиваются и дрожат ноги.

Он любил собак. Но лежащую возле его сапог помесь крысы и крокодила невозможно было воспринимать, как собаку, друга и защитника. В псе было столько же общего с овчаркой или сенбернаром, как у маньяка-убийцы с человеком. Поэтому Глеб просто перешагнул через труп с протекшей через оскаленные зубы кровью и пошел к дому, играя нагайкой и переводя дух. Про себя. Незаметно.

Ван еле сползал с крыльца, придерживаясь одной рукой за перила, а другой прижимая сердце. В этой руке был ключ.

— Сорвался... — простонал кореец. — Как ты его... это вот везение... я уж думал...

Глеб взглянул в его узкие глаза и, уловив хвостик страха, прижал его каблуком...

...Ван судорожно мыкнул и медленно перевел взгляд на руку — ту, что лежала на перилах. В миллиметре от пальцев лиственничный брус был перерублен на четверть длины ударом нагайки.

— Вырвалась, — сказал Глеб. — Неудачно, а если б по руке? Пойдемте, покажете, какой там у вас малолетний преступник... Пойдемте, пойдемте... а то ведь опять вырвется,

не дай бог. Господин Ван, вам не рассказывали, как наши прадеды германских кирасир нагайкой наповал убивали, с одного удара? Тюк по каске — и лапти врозь...

Нехотя, косясь на Глеба, кореец открыл сарай — тяжело лязгнул выпущенный им из рук пробой. В небольшом помещении, почти сплошь заставленном какими-то инструментами, в неудобной позе лежал на полу мальчишка лет 12, загорелый дочерна, здорово грязный, одетый только в вылинявшие шорты, с копной растрепанных светло-русых волос. Он приподнялся на локте — и Глеб понял, что руки у него скованы за спиной в запястьях, а другой цепью — притянуты к так же закованным ниже щиколотки ногам. Из-под колец цепей сочилась кровь, на острие какой-то бороны висел мокрый, разлохмаченный тюк кляпа. Глаза у пацана были сумасшедшие.

— Буянил... — Ван улыбнулся, — я же говорю... вот и пришлось...

— Врет он все! — отчаянно и напропалую закричал мальчишка, катаясь по полу.

— Врет, дяденька! — кажется, он толком не соображал, кого видит перед собой, только понимал, что Ван этого человека боится. — Я мать ищу! Я правда мать ищу! Я к нему нанялся на месяц, подработать, пахал с утра до ночи... — мальчишка говорил яростно, но ни разу не матюкнулся (Глеб представил, как бы «излагался» сам в подобной ситуации!) — Он соврал, что заплатит! А сам! А сам! — мальчишка что-то никак не мог вытолкнуть из себя, завопил щекой по полу: — А сам!.. Спросите его, что он вчера со мной... сделать хотел! Я его укусил, там, за плечо укусил! А он меня сюда! Сказал — без воды я быстро поумнею! Я!.. — и мальчишка закатился в истерическом плаче.

Глеб посмотрел на Вана. Поднял руку с нагайкой, отодвинул дорогую легкую ткань на плече — правом, угадав сразу. Глубокий след укуса, замазанный йодом, отчетливо выделялся на коричнево-желтоватой коже припухлыми очертаниями человеческих челюстей.

— Ключи от цепей несите, — сказал Глеб. — побыстрее... У вас там, кажется, ружье есть? Не надо лишних телодвижений. На окраине вашей... плантации четверо наших, у них карабины. Они разозлятся и подпалят вашу фазенду с углов, а вам и выйти не предложат. Поняли? КЛЮЧИ. Бегом.

Ван бросился к дому. Глеб присел, положил руку на плечо ревущего мальчишки, спросил:

— Мать твоя где?

Тот тяжело, с икотой всхлипнул, повернулся чуть удобнее:

— В Пятигорске... Она пьющая... сильно... Я в детдоме... сбежал, заберу ее... есть такие клиники, где лечат... я ее туда, а лечение я... отработаю, как хотят, пусть даже... — он дернулся и отвернулся, пробормотав: — Хоть ТАК...

— Дурак ты, — зло сказал Глеб, но зло было не на мальчишку, и тот это почувствовал.

Ван принес ключ. Бегом. Ноги у него подгибались. Глеб рванул массивный стержень с бородками из рук корейца, сам щелкнул двумя однотипными замками — и ощутил тяжелый толчок злости, увидев широкие красные раны, забитые ржавчиной и пылью. Злость перерастала в неконтролируемую ярость, Глеб, выпрямившись, посмотрел сверху вниз в глаза хозяину плантации — и тот, задрожав, попятился, губы у него прыгали, взгляд бегал с лица Глеба на нагайку, которая, словно послушный хозяину зверь, вилась вокруг голенища сапога.

— Тащи перекинь, йод, бинты, обувь — хоть свою, — приказал Глеб. И, склонившись к отшатнувшемуся Вану, сорвал у него с пояса мобильник.

5.

Обратно часто скакали галопом — дороги, по которым возвращались, были полевыми грунтовками, для коней самое то. Когда до лагеря оставалось километров пять, а солнце коснулось нижним краем горизонта, лежавшего где-то за степью, Сергей и догнал Глеба, ехавшего в голове колонны. Все мальчишки были покрыты пылью, сделавшей их почти

неотличимыми, пыль на шкурах коней превратилась в грязную корку, набилась в волосы и сапоги и, как Глеб подозревал, даже в оружейные чехлы.

— Зря ты милицию вызвал, — зло сказал Сергей. — Надо было отходить эту гадину вашими нагайками и волочь за собой на аркане, — он кивнул на тугую скатку троса, висевшую у луки седла Глеба.

— Лет сто назад так бы и сделали, — согласился Глеб. — Но ты не волнуйся, в милиции много наших. И малолетке пропасть не дадут, и эту тварь отсюда наладят... ппппомидорчики! — Глеб сплюнул пылевым сгустком, — Как нас не заслабило с этих помидорчиков!

— Постой, — Сергей захлопал слипшимися ресницами, — как «наладят», куда?! Ему же сидеть нужно!

— Посадить его по закону не получится, — поморщился Глеб. — Уберется с Кубани — и черт с ним. Все равно у него тут никто больше ничего покупать не будет...

— Эй, давайте до лагеря проскачем! — крикнул Володька, закрутил над головой нагайку, потом взвыл по-волчьи, кони шарахнулись, оседая на задние и закидываясь.

— Хватит, эй! — Глеб с руганью осадил жеребца. — Шагом поедem, чтоб все лечь успели, а то от таких чучел у парней сон отобьет...

— ...а девчонки вообще родят, — добавил Петька. Серб поинтересовался:

— А ты что, позаботился уже, чтоб было кого?

— Или ты...

— Бультерьера ты здорово уработал, — сказал Сергей, качнув головой. — Я не поверил, как увидел...

— Да ну его, — Глеб вздохнул и признался вдруг: — Я так испугался, ты бы знал.

Мирослав позади грянул Розенбаума:

— К дому путь-дороженька далека,
И трехрядка рвет меха — ох, лиха!
С шашками да пиками,
С песнями да гиканьем,
Едут-едут кубанцы
по верхам!

— и еще четыре мальчишеских глотки подхватили над вечерней дорогой:

— С шашками да пиками,
С песнями да гиканьем,
Едут-едут кубанцы
по верхам!..

...Скибы в лагере, как ни странно, не было — он редко покидал его пределы на ночь, и Глеб отрапортовал Лукашу, против обыкновения серьезно и внимательно, но как-то отстраненно выслушавшему репорт от начала до конца. Судя по всему, из милиции уже позвонили, но есаула не это беспокоило. Глеб закончил рапорт и с полминуты недоуменно молчал, прежде чем Лукаш очнулся и приказал: коней расседлать и привести в порядок, самим вымыться и привести в порядок, оружие вычистить и привести в порядок, лечь спать, и чтоб был полный порядок. После чего круто повернулся и удалился,

— Чё это он? — удивленно спросил Петька. — Мы же не так сделали?

— Да он не на нас, а вообще, — глубокомысленно заметил Глеб и потянулся:

— Сейчас бы спать, а у нас еще дел... — и он присвистнул.

Сдав оружие на время дежурному, ребята покидали в большое корыто, сделанное из половины оцинкованного бака и на треть врытое в землю, всю форму, от носков до курток, выколотили пыль из кубанок и, взобравшись на расседланных лошадей, поехали шагом к

пруду в сотне метров от лагеря. Все клевали носами. Володька предложил:

— Давайте так: сейчас по-быстрому ополаскиваемся, потом двое кто-то идут чистить «сайги», а трое отмывают коней. Быстрее получится. А потом стирка.

— Я пушки почищу, — вызвался Сергей, почти уснувший "в седле". Глеб присоединился к нему:

— А мне охота узнать, чего наш воспитатель и наставник такой... — он сделал рукой в воздухе замысловатый жест.

...Пока дошли обратно — ноги почти по колено снова покрыла пыль. Глеб отмахнулся:

— А, да ну... Стираться будем — вымоемся.

— Я так спать хочу, — признался Сергей, — глаза закрываются и зад болит.

Глеб хихикнул:

— Потому что спать хочешь, что ли?

— Не, потому что набил, — пояснил Сергей и замурлыкал:

— И мы вошли в эту воду однажды
В которую нельзя войти дважды!
С тех пор я пил из тысячи рек,
Но не смог утолить этой жажды...

— Дождь недавно был, а какая пылища!

— Все сразу в землю ушло, — пояснил Глеб. — У нас тут главная беда — засуха...

В палатке дежурного сидел с компьютером на коленях Лукаш. Компьютер был подключен к Интернету, что само по себе вызывало удивление и даже негодование — никому из казачат в лагерь даже мобильник взять не разрешили! Мальчишки разместились на полу у входа, где поддувало снаружи и начали разбирать «сайги». Глеб следил за Сергеем — тот явно думал о чем-то своем, а пальцы действовали автоматически. «Калашников» он разбирать точно умел... "А вот о чем он думает, — неожиданно спросил себя Глеб, — если нет прошлого? О двух последних неделях? О сегодняшнем дне? Брр!" Чтобы отвлечься, Глеб повел взглядом по палатке — и увидел, что на кровати в навал лежат парадные костюмы: черкески⁸ с широкими рукавами и газырями, с пристегнутыми башлыками, кинжалы... Парадку казачата надевали только на открытие лагеря и должны были еще раз надеть на закрытие — и все.

— Дмитрий Данилыч, — окликнул Глеб есаула, не переставая вычищать ветошью затворную раму.

— Мррм?... — отозвался тот. Его лицо, подсвеченное снизу меняющимся сиянием экрана, было похоже на кадр из голливудского боевика про Хорошего Парня, Раскрывающего Коды Русских Ракет, Захваченных Безумным Генералом. Только в американских фильмах Хорошие Парни обычно безусые...

— Форму чего принесли?

— Мрум... — буркнул Лукаш и, отставив ноутбук на постель, сказал Стёпке Куприну, который дежурил (делал вид, что не спит): — Ну-к, необстрелянный, притащи с кухни минералочки... Затря, — так Лукаш произнес «завтра», — у нас визит иностранных друзей. Незапланированный, но радостный.

— О... — простонал Глеб. Туристы не часто, но все-таки навещали казачьи станицы Кубани — посмотреть "казачью жисть", каковую им с удовольствием показывали специально отряженные атаманами группы тщательно к этому готовившихся людей. Прошлым летом какие-то восторженные идиоты из Голландии, вырвавшись из-под опеки экскурсовода, вихрем пронеслись по окраинам Святоиконниковской, сверкая блицами, урча видеокамерами и восторгаясь то горшку на плетне, то какому-то колоритному деду, то половикам-самовязам, вывешенным на калитку для просушки, предлагая жуткие суммы за

всякую хрень и внося разброд и шатание; в мозги казачества. Глеб сам попал в чудную — толстая тетка в шортах, тощий мужик со странными манерами и молодая девчонка, бритая наголо, подошли к их дому как раз когда Глеб, намереваясь покормить уток, вышел к калитке с чашкой хлебных обломков. Судя по всему, туристы просто хотели попить, но вместо этого, когда он разрешил им войти, с торжественным видом съели по куску черствого «черныша» и поклонились. Глеб так обалдел, что не сопротивлялся, когда с ним начали фотографироваться на фоне стоящей как раз перед домом Семаг церкви.

Позже злой и запыхавшийся экскурсовод объяснил Глебу что "эти недоумки решили — так встречать гостей с хлебом казачий обычай, блин!"

А зимой Глеб получил номер какого-то голландского журнала — толстого, почти без текста, но с множеством великолепных цветных фотографий. На одной из них он с улыбкой тихо помешанного стоял на фоне церкви: растрепанный, в одних подвернутых спортивных штанах с лампасом, со злополучной миской под мышкой. После долгих мыканий все по тому же Интернету он смог с грехом пополам перевести подпись под фоткой: дескать, юный казак станицы «Светлоконниковская» в деталях (!!!) национального костюма. Ну еще бы — лампасы они увидели, а гордой надписи «PUMA» на левой штанине не заметили.

Журнал Глеб показал только Сербу. Его в пот бросало при мысли, что это "познавательное издание" могут увидеть девчонки.

Кстати, визит позапрошлым летом в тот же лагерь (Глебу еще не подошел срок ехать, но старшие рассказывали) был уже не столь смешным. Приехали человек пять, отсняли репортаж, поговорили с ребятами, девчонками, воспитателями... а через две недели всего после их отъезда сразу в нескольких западных изданиях появились репортажи о том, как посреди "Кубанских Болот" спецназовцы ГРУ готовят "подростков-убийц для действий на Кавказе" — минеров, снайперов, террористов: и порох-то им в еду подсыпают для злости, и какими-то препаратами пичкают, и охотятся они с голыми руками... и еще куча злой, неумной, но сочной лжи. Так что у Глеба не было причин радоваться предстоящему визиту — ни с какой стороны. Он так и сказал.

Лукаш покивал. Но потом вздохнул:

— Да тут все не так... Лучше и хуже сразу... Ребятам-то уже объявили — ну а вас не было, хотел Александрыч завтра рассказать — ну да ладно. Дело такое...

...В США существуют довольно много кадетских академий, которые готовят подростков и юношей по полувоенным программам «Полу-» — потому что окончивший такую академию не обязательно становится офицером, хотя и чаще всего. После академии легче поступить в военные училища, а главное в США с их культом армии окончивший военную академию котируется вообще выше, чем выпускник обычной школы или колледжа. Как выяснилось из рассказа Лукаша, руководство одной из таких академий — почти что лучшей в Штатах! — с зимы вело переговоры с кубанцами, в перспективе желая организовать визит своих кадетов 13–15 лет в одну из станиц войска. После того, как все вышло аж на федеральный уровень, был отдан приказ, прямой и недвусмысленный — в целях укрепления дружбы американцев принять, провести мероприятия, завязать контакты, наладить отношения, мир-дружба-жвачка-балалайка. Атаманы, потерзав чубы и почесав затылки, поступили просто: методом тыка выбрали один из военных лагерей, тоже приказав показать гостям из-за океана все, на что способны местные, ну а уж потом организуем им культурную программу, поездки по местам боевой славы и так далее. Короче говоря, завтра в сопровождении своры журналистов и стаи чиновников прибудут кадеты из ЮпЭс-Эй. Как хочешь, крутись, теща, а похороны во вторник — чтоб была готова.

— Мы с Александрычем и с ребятами из центра весь сегодняшний день метались, думали, что и как, — сказал Лукаш. — Те-то предлагали: мол, штатовцы все равно наших в лицо не знают, а сами привезли, конечно, лучших — давайте мы, ну, как бы укрепим вас, перебросим сюда пару десятков парней из других мест, разрядников там, специально натасканных по разным делам. Но ты ж, Глебыч, Александрыча знаешь! Кубанку заломил, — Лукаш показал, как Скиба это сделал, — и давай про честь и совесть чушь

пороть... — в голосе есаула звучало восхищенное одобрение. — Прибудут они завтра где-то после полудня, тут мы покажем разную экзотику, джигитовку там, прочее... На следующий день — настоящие спортивные соревнования, много. И на третий, наверное, военная игра. Может, на четвертый — если с соревнованиями за один день не справимся... Глебыч, ты так калибр до семь-шестьдесят-два доведешь. Полегче чисть.

— А? — Глеб посмотрел на свои механическидвигающиеся с шомполом руки, мотнул головой и высказал сокровенное: — Ой, ну, блин, да-а!!!

6.

Всё-таки на свете, наверное, нет таких переживаний, которые могли бы лишить сна того, кому еще не исполнилось шестнадцать. Срок побудки в полседьмого был благополучно пропущен, лагерь дрых и поднялся лишь на завтрак, да и то — Лукаш ходил по палаткам и не орал "подъеммммм!!!", а говорил негромко, подходя к каждому: "Вставайте, вставайте, пацаны, пора, ну?" День был тёплый, хороший, солнечный, с легким ветерком, почти сразу после завтрака началась деловитая суeta и мельтешение; все меньше и меньше оставалось камуфляжей и, все чаще и чаще мелькали яркие черкески.

Скиба распределял роли на сегодня. Глебу казалось, что в своей нелюбви в показухе войсковой старшина зашел слишком уж далеко — в конце концов, ничего плохого нет в том, чтобы порепетировать. Он не хотел себе признаваться, что робеет, пока не поймал себя на мысли, что говорит коню, расчесывая его гриву. "Опозоримся, ох, опозоримся!" К счастью никого рядом не было...

Сергей, конечно, ни во что не переодевался, но подавленным не выглядел — там помогал чистить коня, там шуровал веником по плацу, там тащил охапку мишеней, там еще что-то делал. Он попадался Глебу на глаза часто, но, если честно, казачонок не обращал на него особого внимания — Скиба поручил ему сольную джигитовку с чомбуром,⁹ а это...

Ровно в полдень дежурный, беспощадно посаженный на самую высокую из лип, подтвердил ранее переданное по мобильнику Скибы сообщение: на дальности визуального наблюдения появилась автоколонна из джипов, милицейских «НИВ» и трех солидно переваливающих на кочках и выбоинах автобусах фирмы «мерседес». Нервное состояние, в спарившееся в лагере, было типичным для воинской части, в которую вот-вот должна прибыть комиссия. Волновались даже те, кто делал вид, что не волнуется. Десяток казачат во главе с Лукашем умчался навстречу — организовывать почетную встречу. Остальные ринулись на плац — строиться...

...Что на самом деле поразило Глеба — количество прибывших сопровождающих. Помимо станичного атамана (он машинально жевал ус) и двух представителей войска в чинах полковников, нервно озиравшихся в поисках не порядка, тут же присутствовали полдюжины чинуш из краевой администрации. Столько же неопознаваемых, но явно "облеченных властью" лиц, вдвое больше журналистов, передвигавшихся со скоростью тушканчиков в сапогах-сороходах, еще какие-то личности... У мальчишки зарябило в глазах, и он порадовался, что стоит в строю — иначе не избежать дурацких вопросов, на которые не знаешь, что ответить. Но самое главное — он не очень понимал, где, собственно, американцы?

В руке Скибы сверкнул обнаженный клинок, как бы отсекая шум — стало в самом деле почти тихо (абсолютную тишину ни журналисты, ни политики, тем более — регионального масштаба — соблюсти не могут, что делать!), и ребята услышали, как войсковой рапортует одному из полковников. Тот принял рапорт, отступил в сторону — и обнаружились американцы.

Их было десятка три — очевидно, "под шумок" высадились из автобуса в успели

построиться за спинами "заинтересованных лиц". Глеб почти против воли уставился на них — и готов был поклясться, что и штатовцы тоже не сводят глаз с казачат. Кадеты замерли в безукоризненном, как по нитке отбитом строю — рослые, плечистые, в неброской форме стального цвета: коротких куртках с накладными карманами, обшитых широким чёрным галуном, с черными же погонами и многочисленными значками и планками вроде орденских, стального же цвета узких штанах с двойным черным лампасом и узких изящных сапогах с высоким передком. На головах — большие фуражки с орлами, руки затянuty в перчатки. Нельзя было не признать, что выглядят юные штатовцы внушительно. В среднем, как честно отметил Глеб, они были мощней и ухоженней казачат — дети богатой страны, не знавшие ни недоедания, ни тяжелой работы по хозяйству, ни бытовой неустроенности... Почему-то Глеб был уверен, что увидит негров — они были в каждом фильме — но ни одного чернокожего в строю не оказалось. Глеб вдруг озадаченно понял: строй напоминает ему... да-да, строй гитлеровских мальчишек из "гитлерюгенда"¹⁰ — уверенные лица, ладная форма, черты... На фланге стояли три человека взрослых в хорошо знакомой по тем же фильмам зеленой форме — наверное, руководители.

Торжественная часть была не менее и не более нужной, чем большинство торжественных частей. Глеб слабо воспринимал то, что там говорят, придя в себя только когда на флагштоках (обычном и поспешно установленном еще вчера втором) подняли государственные флаги России и США под соответствующую музыку из колонок. В остальное время он смотрел перед собой и думал, как понравится всем Сюрприз Номер Один, затеянный ими.

После того, как все (включая, кажется, и полковников) задолбались выслушивать длинные велеречивые заявления о советско-американской дружбе, новых веяниях, молодых поколениях, надежде земного шара и роли "меня великого" в формировании этой надежды, митинг прикрыли. Лукаш скомандовал своим подопечным "равняйся-смирно-направашагом-марш-песню — запевай!" и... сотня мальчишеских глоток грянула — все еще звонко, не басами, но с должной лихостью, присвистом и гиканьем, дружно печатая шаг:

— На вокзале обокрали
"Макдональдс" на сотню мест,
А на сейфе написали:
"Кто не тырит — тот не ест!"
Казаки — гоп,
гоп,
гоп!
А для тебя, родная —
Нагайка мировая —
Отвянь, труба зовет,
Казаки,
в поход!

Мотив был "солдаты, в путь..." Песня производила грандиозное впечатление. У чиновников липа стали обморочными. У гостей — натужно-заинтересованными, они явно пытались понять, что поют. Журналисты бились в тихой счастливой истерике. Девчонки возле палаток укатывались. Лукаш печатал шаг, глядя в небо. Скиба хранил молчание с каменным лицом. А строй заливался:

— Как в пивнушке кружки крали —
Их цепями приковали,
А какой-то ловкий вор

Вместе с кружкой бочку спер!
Казаки...

И еще довольно долго из-за палаток отдавало эхо:

— Крематорий открывали —
Беспризорного сжигали!
Дверь открыли — он танцует.
Говорит: "Закройте, дуэт!" ...

...Расчет, что после этого уберутся все лишние, не оправдался. Журналисты остались — очевидно, слышали и не такое. За время митинга приехавшие в третьем автобусе рабочие собрали из привезенных позже конструкций немаленькую трибуну возле спортплощадки и плаца, а, пока хозяева готовились к показу «программы», гости с молниеносной быстротой возвели на указанном им месте три больших палатки, одну огромную и одну поменьше, успев переодеться в камуфлированную форму с беретами серо-черного цвета и высокими ботинками. Неофициальных контактов еще не было ни одного — штатовцы дисциплинированно заняли места на трибуне, казачата привычно расселись на травке. Только руководители, устроились вместе за большим раскладным столом, на таких же раскладных стульях.

Неожиданно, безо всякого предупреждения (собственно, так и было задумано) на плац ворвалась конная пара. Двое мальчишек со свистом и гиканьем скакали колено к колену, на их плечах стоял третий. На бешеном галопе эта раскачивающаяся пирамида дала круг; со стороны зрителей смеющемуся парню, раскачивавшемуся над товарищами, перебросили «сайгу», а еще через миг с двух разных концов взмыли "тарелочки".

Бац! Бац! Поворот влево-вправо, два выстрела — и тарелочки разлетелись мелким крошевом, а мальчишка, не выпуская из рук карабин, сделал сальто назад, устоял на ногах и кувырком откатился в сторону. Его товарищи, перейдя на рысь, ушли в сторону, но вместо них на плац вылетело еще полдюжины казачат верхом, вооруженных шашками — и пошла джигитовка. Не сбавляя галоп, мальчишки перескакивали из седла в седло, проскальзывали под брюхом коня, перекидывались шашками, вскакивали ногами на седло, бежали рядом с конями, взлетали в стремени прыжком... Со стороны американцев сперва слышался неопределенный гул; потом прорвался хорovým: "О-о-оу... ййее... воооо!!!" и этот клич слышался при каждом новом номере, перемежаемый свистом и аплодисментами.

На другом конце плаца вырос двойной ряд мишеней: грудные и ростовые, которые были сделаны из лозы. Перехватив брошенные им пневматические карабины, четверо казачат, мчась попарно навстречу друг другу, открыли огонь — стоя в стремени на скаку, из-под брюха коня, проскакивая друг мимо друга. Они проскакали в концы плаца, перебросили карабины — в толпу, в протянутые руки — и вот уже снова шестеро с диким посвистом летят в атаку, раскручивая шашки над головами в серебристое сияние. Ж-ж-жик!!! Всадники промчались — и ростовые мишени начали медленно заваливаться, разрубленные какая по линии шеи, какая через плечо, какая ниже.

— Глебыч, — спокойно, с улыбкой, сказал Лукаш, подталкивая Глеба в спину, — давай.

Мальчишка перекрестился, негромко прошептав заученное с детства: "Слава тебе, Господи, что мы — есть. Слава тебе Господи, что мы — казаки!" — и, взяв поданный чомбур, вышел на плац.

Глеб никогда не любил публичных выступлений. Но одно дело — валять дурака в школьной самодеятельности, а совсем другое — защищать честь страны... Ребята закончили расставлять ЕГО мишени — спичечные коробки, несколько штук, вонзенную в землю шашку, плетеное чучело... Глеб выше поддернул рукав черкески, размял руку...

Коробки взрывались один за другим — это в самом деле походило на взрывы, Глеб бил

в них самым кончиком кнута. Свишш! — вылетела зажатая в «зубах» чучела «сигарета» — подходящая палочка. Хрясть! — обвитое за шею, чучело полетело наземь с кола. Виуть! — шашка перелетела рукоятью в руку Глеба, выхваченная из земли чомбуром.

Американцы аплодировали, колотя каблуками. Краем глаза Глеб увидел неожиданно, что один из кадетов, переговорив с кем-то из своих командиров и Скибой, идет к нему.

— Вилл ю, гив ми зис уип? — штатовец был одних лет с Глебом, белобрысый и веснушчатый. Он улыбнулся и старательно сказал: — Пожялюста. Дай мени... — он щелкнул пальцами и обернулся к трибуне, откуда крикнули что-то со смехом, и мальчишка отмахнулся.

— А ту... — Глеб покосился на Лукаша, тот кивнул: — Бери. Осторожно, он больно хлещет, — штатовец свел рыжие брови, и Глеб пояснил в меру знаний:

— Дэйнджер¹¹

— Нэва майнд, — усмехнулся штатовец. — Нитчего... — он снова нахмурился и пальцами показал, что нужны мишени. Подскачившие двое водрузили на место чучело, а один из кадетов, принеся Г-образную загогулину, пристроил ее на манер пистолета у пояса мишени. — Хопп! — выкрикнул штатовец, и «пистолет» полетел в сторону. — Хопп! — «люб» чучела треснул. — Хопп! — оно во второй раз слетело с кола. — Хоу-у... ййе-э! — и чомбур начал описывать вокруг кадета петли и круги, замыкая его в непроницаемый кокон. — Оппс! — и Глеб, не поняв, что рвануло его за пояс, увидел свой кинжал в руке в кадета. Впрочем, тот немедленно вернул и оружие, и чомбур:

— Айм'о сорри...¹²

— Здорово, — признал Глеб. — Во, — он показал большой палец. — Молодец, янки!

— Оу, айм'нт янки,¹³ — замотал головой штатовец, — айм текс... это — Тексас, нот янки.

— А, ясно, — Глеб кивнул, — техасец? Ковбой, да?

— Каубой, — кивнул мальчишка, улыбаясь.

— Энд со олл, олл, олл май...¹⁴ — он помедлил и выговорил:

— Пръедки... — он сунул Глебу руку: — Рони. Роунальд, Рони.

— Глеб, — Глеб с удовольствием пожал руку штатовца.

После этого американцы органично вписались в программу. Аркан несколько человек бросали не хуже казачат. То же получилось и с метанием ножей. Кое-кто перебрался на травку, а на трибунах замаячили кубанки и черкески...

... Сильно запоздавший обед был дан из лагерного котла — специально для экзотики. Впрочем, гости, кажется, сильно проголодались и не очень удивились борщу, каше с мясом, черному хлебу и чаю с сушками в послеполуденную жару. Большинство кадетов в той или иной степени знали русский язык, а казачата вытягивали из памяти обрывки школьного английского, и над столами вопреки всякой дисциплине скоро висел гомон на некоем странном языке, только что изобретенном и понятном обеим сторонам.

Руководители тоже сидели вместо, но... ОТДЕЛЬНО. Двое казаков — на одной стороне, трое штатовцев — на другой стороне стола. А ещё Глеб понял, что Мирослав не пришел на обед. Сергей — тот был здесь, ел и бойко говорил по-английски, легко и чисто. А Серб...

...Мирослав нашелся на берегу пруда. Он сидел на поваленной ветле и кидал в воду камешки.

— Ты чего? — недоуменно спросил Глеб, подходя. — Пошли, обед кончается. Серб, ау?

Мирослав оглянулся через плечо. Вдохнул тяжело. И тихо сказал:

11

12

13

14

— Я не могу на них смотреть, Глеб. Я... я их НЕНАВИЖУ.

7.

Около здорового костра, разведённого на берегу пруда, шли разговоры на несколько тем сразу — и никто никому не мешал, потому что костер был огромен. Кто-то бултыхался в воде. Кто-то обсуждал программу завтрашних соревнований — по рукам ходили несколько свежееотпечатанных на принтере программ. Кто-то просто разговаривал. Звучали сразу несколько гитар. С одного края костра штатовцы пели "Балладу о капитане" Сигера, с другого им откликались казачата с "Группой крови", на третьем звучала кантри — "Счастливый день" Брюса Хэйсса, четвертый отзывался "Кубанским краем" Анастасии Заволокиной. На плацу те, кому не сиделось у костра (в основном. девчонки и штатовцы) устроили дискотеку под Киркорова.

— Так и не пришел, — сообщил Петька, усаживаясь на древесный обрубок, отполированный десятками сидевших на нем за несколько последних лет. — Сидит, как сыч, в палатке. Меня послал. Красиво и далеко.

— Ясно, — буркнул Глеб. И мысленно тоже послал всех сразу.

Американцы были хорошими ребятами. Без натяжек. Но... до Глеба сейчас дошло, что именно отцы и старшие братья этих славных мальчишек ведут себя на Земле, как распоясавшийся уголовник на зоне. Бомбят, жгут, морят голодом и хватают людей просто за то, что те хотят жить по-своему, даже не ища особых причин, уверенные, что так и должно быть.

— Мэй ай аск ю...¹⁵ — Рони, сидевший рядом, чуть наклонился к Глебу. — Вотс мэтта? Вай ю...¹⁶ — он улыбнулся и перевел себя: — Почьему ти запечалился?

— А? — Глеб неприязненно взглянул на него. — Сергей, поди сюда.

— Ау? — Сергей перебрался ближе. — Чего?

— Переведи ему... — Глеб помедлил, и решительно сказал: — В палатке сидит сейчас мой друг. Он серб. Он не хочет их видеть. Они разорили его дом и его страну. Спроси — зачем?

— Ты точно... — Сергей вздохнул. — Ладно... — и заговорил.

— Зря, — шепнул Петька. — Они гости.

— А Серб — мой друг, — ответил Глеб, видя, как меняется лицо Рональда. Он жестом остановил Сергея и кивнул ему, предлагая переводить, а сам заговорил отрывисто и сердито.

— Он говорит, что сербы бандиты и убийцы, — переводил Сергей. — Арабы — террористы, сербы — фашисты и палачи. Они виновны в... в геноциде и массовых убийствах. Так писали во всех газетах и передавали по всем каналам тэ-вэ. Они убивали детей и женщин, жгли города и загоняли пленных в концлагеря. Терпение США истощилось, и они покарали эту варварскую страну... Глеб, не надо, я больше не буду переводить, — быстро сказал Сергей, видя, что у Глеба четко обозначились скулы.

— Переводи, — нехорошим голосом сказал Глеб, — а то я сам переведу... спроси его, кто решил, что эти — террористы, те — фашисты? А мы кто? Пьяницы, бездари и нагаечники? Спроси еще, когда они решат, что нас тоже надо... покарать?

— Он говорит, — Сергей был явно недоволен, — что Америка никогда ни на кого не нападает без повода. Она богата и могущественна, ей нет нужды воевать, поэтому она просто стремится помочь другим. Как Европе против Гитлера.

— А Наполеона на своей территории не они разбили? — не выдержал Петька. — Ты спроси, спроси...

— Наполеона погубила русская зима, — вмешался один из кадетов, говоривший по-

русски почти совсем чисто. — Если бы он напал месяцем раньше, исход войны был бы совсем другим. Я изучал эту войну и писал по ней контрольную.

— Это не «эта» война, а Первая Отечественная, — поправил Глеб. — А после нее наши вот предки, казаки, дошли до Парижа. А по пути отдохнули в половине столиц Европы. Не в первый и не в последний раз.

— Он говорит, — Сергей переводил слова Рональда, — что они не Европа, они — Америка, и в их городах казаков не бывало.

— Если не считать того, что все города на их западном побережье и на Аляске как раз казаками основаны, — заметил кто-то, и казачата захохотали. Кадеты подобрались. Тот, что говорил хорошо по-русски, ответил:

— Пусть так. Вы очень любите гордиться своей историей. Но это было давно. Сейчас все по-другому.

— Все может и поменяться, — сказал Глеб. Сергей перевел.

Рональд вскочил. Потом сел, видимо, заставив себя успокоиться, улыбнулся нехорошо, и Сергей механически перевел сказанное им:

— У вас, русских, есть ядерное оружие. Но оно не вечно, а денег у вас нет. Когда его не станет, мы посмотрим, кто и что поменяет.

Глеб нацелился дать ему в морду. Но удержался и сказал:

— Завтра. Естердей. Там, — он показал в сторону спортплощадки. — Посмотрим. Ви си. Окей. Посмотрим, хватит ли у вас пороха... Переведи, Бокс.

Сказав это, он встал и ушел в палатку.

Последними — минут через десять — ушли с импровизированной дискотеки девчонки...

...Кажется, начальство с обеих сторон догадалось, что между их подопечными что-то произошло, но никак это не комментировало и объяснений не требовало. А построение перед соревнованиями больше напоминало построение в чистом поле двух армий века XVIII, сошедшихся для решительной битвы: сейчас с полусотни метров дадут залп и бросятся в штыки. Журналисты, отлично выславшиеся в пригнанном для них трейлере, недоумевали — ничего похожего на так часто транслируемые по телевизору встречи молодежи, с руками на плечах и дебильными улыбками в камеру... К тому времени, когда построение закончилось, появился караван машин, привезших инвентарь и все такое прочее, а так же — опять! — «чинов», правда, не в таком количестве, как вчера.

Лично Глеб ночь проспал хорошо, как всегда, но ему снились какие-то муторные сны, не запоминающиеся и неопределимые, просто противные. Больше всего он ждал, чтобы наконец-то начались соревнования, ждал почти со злостью. Никто не говорил о том, что "важна не победа, важно участие", что "победит дружба" — ясно было, что именно победа тут только и имеет значение.

Начали с беговой программы. Спринт на сто, двести и четыреста метров зло и напористо выиграли американцы. Вторых и третьих мест тут не присуждали, только один победитель, сколько бы не было участников, но казачатам тут явно ничего не светило, даже будь обычные три места... Та же история повторилась на эстафете четыре по сто, и Скиба закурил у всех на виду, а Лукаш вообще ушел на какое-то время. Девчонки враждебно молчали. Потом штатовцы вышли вперед в беге с барьерами на сотню, и это было уже обидно до слез.

По бегу — до завтрака — оставались еще полтора километра и полоса препятствий в снаряжении. На полторы еще вчера записался Глеб; бежали с ним трое казачат и трое штатовцев.

Полтора километра — это от ворот лагеря вокруг всего комплекса и по тропинке вдоль плавней к воротам. Глеб бежал пятым; оба американца шли с самого начала первым и третьим. После первых пятисот метров Глеб подумал, что поздно запретило себе курить. После километра — что он идиот и зря вообще записался.

Штатовцы пришли первым и вторым. Глеб — шестым.

Скиба курил. Лукаша опять не было.

Американские начальники сидели с каменными лицами.

Полосу препятствий проходили на время, снаряжение было подобрано по весу одинаково — по двенадцать килограммов плюс оружие, на голове — противогаз. К местной полосе штатовцы «приценивались» еще вчера и несколько раз опробовали. Их пятнистые фигуры одна за другой деловито скользили по трассе: подземный ход, разрушенный мост, вверх по лестнице, вниз по шесту, в окоп, из окопа, по буму, через стенку, по подвесному бревну, по рукоходу, ползком под колючкой, маятником через грязевую яму, прыжком через ров... Казачата шли не хуже вроде бы (участники чередовались) — и вдруг выяснилось, что на первом месте... Мирослав. Он сорвал с себя противогаз и под восторженные вопли девчонок (да и мальчишек) крикнул в сторону гостей:

— Живео Србия! Живео!

Завтракали в молчании. Ну, не в полном, но общего разговора не было. Почти сразу после завтрака, американцы проиграли 1:3 в футбол — кажется, их это не очень обескуражило, такой футбол в США не в почете. Но вслед за этим был проигран ими и баскетбольный матч — причем с разгромным счетом, и со стороны девчонок кто-то прокричал задорно:

— А что, без негров не справляетесь?!

На пруду тем временем разметили дорожки для плавания. И уже готовили пластиковые каноэ для гребли.

На дистанции сотня кролем первым пришел Костька Брядин, брасс выиграл другой казачонок. Баттерфляй остался за штатовцами, но плавание на спине «сделал» Глеб — с большим отрывом. Полкилометра на каноэ американцы собирались явно выиграть — и удивленно, даже ошарашенно переглядывались, когда Петька обошел всех. До обеда еще успели сыграть в гандбол — и снова казачата показали класс, опередив штатовцев. Глеб заметил, что кадеты начинают нервничать, поглядывать на своих невозмутимых командиров и сердито переговариваться. За обеденным столом Володька заметил:

— Им не нравится.

— То ли еще будет, — хмыкнул Мирослав, гоняя по тарелке вилкой хлебную корку. — А то приехали, понимаешь...

Но сдаваться американцы не собирались, и это стало ясно после обеда. В прыжках — с шестом, в высоту, в длину с разбега — они разгромили казачат так же, как в беге. Та же история повторилась в волейболе и большом теннисе, а затем — в соревнованиях по стрельбе из лука; кадеты стреляли так, что усилия казачат казались просто смешными... Общий счет составлял 13:8 в пользу гостей... Выиграли они и метание диска. Но копье взяли казачата, а при метании гранаты вообще произошел полный триумф местных. Американцы кидали не плохо, но Сергей Данченко переплюнул всех. Полукилограммовые учебные гранаты летели у него на полсотни метров — и не просто так, а попадали навесом в окоп, влетали в импровизированные форточки и даже делали поворот в воздухе. Лучший американский гранатометчик — тот, который хорошо говорил по-русски — без наигрыша поднял руки... Победу казачатам принесли и последние в этот день соревнования: оказание первой помощи, работа с условно ранеными. Еще бы! Кто из них хоть раз в жизни не накладывал настоящие повязки, не работал с переломами и вывихами и сам не калечился? Видимо, у штатовцев с этим было похуже... Они путались и действовали слишком заученно, ссекались на вводных и вообще...

Счет стал 14:11. Разрыв сократился, но оставался, а завтра предстояло еще немало сложного...

...На этот раз костров было два.

— Уходили мы из Крыма —
Среди дыма и огня
Я с кормы — все время мимо! —

В своего стрелял коня...

— печально пел кто-то из ребят. Володька, подбросив в костер ветку, сказал:

— А они все-таки здорово подготовлены...

— Да, и ребята вообще-то неплохие, — добавил Женька Остапенко. — Даже странно... Я вот читал, — он потер лоб, — что перед Великой Отечественной наши вместе с немцами в горах лазили. Спасали друг друга, все такое. А потом — уже в войну — оказались в тех же горах по разные стороны... Те немцы тоже, наверное, неплохие ребята были...

— Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою?
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою...

— Хватит, ну?! — окликнул Глеб. — Что-нибудь повеселей... Серб, дай ты!

— Ну ладно, — Мирослав поднял гитару:

— Не гони меня в эту ночь,
Обогрей, как родную дочь...
Накорми коня досыта,
Сохрани нас, Господи...

— и сразу несколько человек хором подтянули:

— Дальняя дорога,
дальняя дорога —
Значит, впереди
долгие дожди
и бесконечные ветра...
Дальняя дорога —
Погоди немного,
В старенькой церквушке
обвенчаемся с утра...

...Около палатки Скиба и Лукаш разговаривали с Сергеем. Кажется, спорили. Глеб остановился в полутемноте, невольно подслушивая...

— Поставьте меня, — убеждал Сергей, — ну что вам стоит? У вас же нет хороших боксеров, а я могу, я точно знаю! Я на пятиборье — никто же из ваших всего ЭТОГО вместе лучше не сможет, а я смогу, точно смогу! Я... ну я правда хочу, ничего со мной не будет!

— Да пойми, — убеждал Скиба, — нам тебя на сохранение доверили, мы за тебя отвечаем! Ты свое имя-то только-только вспомнил, а если?!

— Да ничего не если! — доказывал Сергей. — Я сам хочу, сам! У меня получится...

— А давай, Александрыч, — вдруг сказал Лукаш. — А то что такое — обходят нас...

— Завтра посмотрим, — вздохнул Скиба. — Иди спать... Да и вообще — разгони-ка ты всех от костра, есаул, а то завтра вареные будут!

Около американского костра пели что-то ритмичное, с повторами и грозное.

8.

Утро принесло победу. Штатовцы не прошли пятнадцатикилометрового марш-броска! Не хватило сил... Казачата тоже еле дотащились — по жаре, со снаряжением, волоча тех, кто

уже еле держался на ногах, но — дотащились!

Штатовцев привез автобус. Они были ни-ка-кие. И так прошли в душевую мимо спокойно, без насмешек, глядящих на это мальчишек-казаков — форма покрыта выпаренной солью, на лицах — маски из пыли, грязи, пота. Никто из десяти участников не остался на дистанции не сошел, не позволил себе лишнего отдыха, хотя в конце трассы медсестра, сопровождавшая колонну на джипе, стала требовать прекращения соревнования!

Притихшие девчонки, почти с ужасом глядя на ребят, столпились вокруг них, кто с водой, кто с полотенцем, кто с чем. Но соревнования-то продолжались, не ждали!

В гимнастике конь и брусья достались казачатам, но батуд и кольца «ушли» к американцам. Глеб видел, как один из их командиров, собрав всех ребят вокруг себя, что-то им говорил — спокойно и негромко, и штатовцы подобрались и, соединив руки в центре своего кружка, прокричали нечто бодрое и громкое.

Имитация штыкового боя — на специальных шестах — осталась за американцами. Тот же командир, что их воодушевлял, что-то сказал Скибе с улыбкой, тот ответил, тоже улыбаясь. Сергей перевел:

— Он говорит, что ожидал от русских лучшего владения штыком. А Скиба ему ответил, что казаки привыкли рубить шашкой, а не драться штыком — это, мол, мастерство пехотинцев...

Начались соревнования по рукопашному бою. И стало очевидно, насколько выше стоит отточенное, чеканное и безжалостное умение казачат над показушно-красивым стилем штатовцев. Кажется, их самих это обескуражило еще больше, чем проигрыш в каное. Победенные, «обиженные» казачатами даже как-то нежно (не поломать бы!) только обескуражено крутили головами и пожимали плечами. То же произошло в вольной борьбе, причем звонкий девчоночий голос крикнул:

— Это за Карелина!!!¹⁷

Общий счет стал 17:16. Разрыв сократился до минимума! Но уже наставал черед бокса...

Казаки традиционно испытывают к кулачным схваткам презрительное отвращение. А в Святоиконниковской и вообще — боксом еле-еле занимались, от случая к случаю, на очень низком уровне. Победы штатовцев — красивые и яростные — были очевидными, и вскоре на ринге остался Рональд, лучший боксер делегации, свысока посматривавший на окружающих и уже готовящийся принять свою победу...

Тогда на ринге появился Сергей.

Глеб никому не рассказывал о вчерашнем разговоре, поэтому все слегка удивленно наблюдали за тем, как мальчишка с улыбкой выполняет ритуал приветствия, принимает стойку... и началось.

Бой был остановлен в середине второго раунда. Нокаута у Сергея не получилось лишь потому, что оба подростка были легковаты, и Рональд просто отлетал в сторону. Когда же бой принял явно односторонний характера из носа, разбитой брови и рассеченной скулы у штатовца уже неостановимо лилась кровь; когда крики "Рас-си-йа! Рас-си-йа!" — достигли штормовой силы, окончательно заглушив магнитофонный "Призыв к оружию" из "Звездных войн", сопровождавший победы американцев — судья остановил бой. Сергей толкнулся перчатками в перчатки нетвердо стоящего на ногах Рональда и пошел под канаты...

17:17.

Серб налетел на Сергея и начал целоваться под общий хохот и двусмысленные замечания. Сергей отпихивался и хохотал тоже. Его потащили на руках в душ...

...Для пулевой стрельбы привезли — чтоб было честно — мелкокалиберные самозарядки МЦ-18-3, из которых не стреляли ни кадеты, ни казачата. Штатовцы стреляли превосходно. Без слов, без споров — виртуозно, на бегу, в падении, в кувырке, по движущимся и неподвижным мишеням. Это был профессионализм взрослых бойцов, а не

подростков, специалистов высшего класса.

Перед началом выступления казачат Скиба собрал пятерых стрелков возле себя.

— Они отлично стреляют, — сказал войсковой старшина. — В самом деле отлично... — он помолчал. — Мне сказать нечего. До границы рукой подать. И не перевелись на свете те, кто жаждет нашей крови, ребята. Они понимают только силу. Идите и стреляйте.

— Слава Богу, что мы — есть, — сказал Глеб, беря само зарядку. И хором повторили остальные:

— Слава Богу, что мы — казаки!..

...При подсчете очков оказалось, что хозяева обошли гостей на семь очков.

17:18.

Оставалось пятиборье. Оставался последний шанс для штатовцев — свести соревнования вничью. Хотя бы вничью. Хотя и это было невероятно — их побили! — но хотя бы ТАК!

Оставался последний бой. Поединок для двух человек. Со стороны американцев вышел рослый, плечистый мальчишка — кажется Джефф. Глеб точно не помнил. Зато он знал: в пятиборье есть бег, плавание и классическое Фехтование... Что ж, ничья — тоже неплохо...

Скиба подтолкнул в плечо Сергея, и тот улыбнулся войсковому, шагнув вперед...

...Фехтование Сергей проиграл. Но, кажется, это его не обескуражило ни чуть — он только пожал плечами... и обошел штатовца в заплыве на двести метров на две секунды! Среди зрителей парила мертвая тишина, даже журналисты не переговаривались.

Мальчишки со спортивными пистолетами в руках вышли на рубеж для стрельбы. Синхронно вскинули руки...

Джефф: 10, 8, 9, 10, 10. Сорок семь.

Сергей: 9, 10, 10, 10, 10. Сорок девять.

Забег на два километра... Глеб понял, что грызет щеку. Он бегал сам — вчера. Этот Джефф пришел первым на полторы... Как бегают Сергей? Ну как же он бегают?!

Сергей обошел Джеффа на одиннадцать секунд. А на скачках с препятствиями шел со штатовцем колено в колено, пока в последний миг не заставил своего коня судорожным рывком отыграть полкорпуса, выиграв пятиборье...

...Выиграв соревнования со счетом 17:19.

Сидя на седле с подогнутой ногой, он с беспечной улыбкой подъехал к бушующим болельщикам, под объективы камер. И вдруг начал выкрикивать:

— Имеем мы обычаи свои!
Завет отцов и вечные преданья!
И вещий сон в тени родных лесов!
И шепот наших, трав в лугах и на полянах!
И шелест наших злаков в бороздах,
возделанных руками русских!
И гик коней! И топот стад!
И грай воздушных птиц!
ВСЕ НАШЕ ЗДЕСЬ!

— медным звоном грянули в наставшей тишине последние слова. Скиба сдернул мальчишку с седла, прижал к себе и, закружив, кинул во вскипевший восторженный водоворот.

А Глеб краем глаза увидел лица и глаза штатовцев. Кадеты выглядели досадливо-восторженными. Но в глазах их командиров были высокомерная злость и...

...и спрятанный за нею СТРАХ.

...— А откуда эти слова? — спросил Володька, наваливаясь локтями на стол. Сергей, допив остатки какао, спросил весело:

— Какие?
— Ну, эти. Стихи.
— А... — Сергей пожал плечами: — Так. Вспомнил. Читал, наверное, где-то, а тут пришлось на язык.
— Ребята, — Глеб усмехнулся, — а они нас боятся. Я видел. Точно.
— Почему? — удивился Петька. Глеб не успел ответить — вмешался Мирослав:
— Потому, — тихо сказал он. — Потому что КОГДА они ПРИДУТ — вы встанете на их пути. И они это видели. Какие же вы, русские, тупые... Неужели вы не понимаете — они же вас ПРОБОВАТЬ приезжали. И поняли... поняли... что вы... что есть... — и Мирослав вдруг зарыдал, пряча лицо.
Мальчишки удивленно и испуганно повскакали.
— Ты что?!
— Серб!
— Да что с тобой?!
Мирослав помотал головой:
— Мы... нас мало... всего мало... отец говорил... патроны... они — наши дома... мы дрались... мало, мало нас было... отец, мама... бежали... я... я... — он поднял лицо, заплаканное и улыбающееся: — Спасибо, ребята. Благо, руссы. За ЭТО. За эти дни. За победу — благо, руссы. Благо, друже...
— Я не русский, — смущенно буркнул Володька.
— Русский, — убежденно сказал Мирослав и поморщился: — Умыться бы...
— Завтра, между прочим, еще военная игра, — заметил Глеб.

9.

Располосывавая и закручивая в вихри утренний туман, вертолет приземлился на пятачке, свободном от зелени, недалеко от плавней. На каменистую осыпь один за другим попрыгали пятнадцать мальчишек в больших очках, вооруженные пейнтбольными автоматами, со снаряжением на ремнях, присели, пригнулись — и вертолет отвесно пошел вверх.

В это время в пятидесяти километрах от них точно так же выскочили из вертолета пятнадцать кадетов. На расстоянии двадцати пяти километров и от тех, и от других находился заброшенный полевой стан, который надлежало захватить и удержать.

Организаторы игры выбрали местность, с которой не были знакомы не только штатовцы, но и казачата, хотя на руках у тех и у других имелись карты.

Игра началась.

Ребята расселись кругом в центре осыпи. Глеб, держа в руках карту, встал в середине.

— Двадцать пять километров — степь, кусок плавней, снова степь, перелески, степь, — он поднял карту. — Предлагаю марш-бросок напрямую, с максимальной скоростью. Думаю, штатовцы будут действовать так же. Но предыдущий опыт учит: мы можем передвигаться быстрее. К полудню будем на месте и сориентируемся... Подъем, построение!

* * *

— Тут чертовски жарко, — Джимми Эллис вытер лоб. — Убойная духота.

Пятнадцать кадетов сидели на поваленных бревнах, спиной к каменистому обрыву, лицами — к Джеффу Оллспи, командиру отряда, носившему звание кадет-сержанта. Он изучал карту молча, ни с кем не советуясь. Остальные переговаривались:

— Какие у них красивые девчонки, заметили?..

— Вообще-то тут все красиво, только мало леса.

— Да, похоже на Арканзас или даже Калифорнию.
— Говорят, прямо там — Чечня. Та самая, где шла война.
— О, так мы в прифронтовой зоне?!

— Эти казаки очень умелые ребята.
— Не хотел бы я с ними воевать по-настоящему.
— Но у них нет нашей техники и намного хуже снаряжение, я сравнил.
— Внимание! — Джефф сделал движение — почесать бровь, но наткнулся на пластырь и поморщился. — Объективный анализ ситуации таков: нас отделяют от цели пятнадцать с половиной миль.¹⁸ Такой марш-бросок они проделают гораздо быстрее нас... Но вот тут, — он быстрыми движениями начертил на голой земле часть карты, — протекает река, приток Куры. Она делает петлю... Если мы преодолеем пять миль за час, то окажемся на ее берегу...
— Кто у нас спец по рафтингу?¹⁹ — поднялись несколько рук. — Так. На берегу мы сделаем следующее...

* * *

Бег в жару — занятие неприятное и очень тяжелое. Хорошо еще, что утро было относительно прохладным и до самой-самой жары ребята должны были уже оказаться на месте. Но двигаться все равно было нелегко.

Глеб решил не осторожничать. Он не выставял прикрытия, не высылал дозоров — отряд бежал сплоченной группой, тесной и целеустремленной, оставляя за собой облако пыли. Тянулись мимо заросшие, местами — «рабочие» поля. Все выше всходило солнце.

"Штатовцы сейчас тоже бегут, — думал Глеб. — Торопятся, конечно, но не успеют, слабоваты они на терпелку без техники. А мы добежим, ничего с нами не случится... Вот как в плавнях будем переправляться?" Он вспомнил карту — там было одно место, где можно подойти к воде не через болота, а относительно нормально. И вроде бы показан разрушенный мост... Идти к реке другим путем — значило завязнуть в трясинах и потерять часы. Он еще раз мысленно проверил путь: да, там можно будет переправиться, не так то иначе, труднее, легче — но можно. А дальше — прямая дорога к стану.

— Веселей! — крикнул он, хотя никто не нуждался в подбадривании.

* * *

— Поворот — ап!

Плот, грузно подскочив на бурунах, ухнул носом в кипящую воду, но направляемый ловкими руками, вывернулся из водоворота, перевалился с борта на борт, вышел на относительно чистую воду и, набирая скорость, понесся к следующему перекасту. Руки и плечи ныли, вода захлестывала лицо. Пятеро мальчишек на наскоро собранном суденышке бешено работали шестами, пересмеиваясь и перекидываясь шутками. То, что они делали, было опасно — на самоделке, на чужой бурной реке, без спасательного снаряжения — но эти мальчишки умели ценить опасность и наслаждаться ею. Пит Клеменс на носу завопил, перекрикивая шум воды:

— Сорок бочек погрузили,
Всю дорогу лихо пили!..

— и безумная команда хором откликнулась:

— Капитан глядел на нас,
Будто мы его топили!..
Хэй-о! Плыть по Эри тяжело!
Отложи, пацан, весло!..

...Да, опередить казаков не удастся. Но бурная речка донесет группу прикрытия до переправы через плавни раньше, чем туда доберутся русские. Другой дороги у них нет, это ясно. Пять человек могут там задержать весь казачий отряд на несколько часов. За это время получившие фору основные силы займут полевой стан и как следует приготовятся ко встрече. Если будет, кого встречать.

...— Поворот — ап!

* * *

— Давай вышлем разведку.

Глеб посмотрел на Мирослава с удивлением. Но Серб был абсолютно серьезен.

— Зачем? — не понял Глеб. Колонна остановилась: — Можно попить, пару глотков, и все!.. Для чего?

— Не знаю, — Мирослав пожал плечами. — Просто... — он снова пожал ими.

— Время... — Глеб вытер рукавом лицо. — Ладно. Бери кого-нибудь — и вперед, но быстро.

— Сухов, — Серб махнул Петьке, и они, взяв оружие наперевес, бесшумно поспешили вниз, где тропинка ныряла в заросли.

* * *

— Никого, — Боб Харкорт перевернулся на бок. — Может, они пошли другой дорогой?

— Кругом болота, — Пит отхлебнул из фляжки, протянул ее Бобу, тот отпил и пустил по кругу. Пять человек, замаскировавшись за кустами у остатков моста, внимательно следили за переправой. — Никуда они больше пойти не могут.

— Они здесь, — сказал Макс Харниш, молчаливый, бесстрастный паренек из Кентукки, потомственный охотник. Пит насторожился:

— Что ты увидел?

— Ничего, — Макс покачал головой. — Я чувствую. Они здесь и они тоже наблюдают.

— Не дышать, — прошептал Пит и окаменел.

* * *

На бронзовом от пота и духоты лице Петьки сидели с полдюжины комаров, но мальчишка был неподвижен. Он был уверен, что штатовцев тут просто НЕ МОЖЕТ быть, и все-таки какое-то чувство мешало ему сказать Сербу: "Пошли, нет тут никого." Он прислушивался и приглядывался. Серб делал то же.

— Никого, — сказал наконец Петька, сгоняя комаров и мельком одного раздавив. Если бы не надо было торопиться, он бы сам предложил полежать тут часа два-три — пока противник себя не выдаст. Но не Святой же Дух перенесет сюда штатовцев.

— Да, никого, — неохотно подтвердил Мирослав. — Пошли.

— Вон они, двое, — сказал Макс, и остальные увидели на миг мелькнувшие кубанки. — Как незаметно подошли... А сейчас решили, что нет никого, и расслабились...

— Сейчас пойдут, — Пит поднял к плечу оружие и скомандовал: — Приготовиться. Стрельба по моему выстрелу.

10.

В первые же несколько секунд «убиты» были трое — красные брызги украсили их форму сразу в нескольких местах. Еще четверо казачат были вынуждены залечь за валунами на берегу, под обстрелом, не имея возможности даже толком высунуться; остальные шарахнулись под защиту кустов и попадали там, кто где мог.

— Что за черт?! — выкрикнул Сергей; не взять его с собой после вчерашнего было бы просто несправедливо, и теперь Глеб увидел совсем близко его бешеные глаза. — Что за черт?!

— Не знаю! — прокричал в ответ Глеб, чуть высунувшись.

Одно было ясно: штатовцы, каким-то образом попавшие на тот берег, закрепились умело и надежно. Солнце как раз светило им в спины и будет светить туда же еще часа два (а значит, в лица казачатам). Они держали под прицелом остатки моста и подход к нему и, похоже, имели немалый запас шариков: характерное постукивание дорогуших "ангелов"²⁰ — просто так, для остротки, чтобы не высывались — говорило о том, что боеприпасов кадеты жалеть не будут.

Если бы тут имелся брод, или от моста оставалась бы хоть одна целая доска — можно было бы, открыв заградительный огонь из половины стволов, пойти на прорыв. Но река бурлила, мост состоял из торчащих над этим бурлением бетонных свай с перемычками, по которым можно было перебираться по одному, шагом и со страховкой, не иначе. Глеб ощутил злую беспомощность и невольное восхищение: эти козлы сплывались по незнакомой бурной реке на самодельном плоту, не иначе, другого способа так быстро попасть сюда у них не было.

— Из трех-пяти мест стреляют! — крикнул Серб. — Их там немного!

— Какое облегчение... — процедил Глеб. Он не стрелял в ответ, хотя остальные ребята вели довольно интенсивный огонь из своих «филдмагов». Он пытался сообразить, что делать. Тем, кто лежал за камнями на берегу, уже отчетливо было невмоготу — Глеб увидел, как один из мальчишек попытался перекатом добраться до кустов и тут же «погиб» от нескольких попаданий. — Минус четыре... — Глеб тихо выругался. И... понял, что надо делать! — Серб, Сухов, за мной!

— Не могу я "за тобой", — хмуро ответил Петька, довольно удобно лежавший на гальке с красными пятнами в трех местах.

— Давай я, — предложил Сергей, и Глеб кивнул.

— Коль, остаешься за меня, — сказал он Бряндину. — Постреливайте по ним и не высывайтесь...

... — Потонем к хренам, — Ярослав выплюнул грязную слюну и ожесточенно врубился в следующий куст, швырнул его на грязь. Сергей, распластавшийся на предыдущем, подтянул новый куст ближе и положил впереди себя. Глеб, стоя на твердом месте, его страховал веревкой. — Держи, Бокс.

— Все, можно, — Сергей сполз в воду, еле удержался на ногах под напором течения. — Держи, Глебыч, я пошел, — и он побрел, широко ставя ноги и сильно наклоняясь, к противоположному берегу. Серб и Глеб напряженно следили за ним и поняли, что не

дышали, только когда Сергей добрался, оседлал торчащий из берега корень, отвязал веревку от пояса и, перекинув ее через нависшее над откосом дерево, вновь закрепился.

— Так, теперь я, — Серб пополз по грязи к воде, широко раскидывая руки и ноги — импровизированная гать уже начала притапливаться.

— За веревку держись, — процедил Глеб.

Сам он переправился последним — а вернее, просто позволил себя перетянуть на ту сторону. Серб перебросил веревку выше, захлестнув ее за сук, и все трое по очереди поднялись на откос и засели в кустах, переводя дыхание. Но долго расслаиваться не было времени — справа хлопали и хлопали выстрелы, шел бой.

Однако, и спешить не стоило. Эта нехитрая мысль, о которой многие забывают, помогла не наделать глупостей. Держа под прицелом наиболее удобные подходы, на траве между двух глыб песчаника удобно лежал кадет, замаскировавшийся тенью и несколькими кустиками. Он не стрелял — он охранял товарищей с тыла, на всякий случай.

Стрелять в него было нельзя. Пальба с тыла просто-напросто заставила бы штатовцев разделяться и вести бой на два фронта.

Глеб спустился под речной берег и, цепляясь за корни, на руках обошел валуны, выбрался наверх и прыгнул на спину штатовцу, стараясь зажать рот. Подоспевший Сергей бросился на помощь другу, а Серб, перескочив дерущихся, с тыла расстрелял остальных четверых почти в упор...

...Пленный штатовец понуро сидел на траве под прицелом Серба. Восемь казачат с того берега осторожно, но быстро перебирались по остаткам моста сюда, убитые с обеих сторон уже отправились назад, к сборному пункту.

— Так, ну и что ваши затеяли? — спросил Глеб, опираясь спиной на валун. Штатовец резко перестал понимать русский язык. Глеб усмехнулся: — Ю а хард оф хирринг? Айм ремемба — ю спик рашн...²¹

Американец перестал прикидываться непонимающим, но презрительно повел плечом. Серб предложил серьезно:

— Давай его пытать. Можно привязать за ноги и кунать в воду. Или снять штаны и прижечь причиндалы зажигалками. Это даже быстрее...

— Да хватит тебе, — Глеб поморщился и обратился к штатовцу: — Не валяй дурака, это не по правилам. Если бы это была война, ты бы у нас быстро запел, как кот на заборе.

— Уверен? — с сильным акцентом спросил штатовец, усмехаясь. Глеб вздохнул:

— Да уверен, уверен... Не пытать же тебя, в самом деле. Что ваши затеяли, говори.

Штатовец секунду помолчал, потом угрюмо и коротко рассказал о планах кадетов. Глеб снова вздохнул:

— Так, ясно... Вставай, сейчас расстреливать тебя будем.

— Да не надо, — сказал Сергей, — зачем, все равно...

Штатовец встал, прислонился спиной к камням, поправил очки и тихо засвистел какой-то маршик. Глеб подумал: хорошо бы, чтоб он в случае чего и на самом деле сумел так себя вести. Приятно, когда враг смелый. Сергей повторил:

— Не надо, Глебьч, зачем?

— Надо, — зло сказал Серб и повел стволом оружия. — На колени, быстро!

— Нет ужь! — вспыхнул штатовец, сжимая кулаки. Серб кивнул Сергею:

— Помоги поставить.

— Не-е, — помотал головой Сергей. — Ерунда это, Мирослав, не надо. Я понимаю все, но это ерунда.

— Все! — Глеб вскинул левой рукой автомат и вlepил один заряд в грудь штатовца...

... "Час потерян," — Глеб вытер лоб рукой, секунду думал и решительно сказал:

— Мы не пойдем на стан.

Ответом ему было недоуменное молчание, и Глеб пояснил:

— Мы не пойдем СЕЙЧАС. Свернем с пути вообще, пойдем тропинками вдоль полей. Это дольше, но мы не будем спешить и выйдем к стану с юго-востока, а не с запада, как должны бы. Выспимся и на рассвете, пока еще будет темно, атакуем. Точно вам говорю: штатовцы всю ночь не будут спать, ждать нашей атаки и гадать, куда мы делись. Они будут вареные, как сардельки, а мы отдохнем. Они будут еще и голодные, а мы подсоберем, что под ногами валяется — и более-менее перекусим.

Одиннадцать казачат отряда начали смеяться, толкая друг друга локтями.

* * *

Голуби ворковали под крышей, и этот звук казался Джеффу страшно раздражающим. Полулежа на каком-то тряпье в обнимку с автоматом, он смотрел, как садится и не может сесть солнце над степью.

— Пит, судя по всему, уже не придет, — вошедший Рони присел рядом, зевнул и пожаловался: — Есть охота.

— Неужели они перебили отряд Пита? — не обращая внимания на последние слова, спросил Джефф, кладя ногу на ногу. Рони пожал плечами:

— Если бы так, они уже были бы здесь или на подходе. Наверное, Пит держит их на переправе. Ночь наступит — и он уйдет.

— Хорошо, если так, — Джефф встал. — Не выяснили, кто ночевал в сторожке?

— Какие-то бродяги, — Ронни тоже поднялся, они подошли к окну, стараясь в нем не светиться. — По всем приметам. Дня три назад... Ты чего-то опасаясь?

— Ночного боя, — признался Джефф. Рони свел брови. — Что, если они нас перехитрили?

— Если даже так, то почему не напали до сих пор?

— Именно ждут ночи... Помнишь, капитан Оскар давал нам конспектировать Миддельдорфа?²² Тот постоянно жалуется на то, что русские — большие мастера ночных действий. Вот что, — Джефф решительно кивнул в ответ на свои мысли. — Всех ребят собери сюда, на второй этаж в это здание. Сними все посты. Будем ждать тут. Если придет Пит — отлично, а если эти... — он усмехнулся. — Что ж, я погляжу, как они нас выкурят отсюда. А что до еды — придется поголодать. Не умрем.

Кивнув, Ронни ловко съехал вниз по металлической лестнице из прутьев. Джефф подошел ближе к окну, задумчиво разглядывая раскинувшиеся кругом заброшенные, поросшие бурьяном просторы, тонувшие в жаркой вечерней тиши и не подвижности. "Отец, — подумал он, — вот я и здесь... Если бы тебе сказа ли, что твой сын приедет в Россию по приглашению самих же русских, ты бы не поверил, конечно, но это так — я здесь..."

Отец Джеффа, капитан спецназа армии США, погиб зимой 91-го во время операции "Буря в пустыне". Сына он видел всего один раз. Джефф отца не помнил вообще, но твердо гордился им. Мальчик закрыл глаза и представил себе, что всё это — по-настоящему.

11.

— В пристройках пусто, — Валька Дрогиш бесшумно появился из темноты и лег рядом с Глебом. — В одной кто-то ночевал дня три назад — то ли бомжи, то ли туристы... А так — никого. Но они там были, недавно еще.

— Ясно, — Глеб потер переносицу, вполголоса выругался. — Ну, хитер, сволочь ...

— Кто? — спросил Валька.

— Их командир. Почуял что-то и увел людей.
— Ну и дурак, — возразил Валька, — значит, стан за нами.
— Увел-то увёл, но вот куда? — Глеб показал на высившийся в центре кольца обветшавших зданий двухэтажный бункер. Валька окинул его взглядом и присвистнул:

— Ду-умаешь?..

— Точно. Нас одиннадцать, их десять, а для атаки надо минимум трехкратное преимущество иметь. Даже если б бой был настоящим и у нас гранаты были, гранатомет — все равно мертвое дело. Там одна лестница и обзор во все стороны. Один человек около лестницы сидит, второй от окна к окну ходит, остальные отдыхают. И как в танке... — он задумался, пробормотал: — Через пятнадцать минут рассвет, через полчаса совсем светло будет... И что?..

— Днем будет дождь, — ни к селу, ни к городу добавил Валька. Глеб посмотрел на него и вдруг тихо засмеялся:

— А вот что мы сделаем...

...На протяжении долгих беспечных лет Советской Власти на полевом стане день и ночь находились машины. Разливаемые моря горючего — соляра, бензина — выдавались тогда колхозам не глядя и со строгим наказом: использовать все до последней капли! Как правило это не удавалось, и к концу работ оставались тонны не пошедшей в дело горючки. Возвращать их было нельзя — замучаешься писать бумаги. Оставить про запас — тоже, обвинят в воровстве. Поэтому председатели колхозов в отчаянье не раз и не два раза просто... спускали горючее в землю. Выливали.

Заброшенный полевой стан не был исключением. Конечно, никому не пришло бы в голову сливать горючее около бункера или площадок для зерна. Но широкая полоса земли, окаймлявшая асфальтированную площадку, посреди которой стоял бункер, была просто пропитана горючим. А еще она поросла невероятно жизнестойким чертополохом-мутантом, сухим уже сейчас, в июне.

Огненное кольцо, исторгавшее клубы оранжевого пламени и густейшего черного дыма, вспыхнуло одновременно со всех сторон, опоясав бункер. Смешанный с удушливым черным смрадом горячий воздух в ночном безветрии рванулся вверх. Из-за стены пламени раздавалось волчье завывание и улюлюканье — казачата веселились вовсю — невидимые в темноте и отлично наблюдающие освещенную мрачным огнем площадку бункера, на которую вскоре, кашляя и задыхаясь, начали вываливаться превратившиеся в негров американцы. Для них пламя было непреодолимой и непроницаемой для взглядов стеной, из-за которой раздавались выстрелы...

...Закопченные, покрытые грязью, в перемазанном снаряжении, два с лишним десятка мальчишек лежали, сидели и полусидели на краю стана, глядя, как на северном краю неба собираются тучи. Солнце встало; последние язычки пламени над пропеченной землей казались почти не видимыми. Все устали, хотели спать и есть. И радость казачат, и досада кадетов остались в недавнем, но прошлом — они просто лениво смотрели на тучи, подкладывавшиеся все ближе.

— Ну и плюхнет сейчас, — сказал Сергей, потягиваясь. Помедлил и начал раздеваться, разбрасывая одежду и снаряжение на крыше пристройки.

— Ты чего? — спросил кто-то. Сергей сунул автомат внутрь и сказал:

— А пусть стирает. И сам помоюсь, мне кажется, тут воды на всех хватит.

— Итс гуд айдиа,²³ — обратился к своим командир штатовцев и начал расстегивать захлесты жилета, отдирая липучки.

— Ви хэв э вошит эт дэй тудэй.²⁴

Вслед за казачатами штатовцы со смехом начали раздеваться, раскидывая барахло, кто где мог и переговариваясь:

— Айм эфрэйд, май пюллер шринкс...²⁵

— Дид ю сэт зэ прогрэм оф зэ машинз?...²⁶

— Ай вонт май троусерс прессид...²⁷

— Ю лук террибл, Джейми...²⁸

— Зэ лэс пипл зинк, зэ мо зэй ток...²⁹

Они уже не казались чужими, и даже Серб смотрел если не дружелюбно, то, по крайней мере — спокойно. Тем более, что мальчишки были одинаковыми — сильно загорелыми, с черными от копоти руками и лицами. И штатовцы, кажется, тоже понимали это.

Поднимался ветер — сильнее и сильно и, теплый, как из печки, он раскачивал и мотал деревья в лесополосе, пригибал траву и кусты, гнал по асфальтированным участкам пылевые смерчи. Край приближающейся тучи закручивался медленными синими вихрями.

— Сейчас даст, — прошептал Глеб, глядя в тучу. — Ну...

Крррряхх-гrr! Фиолетовая молния сшила на миг тучу и землю. "Йоу!" — вырвалось у кого-то из штатовцев. Стоять было почти невозможно — ветер бил в спины и тащил смеющихся мальчишек, прикрывающих руками глаза от сора, по земле. Казалось, что достаточно подпрыгнуть, чтобы взлететь в бурлящее небо.

— Со уандерфул!³⁰ — выкрикнул командир штатовцев. Глеб хлопнул его по плечу:

— Ага! Держись на ногах!

Ветер стал горячим, пыль била по ногам, заставляя ойкать. Гром рубанул над головой, земля подпрыгнула под мальчишками, вокруг все потонуло на мгновение в невероятном сиреновом огне, запахло свежестью — и с небес рухнула стена воды такой плотности и силы, что мальчишки пригнулись, захлебываясь. Вскипели пузырями десятки молниеносно возникших на остатках асфальта луж. Дождь разбивался о землю и повисал мельчайшей пылью. Вода пахла чем-то, что вызвало у Глеба ассоциацию с тропиками, где он никогда не был. А через миг он уже приплясывал недалеко от бункера, смахивал с лица мешающую смотреть воду и, смеясь, кричал штатовцу, прыгавшему перед ним:

— Вы хорошие ребята, но мы вас сделали!!! И ещё сделаем! И снова сделаем!!! по-настоящему сделаем, если надо, только мне не хочется, потому что вы хорошие ребята! Ну?! — и американец тоже что-то орал в ответ и поддавал ногой воду в луже, и опять орал, а с ребер шиферной крыши со свистом и хриплым бульканьем, клокотаньем, летели вниз тугие водопадные струи, похожие на зеленоватые щупальца...

Кто-то уже свалил кого-то и они теперь возились в луже. Кто-то просто умывался, подставив лицо под одну из таких струй, почти обивающую с ног. Но дождь уже укатывался на юг, к чеченской границе, слабел быстро и отчетливо — а потом сразу перестал, и на севере появилось солнце, зажегшее синевой быстро очищающееся небо. Отовсюду повалил пар, все еще бурлила вода в канавах, текли, истончаясь, струйки с крыш.

— Ну что, идти надо, — махнул рукой Глеб. — Вместе пойдем, вертолет сюда не прилетит, надо на площадку возвращаться. Ю андестенд?³¹

— Да понимаю я, — усмехнулся американец, ладонью приглаживая волосы. Сейчас пойдем.

Поворачиваясь друг к другу спинами, мальчишки выкручивали трусы, потом, помогая друг другу, начали по мере сил выжимать форму, разбирать оставшиеся сухими оружие и обувь... Серб подошел к Глебу:

— А где Вовка?

— Вовка? — Глеб огляделся. Пожал плечами: — А черт его... Брыз-га-а! Вовчик, козлина, мы уходим!

— Да он в туалет пошел, — хмыкнул кто-то, — вон, за сарай...

— Вон он идет, — сказал Сергей.

Вовка в самом деле появился из-за сарая, где когда-то, наверное, хранились запчасти. Он шел не один. Его сопровождали двое мужчин — молодых, в мокрых насквозь камуфляжах. Один шел в трех шагах позади Вовки, навешивая ему в спину автомат. Второй держался чуть справа, неся наперевес РПК.³²

— Глебыч... — начал Вовка, но конвоировавший его мужчина сделал два быстрых шага и так ударил мальчишку стволом под лопатку, что тот пролетел, вперед и упал на колено.

Замерли все. Двое мужчин, взявших на прицел два десятка пацанов. Эти пацаны, большинство из которых стояли в одних трусах. Капли падали в лужи с крыш.

— Черт, — тихо сказал кто-то. Один из штатовцев задал какой-то вопрос недоуменным тоном.

Лица мужчин — худые, поросшие бородами с рыжиной — были не злыми, а скорей раздосадованными. Они рассматривали мальчишек, переводя взгляды с одного на другого.

"Приехали" — спокойно подумал Глеб, помогая Вовке подняться. Тот шепнул:

— Я зашел... а они там пол подняли и сидят, ждут. Там у них оружие...

"Черт тебя дернул, — подумал Глеб снова. — Они бы ничего не стали делать, подождали бы, пока мы уйдем. А теперь они нас убьют. Резанут из двух стволов — и все. Даже если врассыпную — почти никто не убежит, да и штатовцы затормозят, не поймут... И что теперь?"

— И что теперь? — без какого-либо акцента, но явно с нерусским оттенком в речи спросил тот, что с РПК. — Как нам теперь быть? А?

Он помолчал, что-то оказал своему товарищу, а сам чуть сместился в сторону. Второй, повесив автомат на бедро, подошел к Вовке, взял его за руку и рванул на себя — молча. Вовка так же молча уперся, побелел и широко распахнув глаза. А в следующую секунду Глеб услышал «поп-поп-поп» и увидел, как пулеметчик схватился за лицо, по которому ползло красное. Глеб, не раздумывая, прыгнул на второго, не пытаясь вырвать Вовку, повис на автомате и уже не видел, как пулеметчик снова схватился за свое оружие — вслепую, все лицо у него было залито алым — но двое штатовцев и Серб сшибли его, подскочили еще несколько человек, началась возня... На помощь Глебу подскочили другие ребята. Все это почему-то происходило молча, только кто-то вскрикнул. А через минуту мальчишки расступились. Серб держал пулемет, Вовка — автомат, тут же лежали сорванные ремни снаряжения. Все тяжело дышали. Костяк Бряндин растерянно улыбался и зажимал плечо — левое, по пальцам текла кровь. Бандит о красным лицом стонал, запрокинув бороду — и Глеб вдруг понял, что лицо у него красное не только от краски. Рони стоял чуть в стороне, сжимая «ангел» и открыв рот.

— Сэйв Год, ай маст хэв гот инту юо айз,³³ — выдохнул он, роняя автомат.

— О май Год...³⁴

— Да, похоже глаза у него ку-ку, — хладнокровно сказал Серб. Глеб подошел к Костяке — у того было глубоко рассечено плечо, он зашипел, когда Глеб начал осматривать рану, бросив ребятам:

— Перевяжите... этого. Чем он тебя, Костян?

— Яне знаю... ой-а, больно!

— Да вот этим, — кто-то из мальчишек поднял длинный нож с роговой рукоятью. — Он тебя хотел в бок, Глебыч, только Костян подставился...

— Вот из вис мен?³⁵ — спросил кто-то из штатовцев. — Э бэндитс?³⁶

— Чеченцы, — сказал Глеб, разрывая поданный кем-то пакет первой помощи. — Ребята, посмотрите, что у них там...

...Там оказался арсенал, снаряжение, шприцы в упаковках — "синтетическая храбрость". Глеб без колебаний приказал разобрать оружие и приготовиться; Серб и еще шесть человек отправились к месту посадки вертолета, тоже с оружием. Штатовцы выглядели слегка обалделыми, но подчинялись быстро и слаженно. Глеб отметил, что они умеют обращаться с "калашниковыми".

— Будем надеяться, что их всего было двое, — сказал он, когда ребята заняли круговую оборону.

* * *

Штатовцы уезжали тем же вечером — за ними снова пригнали автобусы, чтобы отвести, в гостиницу в центре, откуда начнется "обширная культурная программа". За три часа до этого лагерь покинули работники сразу нескольких правительственных ведомств, развивавших бурную деятельность в основном в направлении "а вы, ребята, ни одного пистолета (шприца, гранатомета, автомата) себе не оставили — признайтесь по хорошему, вам ничего не будет!"

Они всем надоели до смерти, если честно.

Особого какого-то прощания не было. Никто не менялся адресами (во всяком случае, Глеб этого не видел?), не хлопал друг друга по плечам. Руководители вообще попрощались кивками. Но Ронни все-таки подошёл к Глебу.

— Гуд лак,³⁷ — сказал он, пожимая Глебу руку. — Счастливо, русский... чтобы нам никогда не встречаться.

— Чтобы нам никогда не встречаться, — согласился Глеб. И, глядя в спину штатовцу, бегущего к автобусу, подумал: все могло бы быть очень и очень плохо, если бы Ронни не стал стрелять. А еще о том, что так, как попрощались они, прощаются смелые, уважающие друг друга и честные... ВРАГИ. И о том, что это грустно.

В таком расстройстве чувств, Глеб нашел Лукаша и выпросил у него мобильник, с которого позвонил домой.

— Ма-а?.. Да, я... Да, все в порядке... Погоди, мам, я что звоню. Я попросить хочу. Тут один мальчишка, ты, может, о нем слышала... Да, Сергей. Ма, можно он будет жить у нас?

Часть вторая Житие станичное

1.

Под утро стало прохладненько и, как Глеб ни вертелся, сон ушёл безвозвратно. В комнате спать было душно, а на сеновале — эта вечная проблема: прохладно. Была, впрочем, еще одна причина, по которой Глеб предпочитал ночевать именно тут. Можно было подальше отодвинуться от Сергея.

То ли в лагере он внимания на это не обращал, то ли там Сергей так себя не вел, но

35

36

37

спать в одной комнате с ним было тяжело. Он вскрикивал, стонал, что-то неразборчиво бормотал и даже плакал. С одной стороны его было жалко — очень. А о другой — попробуйте так поспать да — склянетесь!

Глеб сел на простыне, зевнул и потянулся. Снаружи бодро орали петухи, где-то фырчал мотор. Святоиконниковская была большой — почти пять тысяч жителей! — станицей, в России северяне ее называли бы поселком городского типа. Но пять тысяч — не пятьсот и даже не пятьдесят, и окраинные улицы тонули в сельской пасторали, а по площади станица тянула на впятеро больший город из-за здоровенных приусадебных участков и садов-палисадников. Глебу тут нравилось, хотя он нет-нет да и задумывался, что делать ПОТОМ. Войско охотно дало бы ему рекомендацию в училище, но Глеб для себя не решил, хочет ли он стать офицером. Для казака — самое оно, вроде бы...

Сергей спал, окуклившись в простыню так, что ничего не торчало — мумия, да и только. Разбудить, что ли?.. А ну... Глеб поднялся и вышел, снова и снова потягиваясь, из сарая.

Утро было отличным. Под вишнями, на вкопанном в землю столе, стоял накрытый марлей завтрак, с краю — прижатая камешком записка. Зевая и потирая глаза, Глеб прочитал ее. На работе... Сестер накормить, вишни обобрать, восемь грядок прополоть, поросят (чтоб их разорвало!!!) накормить раньше, чем сестер и вычистить. Потом свободен. Глеб вспомнил, как Сергей занимался работой по хозяйству. Он умел ухаживать за скотиной — и очень здорово, мать Глеба удивлялась и значительно посматривала на сына. А Глеб тогда подумал, что Сергей все-таки загадка: отлично говорит по-английски, ездит верхом и боксирует, как учат в специальных платных школах — и очень умело ворочает навоз лопатой, окучивает грядки и задает корм живности.

Есть не очень хотелось, Глеб решил подождать Сергея, а пока зашел в дом с черного хода. Нинка с Ольгой спали вовсю, в комнатах было тихо и гулко-пусто, зато на переднем крыльце сидел Серб — вытянув босые ноги на перила (кеды стояли тут же), он читал газету.

— Добрейшее вам утречко, — Мирослав вляпал ладонь в ладонь Глеба. — Иди умойся, чучело.

— Умоюсь, — буркнул Глеб, запрыгивая на перила. Улица была пустынна, только куры под бдительным оком петуха возились в пыли. — Ты что это с утра макулатуру читаешь?

— Областное издание, а не макулатура, — Серб с видом подслеповатого отставил серые листы подальше и с выражением прочитал: — "Группа боевиков была задержана прямо возле тайника с оружием, боеприпасами, снаряжением и наркотиками. Этот успех в борьбе с международным терроризмом, протянувшим свои щупальца в Чечню и на Кавказ в целом, стал возможен благодаря тщательной, хорошо подготовленной и блестяще проведенной представителями силовых структур спецоперации..."

Глеб захохотал, болтая ногами. Спросил Мирослава, задумчиво разрывавшего газету на туалетные "четвертушки":

— Есть хочешь? — тот кивнул. — Тогда я пойду умываться, а ты буди Бокса. И учти: у нас еще дел по хозяйству полно.

— У меня тоже, — признался Мирослав. — Отец сказал, что, если я крышу сегодня под краску не зачищу, он с меня шкуру спустит. Я ему говори: давай купим «хаммерайт», прямо на ржавое положим!

— А он? — Глеб приостановился с интересом. Мирослав вздохнул:

— По шее дал...

— Ладно, сперва у меня сделаем, а потом пойдем к тебе крышу чистить, — великодушно предложил Глеб. — Э, а где Джигит с Суховым? У них что, тоже дела?

— Летом у всех дела, — сказал Мирослав, вставая и сунув ноги в кеды. — А детство бывает один раз. Противоречие, Глебыч, а?..

...— Любка идет, Запольская, — сказал Мирослав.

Они впятером сидели на краю крыши — в тени чердачной надстройки — свесив ноги

вниз, и задумчиво отряхивались от ржавчины и хлопьев старой краски. Было уже очень жарко, с крыши открывался великолепный вид — до самого центра, где поднималась трехглавая церковь, блестящая куполами.

Любка в самом деле шла — причем шла *уже* по тропинке к дому Микичей. Глеб смотрел на нее задумчиво. «Постоянных» девочек ни у кого из их четверки не было. Прыгать на дискотеке или целоваться можно с какой угодно, тут они все одинаковые. Но Любка Глебу нравилась. Именно как-то... не так, по-другому. И не сказать, что она красивая, и ругаться умеет так, что ой, и стреляет как бы не лучше Глеба, и плавает лучше всех в школе — короче, не идеал красавицы-принцессы. Но вот нравилась — и все. Правда, он ей был, кажется, по фигуре. Но она зачастила к Семагам, когда у них поселился Сергей...

— Она кувшин прет, — Володька приставил ладони шалашиком к бровям. — О, гадам буду, ваххабитом и Децлом, она нам квас прет?!?

— Нам? — хмыкнул Мирослав, пихнув Сергея, задумчиво отряхивавшего руки, локтем. — Нет, Джигит. Садысь на рэзвого коня и мотай ви гори. Это не "нам".

— Хочешь научиться летать за три секунды? — спросил Сергей. А Глеб подумал, что закурит, как только вернутся домой и он залезет в нычку. Ну их всех на фик.

Любка разговаривала с матерью Мирослава, стоя возле крыльца. Ага — Светлана Костовна улыбнулась, показала на дом... Любка благодарит... Глеб лег на спину, хотя металл обжег лопатки, и стал смотреть в небо.

Ну их всех на фик. На фик.

— Мальчишки! Квасу хотите?

— Не, не хотим! — ответил воплем на вопль Мирослав. — Мы не хотим, а Сергей хочет, подымайся!

Любка, держа на плече здоровенный запотевший кувшин из дымчатого отебла, подняла загорелое лицо и презрительно сдула со лба прядь волос, обведя медленным взглядом четыре веселых физиономии и пять пар рыжих от ржавчины пяток. Хмыкнула и "без рук" взлетела по приставной лестнице.

— О, — сказал Мирослав.

— У, — сказал Петька.

— Эх... — вздохнул Володька.

— Сергей, хотите квасу? — поинтересовалась Любка.

— А? — хлопнул глазами Сергей, обводя взглядом товарищей, отвернувшихся во все стороны. — А, да, спасибо... конечно... Но и остальные тоже?

— Куда же их девать, — пожала плечами Любка, глядя, как Сергей пьет и передает кувшин Мирославу (Глеб сделал вид, что задремал). — Пойдете сегодня на дискотеку в парк?

— Пойдем! — оживился Мирослав, сунув кувшин Володьке (квас плеснул ему на коленки, и он удовлетворенно заурчал). Любка наградила его испепеляющим взглядом:

— Тебя кто звал?

— Ну, ты же сказала «пойдете», — «растерялся» Мирослав. — Ой, это ты так Бокса — во "множественном монархическом"?³⁸ Прости, не догадался! Простите, Ваше Высочество! — серб гулко ткнулся лбом в железо. — Ручьку разрешите поцеловать? — он начал ловить ладонь Сергея.

— Заткнись ради Христа, ~ попросил Глеб, не открывая глаз.

— Придурки, — вздохнула Любка, отобрала у Петьки кувшин и спорхнула вниз крикнув: — Сергей, в восемь у входа в парк!

— Обязательно! — гаркнул Мирослав, опасно наклоняясь вниз. — Ой! — в лоб ему угодила галька, брошенная Любкой.

— Хватит дурковать, — Глеб сел. — Дочищаем и пошли мыться. Нам что, весь день на крыше куковать?

— Ку-ку, — согласился Серб, подхватывая щетку...

...В армии Югославии отец Мирослава, Драгутин, был инженером — и тут работал в станичном акционерно-кооперативном обществе инженером, а главное — дома устроил множество мелких приспособлений, облегчавших жизнь. Если честно, Глеб побаивался Драгутина Микича. Он был высокий, худой, словно опаленный огнем, молчаливый и суровый. Потерять дом, страну, двух детей, Знать, что жена больше никогда не сможет родить — это вам не шутки... Как-то Серб во время откровенного ночного разговора сказал, что мать пытали хорваты. Она осталась жива, ее даже спасли — но рожать детей Светлана Костовна Микич больше не могла. "Понимаешь, — шептал Серб тогда, — у них было трое. А остался я — один..." Глеб понимал, но Драгутин его все равно пугал даже сейчас, когда Глеб вырос. А вот душ был отличный. Воду в неё не надо было таскать ведрами или даже тянуть шланг от колонки — стоял ручной насос, система труб; поработал минут пять, и бак полный. Мальчишки потратили весь бак, накачали новый, и Мирослав, пробравшись к выходу, открыл вентиль на всю, после чего из душевой послышались вопли и угрозы...

...— Ты на дискотеку пойдешь? — спросил Глеба Сергей. Они пообедали и поджидали остальных на веранде летнего кафе, поедая мороженое. Глеб помотал головой: — Глебыч, брось. Я не виноват, что ей нравлюсь. Мне она — нет, девчонка и девчонка...

— Ну и дурак, — Глеб с досады вылизал чашечку под изумленным взглядом официантки. — Не пойду я на дискотеку, не хочу... — и, чтобы не обижать Сергея, сказал: — Правда — не хочу. Я в школу пойду, наш трудовик с ребятами планер заканчивают, а я не был ни разу... почти.

— Ну ладно... — Сергей пожал плечами. Он не увидел ничего странного в желании Глеба отправиться в школу в конце июня — там круглый год работали с дюжину кружков и секций, там же располагался штаб Отдельной Учебной Сотни, где постоянно кто-то отирался по делу и без дела. Функционировал молодежный театр, ансамбль казачьей песни и пляски, и вообще школа соперничала с Домом Культуры, располагавшимся в парке. Сергей это знал.

— Ну а на пруды ты пойдешь? Вон Серб и остальные идут.

— На пруды пойду, — кивнул Глеб. И, помедлив, осторожно спросил: — Бокс... ты не помнишь, что тебе снится?

— Нет, — Сергей покачал головой. — Я, наверное, ору во сне?

Глеб промолчал.

2.

Планер еще не заканчивали, конечно. Расставив прямые крылья, он лежал посреди школьного двора, и возле него деловито суетился Анатолий Палыч, школьный трудовик, в окружении ватаги добровольных помощников. Вся школа знала, что «Опалыч» мечтал стать летчиком, но не стал по причине чего-то там со здоровьем. Во времена СССР он вел занятия в планерном клубе где-то в Ставрополе, и вот уже год возрождал планерный спорт в станице. Он признавался открыто, что «содрал» чертежи планера с германских «хортен-4» "летающих крыльев", выпускавшихся еще до Второй Мировой. Предполагалось, что, если планер полетит нормально, то будут созданы еще полдесятка, и планерный клуб оформится официально. Желающих помочь (с эгоистичной перспективой потом "полетать") хватало — вот и сейчас при свете прожектора, уже начинало слегка темнеть, на площадке были заняты делом два десятка человек. Глеб почувствовал себя глупо: он не был тут не «почти» ни разу, а просто — ни разу, да и планерный спорт его не увлекал. По этому он просто присел на какой-то ящик возле спуска в котельную и стал наблюдать. До площадки долетала музыка из парка, с танцплощадки — что-то развеселое и нераспознаваемое.

Глеб не помнил, сколько он так просидел, думая ни о чем. Настроение было... нет, его вообще не было, а наблюдение за рабочей суетой успокаивало. Он даже не сразу сообразил, что на площадке началась какая-то "не такая" суета... и очнулся только когда увидел, как

почти все мальчишки бегут к воротам. Кто-то кричал: "Напрямки, напрямки, через забор!" Глеб крикнул, вскакивая:

— Э, чего такое?!

— Драка в парке! — крикнул Костыка Брядин. — Глебыч, наших бьют!..

...Первое, что бросилось в глаза Глебу — два автобуса на боковой аллее. Они стояли в темноте, и только в кабинах вспыхивали огоньки сигарет; фары потушены, в салонах огня нет. Но задуматься над этим мальчишка не успел. Музыка все еще гремела рваным пульсом, но ее заглушали визг девчонок, крики и мат. Вот прорвалось хоровое визгливое: "Аллаааакбааарр!!!" — и буквально под ноги Глебу выкатился казачонок, не поймешь, кто. Лицо и руки мальчишки, которыми он закрывался, были в крови, трое ребят в одинаковых рубашках, джинсах и кроссовках, что-то выхаркивая, били его ногами.

Глеб с ходу заехал одному пинком между ног, добавил коленом в смуглое, оскаленное лицо, вдгон врезал ногой в плечо и уклонился от удара второго — на пальцах у того смутно блеснула рамка кастета... Серб, выскочивший откуда-то сбоку, кинул третьего в забор, Глеб снова уклонился от кастета и повыше заломил, захватив, руку, ощутив, как хрустнул сустав. А дальше понеслась круговерть. Дралась на танцплощадке и в аллее рядом. Слышались злые выкрики: "Аллах акбар!" и "Русских мочи!" Нападавшие были крепкими ребятами лет по 14–16, их было много и они действовали со звериной спайкой и жестокостью, но, едва исчез численный перевес двое-трое на одного (казачата продолжали подбегать — вызванные кем-то или просто привлеченные шумом, у многих в руках были нагайки, палки, арматурные прутья), как запал у них исчез; они начали разбегаться, просачиваясь в сторону темноту аллеи, где внезапно вспыхнули лучи мощных фар, заурчали моторы. Уже были сирены милицеских машин, кто-то запустил камнем в стекло выреливающего из аллеи автобуса; кто-то жалобно кричал: "А-а, брат, брат, не надо-о!", — а в ответ слышались матерные выкрики... Глеб столкнулся с Сергеем — тот смеялся, хотя лицо было в крови из двух хороших ссадин. Рядом с ним держалась Любка, вооруженная стойкой от микрофона.

— Потанцевал? — спросил Глеб. Сергей кивнул:

— Вовремя вы... Я гляжу — какие-то чужие просачиваются, больше, больше... Я у Димки спрашиваю: "А это кто такие?!" А он и ответить не успел — понеслось...

— Их на автобусах привезли, две штуки в аллее стояли, — Глеб оглядывался: — Дрюнич, ты чего?!

Андрюшку Гомеля поддерживали двое, он зажимал левый бок и кривился:

— Ножом полоснули...

— Ножом?! Кто?! — Глеб сжал разбитые кулаки.

— Вон валяется... оя, больно, куда лезешь?!

Около эстрады лежал, слабо копошась и сжимая разбитую голову, один из нападавших. Неизвестно, что учудили бы казачата (по закоулкам продолжали азартно охаживать чем попадая отставших налетчиков), но на площадку начали проникать милиционеры. Впереди офицер орал на сержанта, растерянно разводившего руками:

— Ты дежурный, или... — междометья и многоточья. — Ты должен был тут порядок обеспечить, а ты где был?! Спал?!

— Да не спал я, товарищ капитан, уж я точно говорю, не спал... — оправдывался сержант. Капитан гаркнул:

— Как не спал, у тебя на лбу написано!

Начавшие отходить от драки казачата, потихоньку стягивавшиеся на свет к площадке, сдержанно загыгикали: лоб у сержанта украшал вдавленный багровый значок — с баранки, на которой он дрых, удобно устроив голову. Услышав смех, капитан (Глеб только сейчас понял, что не знает его) обратил внимание на публику и скомандовал подчиненным:

— Этих всех задержать, подогнать автобус...

— Да погоди, погоди, командир, — вперед вышел казачий урядник; ага, из совместного патруля! — Ты чего это расшумелся? То наши мальчишки, ты вон по канавам пособирай, тут много матерьялу валяется...

— Не мешать мне!.. — начал капитан, но в грудь ему уперлась нагайка, и урядник (Глеб узнал старшего брата Костьки) добродушно сказал:

— Да не шуми ты... Давай вон лучше, сообщи, чтобы автобусы задержали... И арестовывать тут тебе никто никого не даст, так что...

Капитан оглянулся на своих. Две трети милиционеров тоже были местными и сейчас переминались с ноги на ногу, пряча глаза. Еще пятеро казаков с улыбками встали между развоевавшимся капитаном и пацанами. Урядник через плечо сказал:

— А вы давайте по домам, танцы закрыты... Андрей, ты как там?

— На ногах держусь, — с бледной улыбкой отозвался Гомель.

— Счас «скорая» подкатит... Сообщай, сообщай, капитан, делом займись. А то арестовывать он тут пацанов собрался... Не в Москве.

— Все уходим, — не очень громко, но отчетливо подал команду Глеб. Серб попятился и увидел за оградой в полутьме стоящего Скибу. Тот поднял и опустил брови...

...В УАЗике кроме Скибы, усевшегося на место шофера, на заднем сиденье, куда вскочил, повинувшись приказывающему жесту, Глеб, сидел Гаркало Павел Петрович, атаман станицы. Не глядя на мальчишку, он спросил:

— Автобусы видел?

— Видел, — кивнул Глеб. — Сразу увидел, но внимания не больно обратил, там все сразу закрутилось... Их специально привез ли, Павел Петрович, точно говорю.

— Номера не запомнил?

— Нет... Я ребят спрашиваю, но темно было.

— Номеров могло не быть, — вмешался Скиба, барабанивший по рулю пальцами. — И всё равно никто их не задержит. Да и так ясно все. С молодежи всегда и начинается.

— Глеб, — атаман отвернулся от окна, посмотрел на мальчика, — завтра же предупреди своих: за пределы станицы по одному не выходить, младших и девушек не отпускать, куда идете — говорить как можно большему количеству людей... С собой носите нагайки и ножи. Будьте предельно внимательны.

— Понял, есть, — кивнул Глеб. — Павел Петрович, они кричали "аллах акбар" и еще про русских всякое...

— Знаю, — шевельнул щекой атаман.

— Павел Петрович, ведь можно же узнать, откуда они... Мы бы им устроили праздник святого Йоргена пополам с крестовым походом...

— И думать забудь, — отрезал атаман. — Их, может, посадят... а может — и нет. А вам впаяют по десять-пятнадцать лет.

Скиба за рулем вполголоса выругался, потом спросил:

— Этот... человек в сером с погонами, он кто?

— Новый зам по оперативной работе, позавчера прислали, — сообщил атаман. — Может, усердный не по уму, а может — прикормленный... Ты чего сидишь?! — он покосился на Глеба: — Марш домой!

Глеб выскочил наружу и пропал в темноте, откуда раздалось хоровое:

— Эх, казаки, ух, казаки -

Завтра будем рубить царские полки! — и удаляющиеся многоголосый смех.

— Тебе самому не хочется поехать и навести порядок? — Скиба убрал руки с баранки. Атаман неопределенно хмыкнул. — А завтра они станицу подожгут?

— Не девяносто пятый, — отозвался Гаркало.

— Именно, — непонятно отозвался Скиба...

...— Хорошо подрались, — сказал Сергей и, устраиваясь на сене, замурлыкал:

— Отдадут тебя замуж
Да в деревню большую,
Да в деревню большую,
В деревню чужую...

Мужики-то там бьются,
Топорами секутся...

Я сперва-то, знаешь, Глебыч, не лез, там же Любка со мной была... А как услышал это — "бей русских!", так я не знаю, затмение нашло. Но и она молодец — схватила штатив... — Сергей засмеялся. — Но родители у тебя классные. Ни слова не сказали...

— А что говорить? — Глеб вытянулся на простыне. — Мы казаки. У нас тут жизнь такая всегда была. Когда лучше, когда хуже, но всегда. Конечно, можно уехать... Но ведь Родина.

— Много она вам дает, — вздохнул Сергей. Глеб покачал головой:

— А Родина дает только жизнь, и все. Остальное — это государство, правительство... Они могут быть хорошими, плохими, всякими. А Родина — это как мать. Мать плохой не бывает.

— Да, конечно, — сказал Сергей. И зашуршал сеном, отворачиваясь к стене.

3.

Перед самым рассветом на южной окраине станицы поднялась стрельба, густая и плотная. Глеб сидел и слушал, понимая, что и Сергей не спит; потом послышался голос матери, ответ отца, и он вошел на сеновал — автомат на боку, в руках он нес два патронташа и ружья: двустволку-вертикалку 16-го калибра и трехзарядный полуавтомат 12-го.

— Подъем, казаки, — негромко сказал он, ставя ружья у стены. — Подъем, подъем... Значит, я пошел, женщины в доме, смотрите тут.

— С богом, па, — серьезно сказал Глеб, соскальзывая вниз.

Они с Сергеем поднялись на крышу и легли на остывший шифер. Стрельба продолжалась, хотя и стала реже. Вспышки выстрелов мерцали то тут, то там.

— Калашниковы... — Глеб положил рядом полуавтомат. Сергей зарядил вертикалку. — О, граната из подствольника... Погоди, я сейчас...

Он вернулся через минуту и, сев спиной к южной окраине, закурил «Винстон». Молча предложил Сергею — тот покачал головой и, нахмурившись, сказал

— Я...я вот сейчас вспомнил: туалет школьный, чистый, хороший... и мне сигареты предлагают, а я отказываюсь...

— Вспомнил?! — Глеб ставился. — А еще?!

— Все, — вздохнул Сергей. — Вроде уже не стреляют?

— Вроде, — Глеб присмотрелся. — Будем отца ждать, что я...

Они сидели на крыше. Начало светать, пополз туман. Переключка петухов покатила по улицам. Мальчишки ждали, то и дело прикасаясь к ружьям.

— Смотри, твой отец! — Сергей вскочил, и Глеб поднялся тоже.

Илья Григорьевич подходил к калитке с двумя другими казаками. Они распрощались, и Семага, придерживая локтем «калашников», вошел во двор, скрывшись за деревьями.

Мальчишки слетели с крыши и успели перехватить Илью Григорьевича на крыльце.

— А, не спите... — он улыбнулся, передал автомат и разгрузку сыну. — На, почисть и спрячь, куда обычно.

— Что там было? — Глеб принял оружие. Его отец хмыкнул:

— Да... Дружеский визит, постреляли и разошлись... Они сейчас уже, наверное, в милицейскую форму переоделись и сами себя ищут.

— Наши все целы? — быстро спросил Глеб. Илья Григорьевич кивнул:

— Все... У них один остался, а другого поймали. Он в болото ввалился, ну, Драгутин ему руки к затылку и заломал. Хохол, кажется... А дохлятина — негр! Потому и бросили, кому охота с наемником возиться... Стёкла в трех домах побили, гады... — он покосился на, шевельнувшуюся в окне занавеску и хлопнул мальчишек по затылкам: — Ладно, я пойду

мыться и спать. А вы оружие почистите, уберите, да и поспите тоже...

...— Гле-еб! Глебка-а, Сер-ге-ей!

Занудный голос Нинки не оставлял шансов поспать еще, и Глеб со стоном сел. Сергей еще лежал, подперев щеку рукой и смеялся:

— Вот и поспи! — сказал он.

— Чего тебе?! — рявкнул Глеб. — Поешь сама!!!

— Мы давно поели! — завопила Нинка. — К тебе твои!..

...Володька, Петька и Мирослав сидели на траве возле велосипедов. У Володьки под левым глазом синел отличный фингал.

— О, этого вроде не было, — заметил, пожимая руки, Глеб. — Это кто тебя?

— Отец, — хмуро ответил осетин, забрасывая в огород Семаг камешек. — Ночью...

— Ты спроси — за что, — хмыкнул Петька. Мирослав блеснул зубами:

— Как начали стрелять, наш Джигит хватает со стены "архар",³⁹ открывает окно и начинает вести огонь в направлении...

— Трепло, — нехотя сказал Володька и потер синяк. Петька засмеялся, Серб невозмутимо продолжал: — ...атакующих. Гильзы летят в кровать к трехлетней Зулке, она орет...

— Дождешься... — пообещал Володька.

— ...вся комната в дыму, дядя Иса наощупь...

Володька прыгнул на Мирослава, и они покатались по траве. Петька сказал:

— Мы за раками собрались с ночевкой... Поедете?

— Мне не на чем, — сказал Сергей, опиравшийся на забор.

— Да что мы, велик не найдем?.. Э, хорэ! Хорэ-хорэ-хорэ!..

Володька успел разбить Мирославу губу, и тот весело сплевывал кровь, продолжал невозмутимо:

— Я не дорассказал...

— Вы слышали, один нападавший негр был? — вмешался Глеб. Серб переключился:

— Да ты чё?! — он задумался и прочел:

— Лучше в джунглях ты молился
Деревянному божку —
На хрена гулять явился
По кавказскому песку?!
И душа, как голубь белый,
Из дурманящего сна
В небо дымное взлетела
И спросила: "НА ХРЕНА?!"

— Ай-ай-ай, убили негра, убили негра, казаки замочили, ни за что ни про что, — прибавил Сергей. — Что за расисты, что за ку-клукс-клановцы?!⁴⁰ Так что, найдете велик? А кто пойдет за "клинским"?

— Уже, — Петька указал на багажник своего велика. — "Белый медведь".

— Заедем к матери, отпрошусь, — оказал Глеб. — Велик у Костьки второй есть, точно.

— Ведро возьми, то, прошлогоднее! — крикнул ему вслед Мирослав.

Мальчишки были в шортах и в кроссовках на босу ногу, но к поясам были прицеплены «байкеры», а к рамам у Глеба и Петьки — нагайки. Руля одной рукой, второй Глеб обзванивал по взятому Мирославом сотовому всех, до кого мог дозвониться, передавая коротко содержание разговора о атаманом вчера вечером. Сергей мотался на багажнике, но Костька, к которому они заехала, молча выкатил велик и так же молча удалился.

— В комп режется, — заметил Мирослав, — Его все уехали, а то ему или больше часа сидеть не дают, или вообще запрещают. Вот он наверстывает.

— А куда мы едем? — уточнил Сергей, опробуя велик. Глеб ответил:

— Пока — к матери. Если отпустит — то у нас одно место есть...

— Закачаешься, — подтвердил Мирослав...

...Женщины, собравшись возле ограды фермы, молча смотрели на то, как пятеро мальчишек в ряд катят по пыльной дороге, удаляясь и удаляясь. Кто-то оказал:

— Бедные родители... Найдут их, нет?

Кто-то ответил:

— Наши все делают... А он вежливый такой, умный, веселый. Хороший мальчик, не то, что наши паразиты.

И еще кто-то возразил:

— А свой-то пропадет — тогда что? Тут рядом отпускаешь — и сердце не на месте...

А кто-то подытожил печально:

— Время...

...Когда велосипедисты подъехали к краю болот, Сергей присвистнул:

— Ну и приехали.

— Спа-акойно, — заявил. Петька. — Главное что? Главное — жми на педали сильнее, — и с этим ценным советом он въехал в болото.

Колеса погрузились на четверть и явно шли по чем-то твердому. Глеб со смехом пояснил:

— Там старая гать. Мы ее подновляем... Давно уже нашли — это и... — ну, поехали, поехали!

За гатью начинались кусты с незаметной тропинкой, на которой по голове, плечам и спине хлестали ветви. Тропинка обрывалась на небольшом песчаном пляже на берегу одной из многочисленных речушек, протекавшей в болотах, а правее поднимался каменный утес, в этом равнинном краю казавшийся скалой-великаном.

— Ого! — Сергей притормозил ногой.

— То-то, — довольно заметил Петька. — Это наше место... ну и твое теперь.

— Спасибо, — Сергей улыбнулся. — А раки тут точно есть?

Петька молча развел руки до размеров лангуста. Потом подумал и раздвинул их на глубоководного краба. Подумал еще и добавил:

— Одна клешня. Вечером увидишь.

— До вечера далеко, а пока давайте устраиваться, — приказал Глеб.

А, собственно, что было устраиваться-то? Велосипеды составили рядом, гитару повесили на куст, ведро и пакет с припасами уложили рядом, двухлитровую бутылку пива опустили в воду. Сергей начал стаскивать кроссовки, но Глеб остановил его.

— Погоди, — сказал он, покосившись на остальных. — Там ноги разобьешь босиком.

— Где? — не понял Сергей, глядя на товарищей. Те тоже запереглядывались, и Серб сказал, доставая из багажной сетки мощный фонарик:

— Да ладно, сказал «а» — говори «б»... Бокс, ты, вроде, надежный парень. Мы тебе сейчас покажем то, про что только мы четверо знаем, больше никто. Ну, может, тот, кто... но он или мертв, или далеко. В общем пошли.

Сергей выпрямился, в его глазах появился острый интерес. Четырнадцатилетнего мальчишку нельзя чем-то заинтересовать и не договорить — неузнанная тайна будет мучить его, словно кусок раскаленного железа в кармане.

— Пошли...

... Подножье утеса заплел хмель — густоющей плотной сеткой, прочной, как проволоочное ограждение. Но Глеб, что-то отмерив, решительно отогнул упругие стебли — и Сергей увидел черную дыру пещерного входа, примерно полтора на полтора метра. Изнутри холодно и безразлично глядела темнота, в которую врезался мощный луч фонаря Серба, вырезая из нее песчаный пол, озерцо прозрачной воды, в котором кипели песчинки, камни...

— Пошли, — сказал Глеб, первым ныряя внутрь.

Сергею показалось, что внутри очень холодно — хотя вряд ли там было намного холодней, чем на свободе. Ещё там было темно — фонарь остался снаружи, Сергей своей же спиной закрывал себе пространство — но вдруг откуда-то сверху упал живой свет, и Сергей увидел металлическую лестницу, прислоненную к камням.

— Поднимайся, — сказал Глеб сверху. Сергей увидел его в проеме другого входа, куда и вела лестница. Петька невежливо пихнул Сергея в зад, и тот окончательно вошел в пещеру.

Второе помещение было меньше, чем первое — четыре на четыре, метра два высотой — но куда больше походило на жилое. Вдоль одной стены шел деревянный настил нар, на нем лежали несколько свертков — спальные мешки, рюкзаки, еще что-то. Настил был и у второй стены — но примерно на уровне живота стоящего в рост человека. И на этом настиле в свете мощной керосиновой лампы Сергей увидел...

— Откуда это?! — выдохнул он потрясением.

— Мы это все случайно нашли, — сказал Володька. — Два года назад... Тут много всего было — рация, форма, еда, только все попортилось. А ЭТО было смазкой залито.

— Тут линия фронта проходила, — пояснил Петька. — Ну и кто-то заложил базу... Не поймешь, то ли немцы для диверсантов, то ли наши для партизан... Вот, короче.

— И самое главное, — Глеб, возившийся с лампой, повернулся к Сергею, и лицо у него было строгое. — Ты, может, думаешь, что мы это, как детишки оставили — поиграться, пострелять? Нет... Мы это НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ оставили. Если ЧТО, — у нас база есть, оружие и боеприпасы на первое время. Вот так. Чтобы не было, как в Чечне, где наших четверть миллиона жило, а их духи на одной наглости выгнали...

Сергей ходил вдоль стеллажей, касаясь рукой того, что на них лежало.

— Тут же не на четверых, тут на четыре десятка, — сказал он потрясенно.

— На восемь человек, полностью вооруженных, — уточнил Мирослав. — Мы так рассчитываем, что В СЛУЧАЕ ЧЕГО к нам кое-кто еще присоединится. Но пока помалкиваем.

— Это ж подсудное дело, — голос Сергея звучал восхищенно.

— Да, — гордо сказал Глеб. — А что нам делать и на кого надеяться, если у нас на всю страну три боеготовых дивизии и четыре боеготовых бригады?⁴¹ Или ты думаешь, у отца автомат в милиции зарегистрирован? Нас бы еще в середине девяностых всех зарезали, если б мы что-то регистрировали.

— Ё-моё! — Сергей снова начал блуждать вдоль стеллажа. Петька давал пояснения:

— Вот ДП, то есть «дегтярь-пехотный» 27-го года. Хорошая штука, но тяжел, зараза, и магазин маленький, всего сорок семь патрон, да и неудобно с таким блином сверху... Вот, видишь — ПППШ, их у нас шесть целых, отличная вещь, но бронежилеты не берет; правда боевики бронежилетов и не носят... Вот СВТ, самозарядки Токарева, их четыре — капризные и отдача убойная, зато мощные... Вон две снайперки мосинских, оптика ничуть не пострадала... И пистолеты есть — шесть ТТ и два «вальтера»... А это, на пивные банки похоже — это немецкие гранаты осколочные...

— Я раньше думал, что у них такие... — Сергей рассматривал гранаты, — ну, на длинных ручках. Они их ещё за голенищами носили...

— Да, такие тоже были... Вот патроны, патронов много, только к «вальтерам» мало, а так полно; тэтэшные и к пэпэша подходят, а эсвэтэшные — и к пулемету, и к снайперкам... Видишь, упакованы герметично, а эти уже мы распечатывали... А вот тут взрывчатка, тротилловые шашки — видишь, тоже герметично все, а это тоже мы опробовали... Тут шнур запальный... Разгрузки охотничьи, мы сами покупали и переделывали. И рюкзаки, и спальники... Вон там керосин, до фига, это еще старые запасы, а бензин мы запасли, и масло машинное — это для "молотовского коктейля"...⁴²

— Ну и да-а... — только и сказал Сергей, обхватывая себя руками за плечи. — А если я растреплюсь, то что — утопите?

— Не растреплешься, — уверенно сказал Глеб. Сергей помолчал, кивнул:

— Не растреплюсь... Даже если... когда мои найдутся и я уеду, я все равно буду молчать, а если что — доберусь к вам. Честно. Но это!.. — он помотал головой: — Как в кино про Великую Отечественную, правда!

— А чем мы хуже? — спросил Глеб. — Ничем. Это просто кому-то НАДО, чтобы мы были хуже. Я читал старую книжку про тогдашних ребят, вон, и Серб читал и Володька, а Петя у нас неграмотный... — все посмеялись, и Глеб продолжал: — Казьмин Володя, он был младше нас, а защищал Брестскую крепость. И из плена бегал девять раз его ловили, били, снова сажали, а он все равно... И на десятый сбежал, в партизаны... Марат Казей — три эшелона взорвал, а в последнем бою себя и эсэсовцев подорвал гранатами... И сколько таких было? Про них уже и не помнят почти... А мы чем хуже? Вон, Дэдл. Про него столько шутят, а помнишь, как он в "Последнем Герое" себя показал? И по хозяйству, и на рыбалке, и в соревнованиях... Музыка у него придурочная, а сам-то оказался хороший парень...

— Ждали, ждем, — сказал Мирослав,

— Все ходили грязные,
Оттого сделались похожие.
А под дождем
Оказались разные.
Большинство — честные. Хорошие...

Это ваш Башлачев. И еще... — он задумался, пошевелил губами и прочел:

— И можно жизнь свою прожить иначе.
Можно песенку оборвать.
Только... вырастет новый мальчик —
За меня, гада, воевать...

— Это тоже он.

— Короче, я с вами, — твердо сказал Сергей. Подумал и опросил: — А пострелять можно будет?..

...Перекупаться можно даже в обалденно жаркий день. Что и произошло со всеми пятерыми. Они выползли на раскаленный песок и растянулись на нем, стараясь не корчиться от холода и постепенно оттаивая — слышалось только пыхтение. Наконец, Глеб приподнялся и сообщил:

— А вечер-то уже скоро... Давайте дров подсоберем и для костра все приготовим, а то ахнуть не успеем — придется в темноте по кустам шариться... Подъем, подъем, — он встал и с удовольствием попинал безвольные тела. — Ну, собираем раскиданные мослы и вперед, живей!

Угрозами физического насилия ему удалось заставить всех таскать хворост — настоящих дров тут было не найти — и через полчаса на краю пляжа возле кустов выросла громадная куча, но все исцарапались, пообжигались крапивой и накормили пересидевших жару в кустах комаров. Все взмокли и с удовольствием еще раз искупались, но недолго, а потом опять попадали на песок, но уже в тень, протянувшуюся на две трети пляжа — дело в натуре шло к вечеру.

— Давайте в карты сыграем, — предложил Володька. Мирослав, закрывавший локтем лицо, заинтересованно приподнял руку:

— В «дурака» на раздевание.

Все зафыркали и завозились, разбирая шорты и кеды. Мирослав подумал и повесил на шею гитару; снять ее он согласился только после небольшого выламывания рук.

— Интересно, — спросил Сергей, — пионеры-герои играли в карты?

— Почему нет? — Глеб тасовал старую колоду, извлеченную из багажной сетки. — Игра, так игра... Серб, ты зачем шнурки вытаскиваешь?

— Это отдельные предметы, — невозмутимо заявил Мирослав. Глеб покачал головой:

— Ну, жук... Сунь обратное то в следующий раз резинку от плавок объявишь отдельным предметом. Тебе только уступи... Сунь, я сказал!!! Тебе все равно всегда в карты везет!

— Да он просто жульничает, — пояснил Петька. — Давай, я сдам... На моей памяти он вообще один раз проиграл.

— Зато как! — оживился Володька. — В прошлом году мы под Новый Год в школе репетировали, ну и задержались... Кто еще был, Глебыч?

— Я уже не помню, — Глеб засмеялся. — Играли на желание, и Серб продул...

— А я выиграл, — гордо заявил Володька. — И говорю ему...

— Короче, — Мирослав хрюкнул, — я пробежал голый вокруг школы по сугробам, постучал в каждое окно и крикнул: "С Новым Годом!" Хорошо еще, что уже никого не было...

— Умалчиваешь, — осуждающе покачал головой Глеб. — В 3"А" старшеклассниц еще репетировали, а они толком ничего не поняли. А вот в комнате техперсонала баба Люся сидела и как раз шторку отодвинула — посмотреть, во дворе свет горит, или нет, когда Серб подбежал...

— Минус одиннадцать было, — сердито сказал Мирослав, — а я в трех местах по пояс проявился, так что мне не до бабы Люси было... Козыри что?

— Пики, — Петька выложил остаток колоды. — Чужие вещи не ставим!..

...Володька проигрался первым и под общий смех передал плавки важному Мирославу, который был не то что при своем: в его распоряжении оказалась большая часть проигранных вещей. Присоединив плавки Володьки в этому складу, Мирослав осторожно поднялся, прошел к своему велосипеду... По внезапной нехорошей тишине Володька понял: что-то не то, обернулся...

— Улыбочку, — «мыльница» в руках Серба мигнула вспышкой. — Спасибо. Пошлю в журнал для извращенцев. Гордись. Письма градом посыплются.

— Паразит... — тоскливо сказал Володька, краснея.

— Меняю негатив... нет, ставлю негатив! — Мирослав плюхнулся на свое место, покрутил фотоаппарат. — А тебе ставить нечего. Дурак ты, Джигит. Круглый, по правде сказать... Еще можно сделать большой снимок и поместить его в газете — на первое сентября: "Кто как провел лето?"

Володька зарычал, поднялся и пошел купаться. Остальные вернулись к игре, но она внезапно показалась скучной. Мальчишки еще с четверть часа похлопали картами; Глеб тоже продул трусы, но после этого игра увяла окончательно. Все разобрали свою одежду и просто молча устроились на берегу: Сергей и Володька сидели, обхватив коленки руками, остальные полулежали, опершись на локти.

Наступал настоящий вечер, солнце почти село за лес на том берегу. Стало прохладней, зазвенели комары.

— Скоро раки полезут, — сказал Мирослав, но его не поддержали. После нового молчания Сергей поднял голову: — Смотрите, звезда.

— Это не звезда, это Венера, — Глеб вздохнул. Всем почему-то стало грустно и как-то не по себе. Венера немигающе смотрела вниз — пристально и холодно. Петька вдруг смущенно оказал:

— Как будто мы уже в партизаны ушли...

Никто не засмеялся. Небо стало лимонно-желтым и зеленым, на этом фоне возникли еще несколько звезд — уже настоящих. Сергей провел по холодеющему песку рукой и произнес вдруг:

— Да, почти что... Мы когда на игре были, по нам стрелять у моста начали... Я тогда

подумал: страшно умирать. Нет, не умирать, а — вот что ничего потом не будет... даже темноты, даже тишины...

— Как это не будет? — негромко возразил Глеб, глаза у него были понимающие и серьезные. — А душа? Человек умереть не может. Все, кто за родную землю пал — они бессмертны.

— Не верю я в душу, Глебыч, — печально сказал Сергей. — Я вижу, вы это, не злитесь, пацаны — все верующие, вон, даже крестики и не подумали поставить, как будто они ваша часть... Но это же смешно — на облаке и с арфой.

— Конечно, смешно, — серьезно сказал Мирослав. — Кто тебе про такое сказал?... Арфы, облака... Просто душа защитника Отечества, становится частью... ну... Добра, что ли. Света. Ну, ты понял, в общем. То есть его — Добра — на капельку больше становится. Для всех, вообще для всех... А у подонка и негодяя душа — как грязь. Или, может, нету ее вообще.

— Ты ведь тоже православный? — спросил Сергей. Серб кивнул:

— Конечно. И я, и Володька...

— А я в бога не верю, — вздохнул Сергей. Глеб без обиды ответил:

— Это ты ДУМАЕШЬ, что не веришь... А вот те — ну, ТЕ — они о вере на каждом углу кричат. Только какая же это вера, когда по голым детям — из автоматов? Или больницу взорвать... А вот ты говоришь, что не веришь — а Он все равно с тобой, потому что ты... — Глеб улыбнулся: — Ты хороший парень.

— Что ж он нам не помогает? — опросил Сергей печально. — Вот вы мне и скажите, почему так? Почему допускает, чтобы по детям — из автоматов?

— Не знаю, — искренне сказал Глеб. И добавил твердо: — Но знаю: ОН — есть.

— И тебе будет не страшно умирать? — без подковырки поинтересовался Сергей. Глеб честно задумался, медленно оказал:

— Ну... я не знаю... я же никогда, а это... Но мне кажется, если за Родину, за близких, за... за друзей — то я не испугаюсь. Нет, я испугаюсь, но... все равно. А потом — Серб вон хорошо сказал. Частичка Света... Так чего бояться? Пусть ТЕ бояться.

— Есть такой псалом, — вмешался Мирослав. — По-русски он тоже есть, вот так... — он задумался на миг и прочитал торжественно: — "Не погуби меня с нечестивыми и с делающими неправду, которые с ближними своими говорят о мире, а в сердце у них зло. Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им; отдай им заслуженное ими..." Вот я в это верю. И верю, что в конце концов правда победит, и что она с нами, и что Бог есть.

— А что нам кажется, будто его нету... — Глеб улыбнулся: — Вон, Великая Отечественная... Ты, Бокс, знаешь, что пятиконечная звезда — сатанинский знак, а свастика — знак Света? Большевики самые безбожники были, а победа у них получилась, потому что они родину защищали, а гитлеровцы, под какими бы знаками не шли, хотели другие народы уничтожить. Господь — он знает, как, кому и когда помочь. Может, и нам поможет в последний момент. Главное — рук не опускать...

— ...и костер разжечь, — добавил Мирослав, хлопая себя по плечам, — а то нас скоро съедят... Ну, вперед! Петька, давай костер и воду. Остальные — по готовности.

— А как их вообще ловить? — уточнил Сергей.

— Ну, вообще-то их на тухлое мясо ловят, — просветил его Глеб. — Но тут место такое: на берегу костер зажжешь, и они по дну толпами ползут, только хватай.

— Хватать? — Сергей покосился на воду. — А эти? Клешни?

— Фигня, до крови не тяпнут, да и вообще — за спину хватай, и все нормалек будет...

Огонь разгорелся сразу и ярко — охватил кучу сухого хвороста, запрещал, засвистел. Петька деловито пристраивал рогульки для ведра, остальные на корточках сидели у воды, всматриваясь в отлого уходящее во тьму песчаное дно.

— Опа, вон они, — Мирослав выпрямился и шагнул в воду. — За мной, на врага!..

...На каждого пришлось почти по поллитра пива, и мальчишки слегка обалдели, хотя

каждый слопал не меньше чем по три десятка здоровенных, «ядренных», как выразился Петька, раков, сваренных с перцем, солью и лавровым листом с укропом — от бульона поднимался к звездам дурманивший вкусный пар. Умело организованный дым почти нейтрализовал комаров, а редкие одиночки, прорывавшиеся к ребятам, мгновенно уничтожались путем физического воздействия.

— А чего мы гитару взяли? — вспомнил Глеб. — Ну-к, Серб...

— Сейчас, — не стал ломаться тот, дотягиваясь до инструмента: — А ну, подпевайте...

...— У них у каждой теперь семья,

У них теперь по воскресеньям

Их безотказные мужья и покупные приключения... — очень похоже на солиста "Високосного Года" пел Мирослав:

— Завалиться б к ним домой!

(Вот была бы подлость...)

Я — ваш 21-й встречный,

Я под откос набираю скорость...

— и все подхватили припев:

— Там-там, на последней станции,

Старость встретит поезд мой,

Повиснет на мне бородой,

И усами седыми,

Да и предложит в покое сладостном,

В мягких и теплых причинах,

Расписаться мне в собственной слабости

Каллиграфическими

морщинами...

— Хорошо, — одобрил Глеб. — Дай-ка... — он принял гитару, пощипал струны и совершенно неожиданно запел — намного хуже, чем Мирослав, но искренне и "с душой":

— Кавалергарда век недолог —

И потому так сладок он...

Труба трубит, откинут полог —

И где-то слышен сабель звон...

Еще рокошет голос струнный,

но командир уже в седле...

Не обещайте деве юной

Любови вечной на земле...

Черт, дальше забыл, а жаль...

— Играй, — кивнул Сергей, закрывая глаза. — Давай, я помню дальше...

Напрасно мирные забавы

Продлить стараетесь, смеясь...

Не раздобыть надежной славы,

Покуда кровь не пролилась...

И как ни сладок мир подлунный —

лежит тревога на челе...

Не обещайте деве юной

Любови вечной на земле...

Течет шампанское рекою
И взор туманится слегка...
И все как будто под рукою,
И все как будто на века...
Крест деревянный иль чугунный
назначен нам в грядущей мгле...
Не обещайте деве юной
Любови вечной на земле...

Вот так, кажется, — смущенно закончил Сергей. — Не уверен, что все точно, но в таком духе. Я ее пел... — он потер лоб, речь замедлилась: — На спектакле... школьном спектакле... Табличка с названием была... я под ней долго стоял, и... Черт, черт, черт! — он одарил кулаком по песку и опрокинулся на него лицом. Глеб протянул руку, но Мирослав глазами показал: "Не надо!" — и снова принял гитару.

— Ладно, Сергей, — почти ласково сказал он, — не бери в голову... Оппа!

Человеку живется горько...
У него сервант-"горка",
Есть диван и жена под боком —
А ему все выходит боком!
Он в квартире своей томится
Перед ним океан пенится,
Острова в океане дикие,
Он хотел бы плыть на «Кон-Тики»!⁴³

Нет ни горки и ни серванта —
Обстановочка серовата!
Не в квартире, не на диване —
Человек плывет в океане!
Он клянет его — в бога-душу,
Он во сне уже видит сушу,
Но... кишит океан акулами
И дымком берега окутаны!
Человека трясло, ломало,

— Мирослав шарахнул по струнам и вскинул голову: -

Все ему, человеку, мало!
Подавай ему плод запретный —
Очень любит он плод запретный!
Он и в тесном трамвае едет,
И совсем никуда не едет —
Все равно он куда-то едет,
Все равно этим плодом бредит!
Он к нему простирает руки,
На губах ощущая сладость!
Он не может без этой муки —
Это старая его слабость?..

— Жить надо интересно! — Серб крутнул гитару. — А не так, чтобы дожить до ста в коробке с ватой!

— Насчет коробки с ватой — это круто, — задумчиво сказал Володька. — Ну что? Посидим еще, или пошли баиньки?

— Да пошли, пожалуй, — Глеб встал. — Серб, где фонарик?

— А что, в пещеру пойдём?! — оживился Сергей. — Здорово!

— Смотрите, какая, — поднял лицо к небу Петька.

4.

Сергей принципиально не хотел подслушивать. Но получилось так, что голоса из-за отделявшей кухню занавески доносились до него совершенно ясно и отчетливо.

— Такой хороший мальчик... — говорила мать Глеба. — Послушный, работающий, столько умеет... Илюш, не нашлись его-то?

— Пока нет, — отвечал Илья Григорьевич. — Запрос послали, да это еще пока там обработают... Я так думаю, его и правда украли, держали где-то в Чечне, а он сбежал... Ты собрала там, я на минутку забежал, под утро приду...

— Да собрала, собрала... Пусть уж у нас живёт, Илюш. Уж больно хороший мальчик... И так жалко его...

— Да пусть живет, я что, против? — слышно было, как Семага-старший встал, а потом послышались шаги Глеба, его голос и смех — через секунду он сам вошел в комнату — Сергей едва успел присесть за стол и открыть книжку.

— Хочешь, со мной пойдем? — без предисловий спросил Глеб, подходя к шкафу и начиная переодеваться в форму. Сергей поднял голову:

— Куда?

— Да в школу, — Глеб покусал, губу, рассматривая сапоги. — Скиба сказал, чтоб сегодня смена в ночь дежурила.

— Во, с чего это?

— Да не знаю я... Пойдешь?

— Пошли, — Сергей охотно встал. — А ребята где?

— Серб с Суховым на поле поехали, они, еще человек пятнадцать, Опалыч с ними, и планер повезли, испытывать. Завтра с утра запустят, если получится, сразу начнут новый строить. А Володька с отцом на рыбалку отправились... Как думаешь, чистить, или нет?

— Ты в них отражаешься? — серьезно спросил Сергей, шнуруя кеды. — Если нет, то надо чистить.

— Ладно, на месте почищу, — мгновенно принял решение Глеб. — Пошли.

Мать Глеба, кажется, уже знала, что он уходит, потому что остановила сына только затем, чтобы поправить на нем форму — Глеб перенес это, глядя в потолок и нетерпеливо вздыхая.

— Не пыхти, — строго сказала мать. — Носишь форму — носи как следует... Сережа, ты придешь обратно-то, или до утра останешься сидеть?

— Не знаю, — Сергей с улыбкой пожал плечами.

— Ну, если придешь, ужин на столе будет, в саду...

...Уже упоминалось, что школа Святоиконниковской играла и роль культурного центра. Штаб сотни занимал большую пристройку, выпирающую с территории за забор; Глеб наладился было туда, но Сергей вдруг сказал:

— Слушай, я потом приду. Я просто похожу по школе, ага?

— Да ходи, — Глеб с удивлением посмотрел на друга. — Короче, вон вход, я внутри, — он указал на невысокое деревянное крылечко, над которым висели войсковой флаг и вывеска. — Постучишь, скажешь, кто, тебе откроют, если я занят буду. А в школу вон туда иди, главный вход закрыт уже, конечно. Ну, увидимся!

Сергей и сам толком не знал, с чего его понесло в школу. Он походил по полутемному второму этажу (солнце спустилось к горизонту, вровень с окнами плотно закрывали свет кроны тополей), лавируя между вынесенными из классов партами, стендами, плакатами, шкафами, стульями и столами. Нарисовал на одной доске чертика, посидел на подоконнике. Мимо прошел какой-то мужик, похоже, сторож — он ничего не сказал, но сидеть тут расхотелось, и Сергей спустился на первый этаж.

Тут было весьма оживленно — в трех или четырех классах шли какие-то репетиции, в спортзале играли в гандбол, в актовом зале стоял, какой-то неопределенный шум. Сергей, заинтересовавшись, заглянул внутрь.

Там был бардак. На плотно сдвинутых стульях сидели человек двадцать мальчишек и человек пятнадцать девчонок лет по 10–15, среди которых Сергей узнал парочку знакомых по лагерю. Все были одеты обычно, но как-то уж слишком потрепанно, а со второго взгляда Сергей понял, что тут репетируют спектакль. Во-первых, на тех же стульях лежал какой-то реквизит, а у стен стояли рисованные декорации, проектор слайдов, какая-то техника и некие конструкции — то ли арки, то ли еще что подтверждалась версия репетиции еще и тем, что на одном из стульев сидел молодой мужчина с пачкой листов в руке и страдальческим выражением лица. На свободном пространстве — наверное, сцене — стояли двое мальчишек, в одном из которых Сергей узнал Сашку Чуприна. Второй — белобрысый — был незнакомым. Мужчина выговаривал третьему парню, стоявшему возле непонятного, но грозного аппарата — этого кадра Сергей тоже не знал:

— Роман, это халтура. Это не запись, не гроза, я уж не говори — буря, это вообще больше похоже на малышовый утренник. Где программа, которую ты обещал?

— Ну, Олег Олегович, — вызывающе, но в то же время виновато отвечал Роман, что-то крутя на пульте, — ну программу сделать это же время нужно, а пока всё равно первые репетиции... но я привезу, скоро привезу...

— Это не разговор, — отрезал учитель (а кто еще?). — Мне после такого разговора Андрея и ругать неудобно... — белобрысый вздохнул, — ...но нужно, потому что не все зависит от декораций... Андрей, — Олег Олегович встал. — Все очень таинственно. Ты рассказываешь легенду, в которую сам веришь, которая — часть твоей жизни! Твоего, так сказать, архетипа! А что у тебя получается?! Ты девчонкам стихи при луне читал?!

В зале засмеялись, кто-то сказал: "Да он Пушкина изобретателем пушки считает!" Андрей зыркнул туда сердито и тоскливо ответил:

— Ну Санек же не девчонка...

В зале снова засмеялись, уже все. Руководитель продолжал:

— Да ну представь ты себе хотя бы вот что. У вас в сотне — новенький, парень, с которым ты хотел бы подружиться. И он почти кончает с собой, а ты подоспел... Играем заново сцену!

— Мне... — начал Роман, но Олег Олегович его перебил язвительно:

— А ты посиди и подумай о своих синих простынях, которые выдаешь за шторм. Без декораций, начали!

Андрей отошел в сторону; Сашка замер, потом вскинул голову, сделал пластичное движение — словно переносил через что-то ногу... Андрей подскочил, схватил его за локоть, крикнул:

— Димка, не надо этого, успокойся!

— Гос-по-ди-и, — простонал Олег Олегович, — да от такого вопля даже если не хотел — спрыгнешь! Андрей, ну не так все это, не та-ак!

— Ну я не знаю, как! — рассердился тот, поворачиваясь к руководителю. — Олег Олегович, я лучше в массовку, чесслово, я все испорчу!

— В массовку! — развел руками учитель, глянув через плечо на остальных, словно в поисках помощи и сочувствия. — А кто Толика играть будет?! Давайте снова!

Сергей моргнул — и вдруг понял, что он видит перед собой, и вспомнил очаровавшую его книжку, которую он читал... да, всю ночь читал, и был диван под лампой с абажуром в

виде... в виде... Он и сам не понял, как и когда подскочил к Сашке, опередив Андрея, рванул его на себя за плечи, словно отдергивая от пропасти, но не крикнул, а сказал:

— Димка, не надо этого... — и после секундной паузы: — Успокойся... — потом, повернувшись к залу, стал говорить, глядя через головы и одной рукой обнимая недоуменно молчащего Сашку за плечи. Сначала в зале перешептывались, но потом шепот стих совсем... — Безумный Капитан — это такой же мальчишка, как мы. То есть был таким же. Он попал на один из островов и прожил там много лет, стал совсем уже взрослым парнем. Он хорошо дрался и, говорят, даже мог завоевать все Острова. Только он этого не хотел, он хотел помочь всем. И тогда он вместе с ребятами со своего острова построил настоящий корабль. Клипер, маленький и быстрый, на котором могли уместиться мальчишки с нескольких островов. На этом клипере он со своими ребятами уплыл с острова. Они долго плыли по океану и нашли настоящую землю, где нет пришельцев и можно жить не воюя. Только они не остались там. Они поплыли обратно, чтобы перевезти туда всех ребят, со всех Островов... Но эти... пришельцы... сделали так, что его корабль не смог приблизиться ни к одному острову. Они хотели, чтобы он уплыл один. А мальчишка поклялся, что все равно прорвется к Островам, даже если ему придётся вечно плавать в океане. И вот уже сто лет они носятся по волнам, не взрослеют, не умирают, но и помочь никому не могут. Лишь в самый сильный шторм клипер подходит почти к самым островам. Но пристать ни к одному так и не может. Иногда их можно увидеть... Когда шторм... сильный...⁴⁴ — Сергей сглотнул и прочитал, прочитал то, чего точно не было в книге, и он не помнил, откуда это взял...

— И тогда Капитан прокричал слова⁴⁵
(Так становится Клятвою слово!):
"Пусть меня опять оттолкнул Острова!
Я приду к ним снова и снова!
Буду плыть я к ним хоть тысячу лет!
Не поддамся вовек отчаянью!
В волнах мой никогда не прервется след!
Я к земле Островов причаляю!
Пусть мне вечно не видеть счастливой земли —
Не нужна она мне одному!
Всех, кого ложью сюда завлекли,
Я с собою туда возьму!"
Клятва сталью звенела, рубя высоту
(Что сказал — не жалею о том!)
Росчерк молнии клятву заверил ту,
Огласил эту клятву гром.
И любовь, и ненависть в клятве сплелись...
Но Хозяев была воля там.
Клипер пусть погубить они не могли —
Но могли не пускать к Островам...
...Сколько лет прошло и сложилось в века?
Никому не известен срок.
Клипер вечно несется. Блестят борта.
На воде его держит зарок.
Не спускают на нем никогда паруса,
И команда стоит по местам.
Острия его мачт секут небеса,
У руля застыл Капитан.

Он идет к Островам — и не может придти,
Вновь и вновь — ничего, ничего!
Вновь и вновь петлею ложатся пути,
Прочь и прочь уводят его.
Только в ночь, когда дико ревет ураган,
Когда волны идут стеной,
Он вплотную подходит к тем берегам,
Где причалить ему не дано.
Есть легенда, сказка, а, может быть, быль:
Бросься с берега, в тот ураган!
Если в жизни был смел и доплыть ты сумел —
На борт примет тебя Капитан.
И займешь свое место в команде ты,
Вдаль несясь и веря в успех —
Мимолетной частичкой великой мечта
О земле, где есть счастье для всех...

Сергей замолк и только теперь увидел в зале Любку. Она смотрела на него восхищенными глазами. В следующий момент Андрей провозгласил:

— Олег Олегыч, ну вот вам Толик, а я — в массовку!

Учитель медлил, рассматривая Сергея внимательно и удивленно. Потом спросил:

— Ты, надо думать, читал книгу?

— По-моему, да, — осторожно отозвался Сергей. Олег Олегович поднял бровь:

— Что значит... — к нему подсунулся Роман, что-то прошептал на ухо. — Ах вот что... Ты Сергей?.. Тогда еще два вопроса. Первый: этих стихов в книге нет. Они твои?

— Да конечно его, — сказал кто-то из зала. — Я вообще предлагаю их включить под гитару, как фольклор Островов, для оживления...

— Я не помню, — честно сказал Сергей, — не помню...

— Так... Вопрос второй: раз ты шпарил наизусть целый кусок, то книга тебе, надо думать, понравилась? Это ты помнишь?

— Очень, — горячо ответил Сергей. В зале никто не засмеялся. Олег Олегович кивнул и спросил снова:

— Хочешь сыграть роль в спектакле по книге?

— Это уже третий вопрос, — усмехнулся Сергей...

...Из собравшейся дежурной смены никто не знал, зачем Скиба их вызвал. Казачатам приходилось и раньше дежурить в школе по ночам — всякий раз это означало, что где-то в очередной раз что-то взорвали и взрослым не обойтись без помощи своих младших соратников. Но сегодня и самого-то Скибы на месте не было, поэтому Глеб расставил четверых ребят из смены по местам, еще четверым велел отдыхать, а сам пошел прогуляться по зданию, надеясь найти командира там. Мало ли? Кроме того, Сергей куда-то запропастился.

Школа постепенно затихала. Глеб побродил по этажам, по коридорам, постояла перед зеркалом, оценивая, как сидит на нем форма, заглянул в кабинеты, где шел ремонт, посвистел, поболтал через дверь с переодевавшимися после танцевальной репетиции девчонками-одноклассницами, потом забрел в актовый зал.

Точно. Сергей был здесь и, похоже, отвлекать его не стоило — репетиции не было видно конца, царил атмосфера рабочего азарта, в перерывах между кусками все орали друг на друга. Сергей тоже орал и огрызался, и очень здорово играл куски. Глеб не читал книги, по которой Олег Олегович, учитель литературы, ставил спектакль, а сейчас пожалел. Кажется, ее написал тот автор, по другой книге которого снят этот глупый фильм —

"Ночной дозор".⁴⁶ И вроде бы она есть у Мирослава. Ладно, пусть развлекается, с легкой завистью подумал Глеб и пожалел, что у него нет таланта. Он бы не отказался вместо Сашки Куприна сыграть главного героя — ведь Любка играет его девчонку...

Все еще пережевывая эту мысль, Глеб вернулся в пристройку штаба. Свободная смена вместо того, чтобы спать, резалась в компьютер по очереди. Это был беспорядок, и Глеб его пресек, отключив питание. Смена, недовольно ворча, расползлась кто куда. Глеб обошел посты — у знамени, у входа, возле оружейки — и решил позвонить домой Скибе, чтобы прояснить ситуацию до конца.

Но в этот момент во входную дверь начали трезвонить. Уверенный в том, что это явился Сергей, Глеб нога за ногу подошел в двери и удивленно отметил, что оба часовых не спешат открывать: один наблюдал в глазок, второй держал руку на кнопке.

— Кто там? — уточнил Глеб. — Ну-ка... — он нагнулся к глазку, отодвинув часового.

На крыльце стояли двое мужчин в хороших костюмах и две тоже строго одетых женщины средних лет. Никого из них Глеб не знал и, сделав часовым недоуменное лицо, спросил, нажав кнопку селектора-самоделки:

— Да?

— Откройте, комиссия Министерства Образования, — категоричным тоном потребовала одна из женщин.

— Скоро десять вечера... — слегка растерянно наполнил Глеб, уже искренне недоумевая. — Все уже закрыто давно, из школьного руководства никого нет, да и это, простите, и не школа вовсе...

— Это учебная казачья сотня? — спросила та же женщина. Глеб кивнул, забыв, что его не видят, поправился:

— Да.

— У нас разрешение, — она поднесла к глазку какой-то лист с печатями, гербами и вроде бы даже водяными знаками. Может быть, это было разрешение, может быть — ее брачное свидетельство или ордер на обыск, Глеб не сказал бы точно даже под расстрелом. Оба часовых сдержанно-любопытно сопели.

— Простите, пожалуйста, — решительно сказал Глеб, — но вам придется некоторое время подождать, пока я свяжусь с начальством.

— Это черт знает что! — возмутилась женщина. — Открой немедленно, как ты смеешь держать четверых взрослых людей...

— Сожалею, — Глеб сделал рукой знак: дайте сотовый!!! — Я не могу нарушить правила, меня накажут... Вам придется подождать, это недолго.

— У них дело поставлено, — одобрительно сказал грузный, пышноусый мужчина, похожий на моржа. — Не беспокойся, парень, мы подождем.

— Оставьте ваши штучки! — прошипела, поворачиваясь к нему, женщина. — Как он смеет...

— А что? — добродушно сказал «морж». — У парня приказ. Хоть лопни — а нарушать нельзя.

— Так и придется стоять на крыльце? — спросил второй мужчина.

— Не развалимся, — с открытой неприязнью ответил "морж",

Скиба отозвался аж из Буденновска, и весьма эмоционально.

— Черт побери, — сказал он, когда Глеб сообщил ему о комиссии. — Я рассчитывал быть на месте к этому времени...

— Может быть, вызвать подьесаула Лукаша? — осторожно предложил Глеб, полный нехороших предчувствий.

— Да нет, зачем... — сказал Скиба. — Покажи им все, что они захотят. Ты же дежурный. Жаловаться им не на что — раз явились к ночи.

— Но почему?! — возмутился Глеб. — По-моему, это нелепо и невежливо, в конце-то

концов...

— Может быть, они хотели застать оргию или фашистские сборище? — предположил Скиба. — А вообще веги себя спокойно... Понимаешь, их, скорее всего, натравили.

— Кто? — хмуро осведомился Глеб.

— Да мало ли на свете добрых людей?... Да, кстати! Там есть такой товарищ, похожий на благодушного моржа?

Глеб не удержал смехок:

— Да, такой есть.

— Это Шунков, Сергей Петрович, полковник в отставке, большой человек по военно-патриотическому воспитанию и, что важно, человек еще и хороший... Он тебя в обиду не даст, да и нашу сотню — тоже...

И Скиба отключился. Глеб вздохнул и повернулся к часовым:

— Принимаем гостей, — сообщил он. — С недобрыми намерениями. Всех поднимите, бегом, и чтоб были в готовности.

Не глядя больше на ребят, Глеб одернул камуфляж, поправил кубанку и открыл дверь.

— Наконец-то, — с ядом сказала, входя первой, активная дама. Остальные вошли следом; «морж», аккуратно заперев дверь, буркнул одобрително, посмотрев по сторонам:

— Угу.

Глеб вскинул руку к кубанке:

— Дежурный по помещению Глеб Семага. Готов ответить на все ваши вопросы и показать все по вашему усмотрению.

— Мы хотели бы поговорить с начальством, — отрезала дама.

— Сегодня начальство здесь я, — любезно отозвался Глеб. — До утра. Если хотите, можете подождать в любой из комнат, пока не прибудет еще кто-то.

— Если хочешь застать в части беспорядки, — заявил «морж», — налетай ночью, пока травку красить не начали. Давай, веги, казак.

— Боже мой, — вторая дама закатила глаза под накрашенные веки, — оставить помещение на всю ночь под ответственность детей — вопиющее безобразие...

"Морж" засопел с угрозой, но первая из дам прервала зарождающийся спор:

— Давайте все-таки посмотрим помещения, если уж так, — требовательно подала голос она. — Куда идти? — этот вопрос был адресован Глебу.

— Все зависит от того, что вы хотите посмотреть, — дипломатично ответил он.

— Хранение оружия, — предложил второй мужчина, глаза его блеснули. — У вас ведь есть оружие?

— Конечно, — кивнул Глеб. — Прошу за мной.

По коридору делегация прошла молча — свет был погашен, горели только дежурные лампочки над дверями. На ходу Глеб предложил:

— Если желаете осмотреть наглядную агитацию — я зажгу свет.

— Не надо, — отрезала "первая леди", как Глеб окрестил ее про себя, — я уже составила себе представление о ней.

— Но, может быть, другие желают, — заметил Глеб и увидел, как весело сощурились глаза «моржа». "Первая леди" запыхтела, как старинный паровоз — очевидное, ее возмутила мысль, что хоть кто-то может потратить хотя бы минуту на осмотр того, что ею признано несущественным.

Они как раз проходили мимо замершего у знамени часового с шашкой наголо, и вторая дама ужаснулась:

— Мальчики стоят всю ночь?!

— Нет, — покачал головой Глеб, — только когда кто-то работает в помещениях. Они меняются каждый час.

— Но зачем это ночью?! — возмутилась она и обратилась к часовому таким добрым тоном, что становилось тошно, как от чересчур сладкого чая: — Мальчик, ты не устал?

Часовой не повел даже глазом.

— Он не будет говорить, — терпеливо разъяснил Глеб.

— "Помаши маме ручкой"... — непонятно заметил «морж» и добавил: — Все правильно. Часовой у знамени он и есть часовой у знамени.

— Но это же не армия! — перебила "первая леди".

— Извините, — неожиданно жестко ответил Шунков, — но это именно армия. И прошу заметить, что пока увиденное нами здесь никоим образом не соответствует указанному в кляузе, в рассмотрении которой я вынужден здесь участвовать!

— Сергей Петрович!.. — дама указала глазами на Глеба, делавшего вид, что это его не касается, но «морж» поморщился:

— Ладно вам! Он здесь хозяин и он не похож ни на ваших инфантильных любимчиков из Международной Программы Обмена или этих пивных тусовщиков из "НАШИ"-х, которыми вы восхищались... На вашу сотню, — он повернулся к Глебу, — прикатила пятиколесая несмазанная телега и так скрипела, что мы вынуждены тут заниматься... — он покрутил головой, — черт те чем! Искать то ли листовки, то ли наркотики, то ли русских фашистов — не знаю!

— Давайте посмотрим оружие, — поторопил второй мужчина.

Глеб неспешно открыл сейфовую бронедверь, набрав код, распахнул обычную дверь, закрыл решетку, после чего вошел внутрь первым и встал возле черной кнопки, вделанной в стену.

— А что это? — указала подбородком вторая женщина.

— Блокиратор, — пояснил Глеб. — Вы тут по распоряжению моего начальства, но я все равно должен контролировать.

— Это в смысле... — «морж» помедлил. — Если мы что-то учудим, ты закроешь двери?

— Да, и открыть ее можно будет лишь снаружи, — подтвердил Глеб.

— Лихо, — признал «морж». — А ты сам?

Глеб смущенно пожал плечами и улыбнулся.

— Господи, это же автоматы Калашникова! — почти завизжала "первая леди". — В руках школьников! У них под контролем! — она драматично схватилась за сердце. — Вот! Вот оно!

— Это пневматические копии, — с нескрываемым удовольствием отозвался «морж», — из них и зайца не убьешь, а продают их даже без паспорта...

— Но вы получаете оружие? — гнул свое второй мужчина.

— Под контролем взрослых и на полигонах, — пояснил Глеб. — Здесь, правда, хранятся самозарядные «сайги», — он указал на металлические шкафы, — но стойки заперты. Сюда я войти могу, но унести отсюда ничего не сумею — Обратите внимание, даже пейнтбольное оружие приковано цепочками. А ключей от этих замков у меня нет.

— А гранаты, взрывчатка, мины? — продолжал допытываться мужчина. Глеб, взвешивая каждое слово, ответил:

— Мы учимся обращаться со всем этим, но не здесь. Тут ничего подобного не хранится и не может храниться. Подобные вещи делаются через военкомат и органы казачьего самоуправления.

— А сами вы можете изготовить взрывчатку? — не отставал мужчина. Глеб кивнул:

— Да.

— Браво, — хмыкнул «морж». — А кто-то говорил, что они станут запираяться...

— А зачем вам это нужно? — продолжал атаку мужчина.

— Для совершения террористических актов, — под нос себе пояснил «морж». — После этого визита они взорвут Министерство Образования...

— Мы так или иначе готовимся к военной службе, — пояснил Глеб. — Нас уже сейчас готовят как солдат. Но, во-первых, это не значит, что дома на кухне я варю пластит. А во-вторых, недавно у нас с визитом были американцы — их подготовка не хуже, и никто не удивляется этому...

— По-моему, все хранится в образцовом порядке, — нетерпеливо заявил «морж». — Куда лучше, чем оружие в райотделах милиции... и дежурные намного трезвей. Что тут еще смотреть... КОЛЛЕГИ? — он нехорошо выделил это слово.

— Да-да, — поддержала вторая женщина, — давайте лучше посмотрим, как тут налажены связи с молодежью из соседних регионов.

— Прошу, — Глеб подождал, пока они выйдут, аккуратно закрыл двери и повел всех по коридору, поясняя на ходу. — Мы поддерживаем связи с почти полусотней организаций, подобных нашей, по всей России...

— А с подростками Чечни? — поинтересовалась "первая леди". Глеб остановился, с искренним недоумением глядя в глаза этой женщине. Неизвестно, куда дальше покатались бы события после вопроса, о том, как дружат кубанские казачата с теми, чьи старшие братья выжили из Надтеречной Чечни четверть миллиона русских — к счастью, в коридоре появился окровавленный и оборванный Сергей, шедший, сунув руки в карманы. — Господи, что с мальчиком?! — переключилась женщина. — Это ритуал?! Признавайся, это ритуал приема??

— Как репетиция окончилась? — невозмутимо спросил Глеб...

5.

Нежданная комиссия кружила голову Глебу аж до полуночи. 75 % ее членов задавали глупейшие и неожиданные вопросы (вроде вопроса о подростках Чечни), 25 % демонстрировали недовольство коллегами и то и дело предлагали "закончить эту ерунду и пойти выспаться!" Глеб продемонстрировал им все, что она пожелали, а перед уходом комиссии тихонько спросил "моржа":

— Вы простите... но что все-таки случилось?

— Да то, — отозвался он, — что вас обвиняют в привитии детям и подросткам нетерпимости, тоталитаризма и комплексов военщины. Я понятно говорю?

— Вполне, — ошарашенно моргнул Глеб. — Подождите, но как же?... Говорят же о том, что надо поднимать патриотизм...

— Мальчик, — «морж» печально поглядел на Глеба и улыбнулся из-под усов, — ты честный и наивный. Патриотизм бывает разный. Бывает патриотизм НАШИХ с бутылкой пива и веселыми тусовками на тему "как управлять Российской Федерацией?" А бывает ваш — с шашками, автоматами и знанием, как надо служить России.

И он ушел к машине, ожидавшей за оградой.

Глеб обратил внимание, что Сергей — переодевшийся, конечно — сидит в темноте сбоку от двери, на березовом чурбаке. Тогда он молча подошел и, сев рядом просто на землю, закурил.

— Бросал бы ты это, — заметил Сергей, откидываясь затылком к стене.

— Да ладно, еще и не начинал толком... В спектакле решил играть?

— Решил... Я, по-моему, играл уже когда-то... — Сергей поморщился и постучал себя по голове. Глеб искоса посмотрел на него, затаившись, сказал:

— Да ты вообще много что делал... По-английски выучился говорить, пятиборьем занимался, боксом, с оружием умеешь управляться, вон, в спектакле играл — и за скотиной ходишь, и по дому, и готовить умеешь хорошо... На все руки.

— От скуки, — добавил Сергей и потянулся. Глеб поинтересовался:

— Домой пойдешь?

— Да нет, посижу тут. Ночь хорошая.

С этим трудно было спорить. Теплая, тихая, звездная ночь окончательно вступила в свои права над Святоиконниковской. Звезды казались крупными и яркими, как драгоценные камни, вшитые в черный плащ.

— Вон Кассиопея, — сказал Глеб.

— Похожа на "дабл ю" английскую, я знаю, — кивнул Сергей. — А во-он там Вега, она же Альфа Лиры. Самая яркая звезда нашего полушария.

— Где?

— Вон... Глебыч, тебе Любка нравится?

— Угу, — перестав разглядывать звёзды, Глеб запустил окурок в канаву. Глядя ему вслед, спросил: — А тебе?

— Нет... В смысле, мне она нравится, но просто — нравится, а не так, что нравится. Понял?

— Приблизительно... Но, по-моему, ты ей нравишься.

— Вот и по-моему тоже... Я это к тому, чтоб у нас конфликт не возник. Чтоб ты имел в виду — я ее не поощряю. Честное слово.

Глеб промолчал. Внутри, за не по правилам открытой дверью, звякнула гитара, кто-то из казачат прорезался:

— Свет озарил мою больную душу...

Нет! Твой покой я страстью не нарушу...

— Господи, — поморщился Сергей. — Сколько уж ее пели...

— А ты помнишь? — быстро спросил Глеб. Сергей кивнул: — Помню...

— Сон... светлый счастья сон мой, Эсмеральда...

Стон... грешной страсти стон мой, Эсмеральда...

Он сорвался с губ и покатился камнем вниз —

разбилось сердце белокурой Флер де Лиз...

Примерно так.

— Здорово, — Глеб во все глаза глядел на друга. — Ты поешь, как этот... который пел за капитана...

— Макарский, — выдал Сергей и потер лоб. — Вот, и это помню... у меня был диск, точно, на русском и французском...

— Э, — окликнули изнутри, — спой еще.

— Подыграй, — попросил Сергей и, когда раздались аккорды, начал сначала:

— Свет озарил мою больную душу...

...Глеб покачался на турнике и сел верхом рядом с Сергеем. Сказал:

— А наши сейчас на поле, наверное, тоже не спят. Готовят планер... Обещали с утра над школой пролететь.

— Что мне делать, если мои не найдутся? — Сергей крутнулся на перекладине, встал на нее, раскинув руки.

— Найдутся, — уверенно возразил Глеб. — Ну а если что... будешь у нас жить. Мои все оформят...

— Лишний рот? — усмехнулся Сергей, ловко садясь снова. Глеб пожал плечами:

— Дурак... Я бы, если бы у меня власть была, вот что сделал: всех, кто богатый, обязал бы содержать определенное количество сирот. Не усыновлять, это без желания нельзя, а именно содержать, каждый месяц покупать одежду, продукты, игрушки, за школьные разные вещи платить. И запретил бы усыновлять за рубеж. Не потому, что там издеваются или что — у нас еще хуже бывает. Просто у нас мало детей, мы каждым дорожить должны. Это китайцы да бразильцы могут себе позволить детьми торговать, а у нас такого быть не должно.

— Разве у вас в семьях мало детей? — удивился Сергей. Глеб задумался:

— Ну... у нас нет, а в России хорошо если по одному на семью... Самолет летит.

— Пассажирский, — Сергей проводил взглядом огоньки, плывущие в небе. — Летят сейчас там люди и ничего про нас не знают. Не думают даже... Ты на самолетах летал?

— Не-а, — отозвался Глеб. — На вертушках летал не раз, а на самолетах — нет. А ты?

— Не помню... — вздохнул Сергей.

— Здорово, наверное...

— Не знаю, — покачал головой Сергей. — По-моему, неинтересно. Сидишь в кресле и все... Вот раньше, когда самолеты были такие... из фанеры — тогда да. Я читал, что наш ас Казаков, который не в Великую Отечественную, а в Первую мировую... вот он сначала с собой брал гирию на цепочке. Заходил на немца и опускал гирию ему в винт...

— А, это я читал! — засмеялся Глеб. — И еще они сковородки на сиденье подкладывали, от пуль!

— Да, ну вот... Вот тогда все было по-настоящему. Вот ты сидишь, вот самолет, вот воздух. Все от тебя зависит, от твоего умения и от смелости. И вообще, — Сергей вздохнул, — тогда люди, мне кажется, честней были. Сейчас вот хоть на войне: выстрелил, убил, метров за двести. Или вообще с воздуха, как в стрелялке. А тогда — глаза в глаза...

— Не, тогда тоже стреляли... — возразил Глеб, но Сергей сказал:

— Да я про еще раньше... У кого рука сильнее и душа крепче, тот и победил. И благородство было, и отвага настоящая...

— Есть такие гады, — проглотил Глеб головой упрямо, — с которыми благородно нельзя.

— Есть, — согласился Сергей.

Они помолчали, глядя, как небо на востоке начинает светлеть — оттуда шло утро. Сергей, чуть покачиваясь на перекладине, спросил:

— А ваша церковь — она в честь кого вообще названа?

— Да в честь Евгения Родионова, — не удивился Глеб. — Это солдат, он в Первую Чеченскую воевал... Про него даже на Балканах слышали, мой... в общем, наши там воевали за сербов и говорят, что те его называют Женя Русский. Его чеченцы в плен взяли и заставляли крест снять. Били, голодом морили, пытали почти месяц. Могли сами сорвать, но хотели, чтобы он снял, чтоб от Господа отсекся. А он — ни в какую... Тогда она ему голову бензопилой... — показал Глеб. — И на видео сняли... Когда про все это узнали, то церковь его канонизировала... А те, кто его казнил — одного гранатой разорвало, второго свои же кончили, третий от гангрены подох... Отец Николай, ну, наш батюшка, на уроке Закона Божьего про него стихи читал, я не знаю, сам сочинил, или как... — Глеб перевел дыхание и прочел на память, без особого выражения, неумело, но с душой...

— Сербский Ангел над нами на знамени
Расправляет золотые крыла,
В багровеющем облачном пламени
Разожженная ветром зола.
В небесах над Крестом в багровеющей,
В золотисто-пурпурной дали,
Лик бойца, победившего немощи,
Ради русской Священной Любви.
Мы стоим у Креста над могилою —
Мы стоим у святого Креста,
Женя вымолит Веры и силы нам,
И Любви у Иисуса Христа.
Мы стоим у Креста над Распятием,
Сербский Ангел над нами парит.
Помянем же Евгения, братия,
И Евгений нас благословит.
Выходить на Святое Сражение

За великое дело Любви,
И стоять за Христа до сожжения,
Брат Евгений, нас благослови!
Мы стоим у Креста под распятием,
Сербский Ангел над нами парят,
— Поклонимся Евгению, братия! —
Нам монах Пересвет говорит.
— Поклонимся Евгению, братия,
Память вечную вместе споем...
Сербский Ангел парит над распятием
Рядом с черным Российским Орлом.
Много будет еще испытаний нам,
Много будет ненастий и гроз,
Но Евгений нас смертным страданием
Искупил, как распятый Христос.
Мы стоим у креста над распятием,
Сербский Ангел над нами парит.
— Поклонимся Евгению, братия, —
Нам Батяня Комбат говорит.
Мы положим Евгению, братия,
Наш земной самый низкий поклон,
Поклянемся же здесь, у Распятия,
Не продать православных икон.
Мы стоим у креста русской ратию,
Сербский Ангел над нами парит.
Первый справа в строю под распятием
Родионов Евгений стоит...⁴⁷

— Я стихи плохо учу, вечно за них пары хватаю, — Глеб улыбнулся, — а эти сразу запомнились... И ещё про него песня есть... Я её не спою, а тоже прочитаю... это отец любит...

— Эй, гяуры, сняли быстро кресты!
Кто откажется — живыми сожжём!
Или шкуры с вас, рябые скоты,
Соскоблим вот этим самым ножом!
Ну а ты чего застыл, голубок,
Иль мученья для тебя — ерунда?
Может быть, разок пырнуть тебя в бок,
Поглядеть, что там за цвета вода?
— Нет, ребята, не сниму я креста,
Мне дала его духовная мать,
Наказавши мне его никогда
До кончины до моей не снимать.
И запомните: я русский солдат
И к тому же христианин.
Чем от бесов дожидаться наград,
Лучше вовсе не дожить до седин.
— Глянь-ка, гордый среди русских свиней!
Не хватало нам тебя одного.

Раскалите-ка ножи посильней.
Наложите-ка тавро на него!
Мы недавно тут распяли троих,
Что, как ты, не отреклись от Христа.
Не порхали ангелы возле них,
И что пользы было им от креста?
— Сами видите теперь: никому
Нашу веру муками не сломить.
Ведь когда-то и Христу Самому
Довелось до дна ту чашу испить.
Божья воля не всегда нам ясна,
Но и милость Его к нам — на века.
А дорога в рай от крови красна,
Оттого красны в рассвет облака.
— Что ж, гяур, тогда готовься к концу,
В свой же День рожденья умрёшь.
Матери своей и отцу
Труп безглавый в дар принесёшь!
Эй, джигиты, добивайте его,
Он, видать, совсем от жизни устал.
Не оставьте ничего от него,
Но... не трогайте, пожалуй, креста...
Тихо отлетает душа
К светлому престолу Царя.
Мы же остаёмся дышать,
Исступлённо бормоча, что не зря.
Всяк судьбу себе выбирай,
Пробудившись прежде от сна.
А Русь красна дорогою в рай,
Что по-прежнему от крови красна.⁴⁸

— Слушай, — вдруг сказал Сергей, — пошли на рыбалку, а? Скоро зорька... Или тебе тут обязательно нужно быть?

— Пошли, — Глеб соскочил с турника. — Сейчас я, ребят отпущу, запру — и пойдем, может, Володьку встретим с отцом.

— Я пойду, а ты догоняй! — окликнул его Сергей, тоже соскакивая наземь.

Через калитку в запертых школьных воротах он вышел на темную улицу. Тут, под деревьями аллеи, признаков восхода еще не наблюдалось, царили тишина и теплая темнота. Перешептывались кроны тополей. В домах на другой стороне дороги не было ни огонька, станица спала. Сергею вдруг вспомнился шумный город, где даже под утро шли и шли по широкой трассе машины — недалеко от дома, где он жил.

Неспешно и бесшумно мальчик зашагал по тропинке...

...Клев был хороший, за час Глеб и Сергей натаскали полным-полно рыбы, не обращая внимания на мелочь, только крупной, и им это надоело. Не хотелось заниматься и костром с ухой, хотя это предполагалось сначала — наступал жаркий день, после бессонной ночи уже немного захотелось спать, и они растянулись на разостланных куртках, глядя в небо. Внезапно Сергей сел, обхватив колени рукой:

— Смотри!

Глеб тоже приподнялся. Ало-белая ширококрылая птица медленно и плавно выскользнула из-за рощи за рекой.

— Планер! — сказал Глеб, вставая и не сводя глаз с летящей конструкции. — Черт, это же наш планер! — он вскинул руку и так застыл, глядя вслед планеру, который, качнув крыльями, сменил курс и полетел, постепенно набирая высоту, на восток — прямо в поднимающееся над горизонтом солнце.

6.

Вообще-то рыть яму под новый погреб должен был Петька. Но это заняло бы у него предположительно неделю, по этому он припряг младшего брата. Однако и в этом случае работы растянулись бы дня на четыре — и Глеб с Сергеем, Мирослав и Володька, обнаружив своего друга в таком бедственном положении, минут пять поизгалялись насчет полезного времяпровождения на каникулах, после чего взяли лопаты и полезли помогать.

Копать вшестером — это не то, что вдвоем или, тем более, одному. Котлованчик начал заметно углубляться, а время пошло веселее. Разговаривали, естественно, о кладах — кто, где, когда находил в этих местах и вообще. Сергей не без удивления выяснил, что в станице редкое строительство не было связано с такими находками.

— Да вы выдумываете половину, — сказал он после того, как Глеб поведал ему, как три года назад вот так же рыли яму под туалет и нашли сгнивший кожаный кисет с золотом. Глеб не обиделся на недоверие и пояснил:

— Сам подумай: наша станица с семнадцатого века стоит. Тут кто и от кого чего только не прятал. От одних большевиков чуть ли не в каждом дворе червонцы позарывали.

— Так уж и в каждом, — скептически заметил Сергей. Глеб кивнул:

— Вон, Серб тоже сначала не верил, а что он нашел, когда фундамент перекладывали? Ты спроси, спроси.

— Не, правда, — согласился Мирослав. — Угол завалился, мы же старый дом купили, и не жил там никто давно... Отец угол поддомкратил, а я мусор выгребал... И нашел десять червонцев, в бумагу были завернуты, в газету старую.

Сергей задумался и стал внимательней просматривать землю, отбрасываемую лопатой.

Младший брат Петьки, Пашка, в разговоры старших не мешался, а работал себе, где поставили, и работал. Но сейчас он вдруг ойкнул и удивленно посмотрел на остальных ребят; потом неуверенно ткнул лопатой снова — и на этот раз все отчетливо услышали металлический звук.

— Вот и клад, — хладнокровно заявил Володька. — Ну-ка...

— Вообще-то этой мой двор, — заметил Петька, беря лопату наперевес, — но так и быть...

— Стоп, — Серб, успевший присесть возле места предполагаемого клада, поднял руку. — Надо осторожно... если это сундук — лопатами проломим крышку. Я руками.

Пятеро мальчишек в десять рук, оттерев младшего, энергично врылись в землю, мягкую и прохладную (яма была уже немалой глубины). Все досадливо фыркали — земля то и дело осыпалась на серовато-ржавую поверхность, показывавшуюся из-под пальцев, снова скрывая ее. Внезапно Глеб бросил раскопки, и, вытерев локтем потное лицо (оно стало грязным), сказал:

— Погодите, перестаньте...

Когда все нехотя отстранились, он переполз на коленках чуть в сторону, несколько раз копнул руками и, выпрямившись, сказал:

— Вылезает отсюда... Сухов, звони.

Из рыхлой земли торчал острый стабилизатор бомбы...

...Двухсотпятидесятикилограммовую немецкую бомбу увезли через полчаса, сделав за мальчишек половину оставшейся работы. Решив по этому случаю устроить себе перекур, они запаслись бутербродами, квасом и уселись на краю ямы, свесив в нее ноги.

— Вот тебе и клад, — сказал Сергей, кусая бутерброд.

— А что, — хладнокровно отозвался Петька, — такие тоже часто находят... У нас же тут линия фронта была...

— Знаете, — Глеб прочней поставил в землю кувшин с квасом, — я вот что подумал... Ведь где ни копни — обязательно вот такое... Гильзы, осколки, наконечники стрел, пули старые...

Он не стал ничего объяснять, а ребята долго молчали. Что тут было объяснять-то? История щедро начинила землю, на которой они жили, остатками, осколками, обломками орудий смерти, на которых, захоти этого кто-то, можно было бы найти клейма оружейных мастерских и заводов от Китая до Толедо.

— Давайте докопаем и пойдем купаться, — встал Володька. — Бомбы бомбами, а погреб-то все равно нужен.

Часть третья

Казаки

1.

Наверное, их хватились бы еще нескоро и не нашли бы еще долго, если бы не Сергей.

То, что он нашел их, правда, тоже было случайностью — он никого не собирался искать, а просто шел себе на планерное поле, искать Мирослава. Сергей даже не знал, что Любка с младшими братьями рано утром пошла за щавелем.

В общем, это была случайность.

Сперва Сергей не понял, что он видит впереди возле тропы, на сухом разлапистом дереве. Он вгляделся — и всё равно не понял, но пошел быстрее, и буквально споткнулся о лежащий поперёк тропинки труп.

Это было тело маленького мальчика — лет восьми, и песок вокруг головы был залит темным. Сергей даже не сразу узнал ребенка — его лицо было изуродовано ударом чего-то тяжелого, смявшим детский череп, как картонку. Зрелище не было страшным, потому что было невозможным, и Сергей с полминуты рассматривал тело в недоумении, пытаясь понять, что это за дурацкая шутка и как сюда попала ростовая кукла, пока не увидел в паре шагов слетевший с детской ноги сандалет, наспех починенный синей леской. Это вчера у Федька Запольского, младшего брата Любки, порвался ремешок, он ныл, и Глеб починил и отвесил ему легкого пинка.

Тогда Сергей узнал Федьку. И сразу понял, что видит на дереве, а когда понял — побежал, слыша, как свистит в горле.

На дереве вниз головой был распят Лешка, второй Любкин брат, тринадцатилетний парнишка, которому на будущий год надо было в лагерь. Сергей видел сперва только его лицо, залитое засохшей кровью и пеной изо рта, по которому ползали мухи. Потом он увидел глубоко загнанные в скрещенные руки и ноги (прямо через кроссовки) альпинистские «костыли», почти скрытые распухшим телом. А еще потом — размашисто вырезанный на голой груди мальчика православный крест, черный и глубокий.

— Пошли!!! — заорал Сергей, сгоняя мух с лица Лешки. И отшатнулся — мальчик открыл глаза, мутные и куда-то уплывающие. Пошевелил губами, несколько раз сглотнул и сказал тихонько, но ясно:

— Боль-но-о... Любашку... увезли... в го... ры... — и опять закрыл глаза, но теперь Сергей видел, что он жив.

Сергей зарывал и стал пальцами, пачкаясь в сгустках крови, выдирать костыли. Мальчик начал кричать — Сергей придавил его локтем и рвал, тянул, тащил, пока не вырвал

оба штыря. Потекла кровь, но вяло, Лёшка был без сознания уже давно. Не чувствуя боли в изодранных пальцах, Сергей взвалил его на плечи и поволок — мимо Федьки... вернее, того, что от него осталось... Поволок в станицу...

...Капитан Вишнепольский нашел атамана во дворе, где он под взглядами всей семьи, кроме старшего сына, стоявшего возле калитки, проверял рюкзак. Над станицей стоял сплошной крик — нерасторжимый на отдельные голоса крик гнева, ярости и горя. Следом за капитаном к калитке подошли двое откормленных бугаев в камуфляжах «ночка», с укороченными «калашниковыми» на бедре.

— Куда же вы собралась, Павел Петрович? — удивился капитан, останавливаясь на полдороге к крыльцу. Атаман мельком посмотрел на милиционера и ответил:

— Тут одна тропа. У них часа четыре форы, ну да мы их все равно догоним...

— Опомнитесь, Павел Петрович, — покачал головой капитан. — Сейчас не девятнадцатый век... Мне уже известны обстоятельства этого дела, более того — наши информаторы указали, что убийство и похищение совершены группой уголовников, бежавших из Пятигорска; сейчас они прибираются **вглубь** России, вся милиция ведет поиски их и девочки.

— Что-что-что?! — атаман выпрямился, подошел ближе и оскалился. — Мальчик совершенно ясно сказал...

— Мальчик перенес пытки и находился в полубессознательном состоянии, — перебил его капитан. — А вы собираетесь созвать вооруженную банду и идти карательным походом на земли, где только-только закончилась война и население едва-едва поверило власти! Разумеется, я уже сообщил правоохранительным органам сопредельного субъекта федерации... — успокаивающим голосом продолжал Вишнепольский. — Они тоже примут участие в поисках, но это не имеет смысла...

Глаза атамана стали непонимающими. Он моргнул и тихо спросил:

— Капитан, ты что, больной? Какой субъект федерации? Какие органы? Какая помощь в поисках?.. Уйди с дороги?

— Господин атаман! — Вишнепольский сузил глаза. — Я ожидал чего-то подобного. Мне отлично известно, какое количество оружия незаконно хранится в станице, мне известно и то, что вы все это покрываете. На южной окраине села разгрузился «урал» с ОМОНОм. При попытке покинуть село...

— Станицу, — процедил атаман.

— При попытке покинуть станицу им отдан приказ применить силу! Мы не позволим вам бесчинствовать и бандитствовать!

— Ах, ты... — Павел Петрович двинулся было на Вишнепольского, но остановился и крикнул ОМОНовцам: — Мужики, кто ваш командир?!

— Специальным распоряжением отряд временно подчинен мне, — торжествующе объявил капитан. Атаман даже не поглядел на него:

— Мужики! Ну вы русские или нет?! Пацана маленького убили, другого искалечили, девочку украли, все трое из одной семьи! Ну...

Он осекся. С двух нажранных рях на него смотрели равнодушные глаза добротных американских боевых роботов. Вишнепольский засмеялся.

И тогда атаман заплакал.

— Сволочи, — сказал он сквозь тяжелые слезы, — за сколько ж вы Россию продали!?

...Возвращение отца Глеба сопровождалось таким матом, что Сергей не поверил своим ушам. Илья Григорьевич при нем ни разу не матерился, что уж говорить о дочках, затихших на краю скамьи. Но вид вошедшего старшего Семаги был куда страшнее матерных слов — черное от гнева лицо, почти прорвавшие кожу скулы. Он тяжело бухнулся на стул.

— Дядя Илья... — начал Сергей. — А как же...

— А вот так же? — гаркнул тот. — Детей — их уголовники казнили. И на север ушли, там их и ищут. А чтоб мы мирных соседей не затронули — станицу с юга ОМОНОм блокировали! — он снова выругался, треснул кулаком по столу и тоскливо сказал: — Ну не

стрелять же их, дураков... ведь русские... Ты чего смотришь, дура?! — заорал он на жену. — Водки носи!

Сергей встал и тихо скользнул в комнату Глеба.

Тот стоял у окна, повернулся на шаги — почти такой же страшный, как отец, только лицо Глеба было опухшим от слез, но глаза глядели жестко и пристально.

— Слышал? — спросил Сергей. Час назад Глеб орал, цепляясь за отца: "Пап, возьми меня! С собой возьми! Пап, ну возьми!" — а тот молча и яростно отдирает его и в конце концов просто швырнул в угол. Сцена была тяжелая и страшная, Сергей не хотел о ней вспоминать.

— Слышал, — сказал Глеб нехорошим голосом. — Со мной пойдешь?

— Не выпустят, да и не догоним, время потеряли, — Сергей его понял без слов. Глеб усмехнулся одной стороной рта:

— Полетим. Понял? Мы с ребятами эту тропу знаем.

— Планеры? — спросил Сергей. Глеб кивнул. — Посадят, если не убьют.

— ... — коротко сказал Глеб. — Ну как?

— Пошли, — кивнул Сергей, чувствуя, как холодеет внутри. — За ребятами зайдем.

— Конечно, я же рулить этой штукой не умею, а Серб и Сухов — умеют.

Илья Григорьевич не обратил на мальчишек никакого внимания. Но мать Глеба вышла следом на крыльцо, молча обогнала их и заступила дорогу:

— Куда? — тихо спросила она. Глеб поднял глаза, похожие на две свинцовых бляшки с черными дырами.

— Пусти, — так же тихо сказал он.

— Не пущу, Глебушка, сыночек... — ее глаза расширились, стали горестными.

— Мать, — сказал Глеб, — если непустишь — я от тебя откажусь.

Секунда. Воздух звенел, отодвинулись звуки беды, окутывавшие станицу. Сергей чувствовал, как сводит мышцы ног. Хотелось закричать — истошно...

Перекосив рот, женщина шагнула в сторону. Глеб пошел мимо, только сказал:

— Ма, помолись за нас.

У Сергея слов не нашлось.

2.

ОМОНовцы на заставе потешились вовсю. Всех пятерых заставили раздеться догола, уложили в пыльную траву с руками на затылке и полчаса, не меньше, перетрясали одежду и велосипеды. Все это сопровождалось руганью и тупыми шутками. Мальчишки молча лежали, и, когда ОМОНовцам это надоело, они пошвыряли одежду в пыль, после чего толстошей с бутылкой пива в руке, командовавший обыском, сказал:

— Ла-ана, пусть ездят, казачья с...ная, — и пост ещё долго улюлюкал и отпускал гадости вслед парням.

Сергей увидел, что Володька плачет. Осетинский мальчишка плакал молча, смахивая слезы движением головы, потом сказал:

— Я их найду и перебью потом. Собаки...

— Не стоит, — сказал серьезно Серб. — Они просто переростки, играющие во власть. Ты же не обижаешься, когда тебе пятилетние пацаны разную ерунду кричат?

Володька подумал и хмыкнул, потом засмеялся:

— Ладно...

Глеб ничего не приказывал, вообще не говорил, только жал и жал на педали, поэтому Серб начал распоряжаться:

— Ми с Петькой сразу на поле. Там сейчас никого нет, это точно. Всё приготовим. Вы трое давайте на наш склад, привезите все, что нужно. Пулемет обязательно. И еще вот что... — он остановился, жестом затормозил других. — Джигит... Володь, ты с нами не

летишь.

— Что?! — тот свел брови, заморгал. — С какого...

— Планеры нужно разогнать машиной, катапульту мы не сделали, — Мирослав покусал губу. — Мы с Петькой нужны, чтобы управлять. Глеб не останется, это ясно. А Сергей не умеет водить. И получается...

Еще утром Володька не стал бы ничего слушать. Еще утром он полез бы в драку. Но с утра прошла целая жизнь. Он покачался на расставленных по сторонам велика ногах и коротко сказал:

— Хорошо...

...Когда Глеб, Сергей и Володька подъехали к полю, то Мирослав и Петька сидели в высокой траве, обхватив колени, и смотрели в небо. Там быстро проплывало одинокое облачко. Оба «хортена» стояли, чуть накренившись на правую сторону, прицепленные тросами к УАЗику без тента.

— Замки пришлось посбивать, — без особого огорчения сказал Мирослав, поднимаясь. — Зато подумают, что обворовали.

Они переоделись. Володька с грустным лицом складывал вещи в рюкзак, притороченный к багажнику. Мальчишки больше не разговаривали — о чем? То, что они собирались сделать, поставило их вне привычного мира, и разговаривать стало бессмысленно. Глеб нацепил на себя тяжеленную сумку с двумя пулеметными «блинами», поднял «дегтярь». Сергей рассовал по карманам жилета шесть магазинов к ППШ, седьмой вставил в гнездо, дернул затвор, поставил его в предохранительный вырез. В кобуру на поясе убрал ТТ с запасной обоймой, прицепил три гранаты, рассыпал по карманам сколько-то патронов, как конфеты. Петька и Мирослав делали то же. Они не напрасно тренировались с этим оружием...

— Ну что, все, — нарушил молчание Мирослав. — Пошли... Я с Глебычем лечу, Сухов, ты с Боксом.

— Слава Господу, что мы — есть, — сказал Петька, крестясь. — Слава Господу, что мы — казаки.

И они пошли к планерам — четверо мальчишек, не пожелавших принять беду, не пожелавших поверить в ложь, не пожелавших подчиниться паскудству, не пожелавших отвернуться от схватки. И именно поэтому — одиноких. За ними не стояло сейчас ничего — не стояло даже могучего и многочисленного Кубанского войска, парализованного враньем и трусостью всего нескольких человек. Ничего — кроме их дружбы, достоинства и веры.

Володька сжал на миг зубы, чтобы не расплакаться снова. И побежал к машине.

Когда он вскочил в УАЗик и обернулся, Мирослав как раз захлопывал колпак своей кабины. Планеры замерли в траве, равнодушно отблескивая граненым остеклением. Володька решил больше не думать — он просто сделал все, что нужно и, увидев в специально установленное зеркало «отрыв» — рванул стопор и затормозил.

Через миг над его головой прошли, удаляясь и набирая высоту, два странных летающих объекта. На самодельных планерах улетали на юг четверо вооруженных оружием Великой Отечественной мальчишек.

Володька Баразов встал коленях на сиденье и начал молиться на родном языке Гюрги-Георгию, прося его о том, чтобы друзья вернулись... и обещая, что, если это не суждено им, он, осетин Баразов, отомстит за них. И за русских. И за серба.

За друзей...

...— Черт, черт, черт... — шептал Петька.

В кабине было достаточно просторно — она и проектировалась на двоих. Но Сергей чувствовал себя не уютно. С начала полета — его давила мысль, что они летят по воле ветров и ничего нельзя изменить. Правда, Петька действовал совершенно уверенно, да и планер Глеба и Мирослава летел почти в крыло. Но десять минут назад они влетели в это молоко, и теперь Сергей ежесекундно ждал: вот сейчас из этого то ли тумана, то ли туч вынырнет скала, и...

— Мы хоть правильно летим? — не выдержал он. Петька отозвался, не поворачиваясь (из-под кубанки на загорелую шею сползали струйки пота):

— Да летим-то мы правильно, компас-то есть... Тут плохо, что я ни скорости толком определить не могу, ни где мы... По расчетам — уже в Чечне, тогда надо спускаться, а то до Терека проскочим, что тогда делать? А как спускаться, блин?! Куда?! И откуда это взялось, солнечно же было... черт... Попробую снизиться, вдруг из нижней кромки выскочим, если это облака...

— Давай, — вздохнул Сергей, подумав, что готов на все, лишь бы выбраться из этого марева, где перепутались верх и время, низ и скорость.

Планер ощутимо кивнул носом, пошел вниз. Плечи Петьки поднялись, голова ушла в них, он подался вперед... и вдруг марево выбросило какие-то толстые серые щупальца, более темные, чем все остальное. Сергей вскрикнул — ему всерьез подавалось, что этот кисель ожил, как в фильме ужасов. Петька что-то выкрикнул, завалился направо... планер вильнул, вскинулся, скрежетнуло по борту, ударили по колпаку страшные скрученные когти...

— Дерево! — крикнул Петька. — О!.. — и в ту же секунду планер вывалился из белесого мешка.

Стена деревьев была в десятке метров, и Сергей сложился вдвое, пряча голову между колен и уже пеняя — избежать столкновения не удастся...

Удар!..

... "Хортен" отлетелся, это было ясно сразу. Сергей не потерял сознания, хотя на какой-то миг вылетел из реальности. Когда же он в нее вернулся, то увидел, что левая сторона оторвана по самую кабину. В осыпавшееся стекло тянуло вечерним воздухом.

— Прилетели, — сказал Петька спереди и зашевелился.

— Жив?! — обрадовался Сергей, откидывая раму (остатки стекла падали на плечи и за шиворот).

— Жив, — отозвался Петька. — Хорошо, что гореть нечему... Удачно прилетели, вон она, тропа, внизу.

— Е... — выдохнул Сергей, поняв, что левая сторона планера висит над ущельем глубиной метров пятьдесят, по дну которого вилась каменистая тропка. На окружающих ее скалах (как раз на такой, возле большой рощи, и лежал планер) клубился туман. Или все-таки тучи. Торопясь, Сергей вылез наружу, прислушался, всмотрелся. — Обогнали мы их, или нет?

— Точно обогнали, — уверение сказал Петька, не вставая с места. — Это поворот у Сага — вон, скала Саг, ее не спутаешь, туда батька туристов в свое время водил, альпинистов всяких... Даже верхом сюда за сутки от границы не доберешься...

— Да вылезай, ты чего? — на земле Сергей обрел уверенность. Петька хмыкнул:

— Я бы рад, Бокс, только у меня того. Ноги.

— Чего?! — Сергей взлетел на корпус. Петька был бледен, по лицу катился пот, но он улыбался. — Что с ногами?! — Сергей перегнулся ниже и обмер.

Правая нога Петьки была сломана на ладонь ниже колена, над самым мягким сапогом. Ясно было, что сломана, потому что кость, прорвав камуфляжную штанину, торчала наружу, блестящая и розовая. В левой — в икре — торчала длинная фанерная щепка, насквозь пробившая тело, как старинный штык.

— Давай, вынимай меня отсюда, — сказал Петька. — Я потерплю.

— Да ты лучше ори... — сказал Сергей, холодея. Петька усмехнулся:

— А, да. Еще покричать: "Эй, тут русские!" По ущелью-то хорошо слышать... Давай, Бокс, а то больно офигенно.

— Щас... — выдохнул Сергей, спускаясь в кабину. — Терпи, Сухов.

Он выдернул щепку одним сильным рывком. Петька издал странный звук, выгнулся и медленно обмяк. На сапог побежала кровь, Сергей попытался ее остановить, плюнул и потащил Петьку наружу, думая только об одном: не уронить бы! Не уронил, уложил под корпусом. Туман спускался с гор, как хищный зверь, удостоверившийся в слабости жертвы.

— Серёжка, — сказал Петька. Загара на лице у него не осталось. — Теперь вот что... На дырку наплюй, артерии целы, потечет и перестанет, штанина присохнет... А вот правая нога... Штанину режь, давай.

Сергей, сняв с пояса «байкер», располосовал и оборвал ее, не потеряв сознания только потому, что больше Петьке помочь никто не мог. Кость торчала из синюшного мяса, тянулась черная рваная рана. — Красиво... — сказал он, чтобы хоть что-то сказать. Петька засмеялся:

— Дай-ка мне ветку потолще... Сейчас ты эту штуку обратно вправишь... Грязь, конечно, но ничего, снаружи ей нельзя, а то вообще без ноги останусь. Серёжа, давай, — и он закусил зубами деревяшку.

На этот раз он не выдержал. Глаза закрылись дрожащими веками, и из угла рта потянулось:

— Мммммххх... ссаааа...

— Потерпи, потерпи... — шептал Сергей, чуть не плача и окровавленными пальцами делая на живом мальчишке то, что делать нельзя.

У него получилось. Петька вытолкнул палку, раскушенную почти надвое. В дереве торчал сломанный клык. Отплеываясь, Петька сказал не своим голосом:

— Хоть бы сознание потерять...

Сергей зафиксировал кость, используя куски планера. Перевел дыхание. Сердце билось в горле, все тело дрожало. Петька облизнул губы и оказал:

— Теперь, Бокс, ты пойдешь.

Сергей испугался — не того, что пойдет один, а того, что надо будет оставить Петьку.

— А ты?! — вырвалось у него. Петька пожал плечами:

— Буду лежать... Только вон туда меня перетащи, там ручей. Если все получится — вы за мной вернетесь. А если нет... — он улыбнулся: — Они все равно пойдут здесь.

Этого не могло быть. Не могло. Отчаянно, до тошноты, Сергею захотелось проснуться. Мир расплылся, теряя реальность, теряя очертания — страшный и невозможный мир, Сергей отказывался от него, не хотел его...

Он понял, что сходит с ума и зубами вцепился в руку. Хрустнуло, боль выжгла туман, застилавший мозг. Петька смотрел без насмешки, понимающе.

— Да, я пойду, — кивнул Сергей. — Может, наших встречу.

— Почти наверняка, — согласился Петька. — Они не должны были далеко оторваться, где-то тут... Давай, тащи меня. И оружие не забудь.

3.

К тому моменту, когда солнце село за скалы, Сергей вышел точно к лагерю бандитов.

Они не прятались. Даже костер замаскировали так себе. Около огня сидели четверо. Неподалеку паслись шесть лошадей — приземистых, крепких. Через минуту распластавшийся между двумя валунами Сергей заметил еще двоих и понял причину беспечности: враг ожидал погони, двое стрелков сидели на скальных площадках над тропой, надежно защищая ее хоть от роты преследователей. С ЭТОЙ стороны опасности не могло быть. Над тропой плыл запах разогреваемых консервов, слышался разговор — странно, но говорили по-русски; скорее всего, там были не только чеченцы.

Отчаянье охватило Сергея. Он был один. Их — шестеро. Он был на чужой, враждебной земле, где каждый камень грозил смертью. Петька, может быть, умирал в скалах. Туман сожрал Мирослава и Глеба. Что он может? Что от него можно требовать? Ему четырнадцать лет. Он устал, он голоден. Ему... ему просто страшно. Все так глупо, все так опрометчиво, все так по-детски... А это не игра. Это — ВОЙНА.

Потом он увидел среди поклажи, снятой на землю и сложенной, длинный сверток. И в последних лучах гаснущего дня разглядел раскиданные русые волосы.

И тогда он пополз. Пополз, сливаясь с землей, прячась за валунами — пополз ближе, уже ни о чем не думая и ничего не видя, но с хитростью зверька замирая, когда кое-то из часовых лениво, на всякий случай, оборачивался — всякий раз за миг до этого движения становился камнем, пылью, травой... Или это уже и не он полз, и не автомат был у него в руке, а полз к стану налетчиков, пластаясь, кто-то из его предков, веками вот так отстаивавших свое право жить и зваться своим именем, и никому не кланяться против воли... Он знал: эти, у костра, не увидят его, даже если обернутся и будут всматриваться, и сам старался не смотреть на огонь, привыкая к наступившей темноте.

Двадцать метров до костра, до часовых — подальше, но они все равно различались темными пятнами. Скоро взойдет луна, алая, как кровь. Сергей услышал отчетливо:

— А девчонка красивая, не зря взяли...

— Надо было и младшего щенка прихватить, за них хорошие деньги дают...

— Да ну, хлопот, возни... Как он тебе, Муса, второй-то — нагайкой! Рука болит?

— Ноет. Кость пополам... Ну ничего, он и сейчас мучается, собака... Побольше моего...

— А что не взяли — это правильно. Так и надо. Щенков — под нож, девок — к нам, и через двадцать лет русских как и не было...

Каким-то краем сознания Сергей еще понимал, что ЭТО — люди, люди, человеческие существа, стрелять в которых он не может и не должен, но перед глазами всплывал сандалик на тропе, разбитая головка Феди на руке молчащей матери, штыри в теле Лешки... и за этим накатывал новый туман, он был багряный, клубящийся, воющий, и в нем тонули мысли о милосердии, о прощении, и это было сладко, страшно и сладко. А слова "русских как и не было" словно бы сбросили стопор — Сергей услышал щелчок и не понял, что снял оружие с предохранительного взвода.

Четверо у костра одновременно вскинули головы. И тут же Сергей начал стрелять — не в них, а в темноту, в часовых, влево-вправо, влево-вправо, короткими очередями, прошивая снова и снова корчащиеся и словно бы тающие на скалах пятна тьмы.

— Русские!!! — крикнул кто-то у костра, четверо шарахнулись в стороны, за камни. Один — Сергей заметил — плюхнулся за камень метрах в пятнадцати, и оттуда тут же выставил длинный ствол РПК. Сергей перевернулся на бок и метнул немецкую гранату — так, как учил их всех лучший гранатометчик сотни Серёжка Данченко: задержав гранату в руке, по дуге, так, что она взорвалась сразу за камнем. В воздух взлетело что-то темное, с нелепо раскинутыми ногами, рухнуло, забилося у костра, став странно КОРОТКИМ, издавая нечеловеческие, воющие, мяукающие, булькающие крики, вызвавшие у Сергея довольную улыбку.

— Что ж ты так визжишь, гадина? — прошептал он. — Больно умирать?..

...Сергей допустил одну, но роковую ошибку. Он не дождался, пока враги уснут. Не смог дождаться... И теперь трое бандитов, отвоевавших не по одному году, быстро определив, что стреляет один ствол, поняв, откуда ведется огонь, в два «калашников» прижали мальчишку, а третий начал ползком и перебежками подбираться ближе и ближе.

Сергей бросил еще одну гранату, вслепую опустошил три магазина — и понял, что проигрывает. Сейчас кто-то подберется вплотную, выждет, навалится, скрутит... Плен?! Мысль о боли и пытках не посетила Сергея — ужасом обожгло то, что его свяжут и будут насмехаться, поняв, конечно, зачем он сюда явился... Плен?! Нет!

Он сорвал с ремня последнюю гранату и, сев спиной к камню, по которому били и били пули, выдернул кольцо.

Он им нужен живым. Пусть так.

Сергей напрягся, собираясь встать и крикнуть: "Не стреляйте, сдаюсь!" Может быть, они подойдут все, и тогда...

...и тогда где-то за камнями, там, где лежали убитые часовые, деловито и напористо заговорил пулемет. "Да-да-да! — выкрикивал он, и Сергей понял, что будет жить, понял это с ликующей радостью, и пулемет подтвердил: — Да-да-да!..." — а кто-то в ужасе заорал:

— Гоб-ли-ны-ы-ы!!!⁴⁹

В свете костра Сергей, приподнявшись, увидел, как рухнул вбок, сложившись пополам, один вскочивший, как поднялся показавшийся очень высоким из-за вскинутых на всю длину рук другой, суетливо и громко повторявший:

— Я сдаюсь, не стреляйте, я сдаюсь!

И как косо, пригнувшись, метнулся в темноту по осыпи третий — вскочивший совсем рядом с валунами, за которыми прятался Сергей.

— Не уйдешь... — процедил тот и, швырнув впереди себя гранату, бросился следом, одержимый одной мыслью — догнать!!! Кажется, ему что-то кричали вслед знакомые голоса; сейчас Сергею было не до этого. Он бросал себя с камня на камень, ориентируясь по звуку, и в голове пульсировала строфа Высоцкого:

И однажды умолкнут друзей голоса.
Сгинут компасы и полюса —
И незримо проляжет у ног полоса,
Испытаний твоих полоса!
Для того-то она и нужна, старина,
Для того-то она и дана,
Чтоб ты знал, какова тебе в жизни цена —
С этих пор и на все времена!

Тррадддадааа!!! Сергею показалось, что очередь выпущена точно в него, но широкий веер огня прошел чуть в стороне, и мальчишка выстрелил в ответ — тоже очередью. Мелькнула на миг вдоль — упасть, чтобы не подставляться под огонь... но это значило убегающему дать шанс уйти, скрыться в темноте. Тот не мог бежать бесшумно, из-под ног срывались камни, и он, конечно, тоже слышал, как бежит следом его преследователь.

Снова очередь! Сергей выстрелил в ответ — и ППШ осекся. Сергей рванул затвор — бесполезно, гильза заклинила его. Мальчишка отбросил оружие и, ни секунды не раздумывая, выхватил ТТ. О том, что он с двумя обоймами преследует вооруженного автоматом бандита, Сергей не подумал. Он два раза выстрелил на бегу... и из-за скал начала выползать сумасшедшая, непредставимо громадная алая луна, быстро выкатываться, словно мандарин из-под кровати. Тени метнулись по скалам, свет вспорол темноту, кромсая ее на лохмотья.

Сергей увидел бандита. Он стоял в десятке метров, глядя левее мальчишки — туда, откуда прозвучали выстрелы.

Сергей выстрелил в третий раз — не раздумывая. И увидел, как бандит выронил автомат. Метнулся в сторону, левой рукой отдирая крышку кобуры, висевшей на поясе; правая болталась вдоль туловища. Но было поздно.

Мальчишка подходил к нему, держа на прицеле.

Слышно было, как тяжело дышит бандит, покачиваясь и придерживая раненую руку другой. Когда оставалось между ними всего шагов пять, он выдохнул:

— Мальчишка!.. — и в следующий момент луна выхватила из теней их лица.

— Се...ргей?! — подавился кашлем бандит, изумленно расширив глаза. — Ты?!

А Сергею показалось, что у него разрывается голова, и он подумал: "Попали!" А потом...

— Салмон, — сказал он, чувствуя, как сами собой текут из глаз слезы. — Вот и все, — и он поднял пистолет. Лицо бандита окаменело, но губы шевельнулись в усмешке:

— Я ранен. Ты не сможешь выстрелить. Разве твой бог не велел прощать?

— Ошибаешься, Салмон, — сказал Сергей. — Мой бог велел карать.

И выстрелил Салмону между глаз...

...Серб встретил медленно бредущего Сергея на полпути к месту перестрелки. Быстро спросил:

— Догнал?

Сергей кивнул, дальше они шли молча. На тропе Глеб, поминутно спрашивая Любку, как она себя чувствует, увязывал для погрузки трофейное оружие. Любка активно ему помогала и огрызалась. На лице у нее были следы ударов.

— А где этот, — без интереса спросил Сергей, — который руки задрал?

— Вон лежит, — кивнул Глеб и усмехнулся. — Он их плохо задрал, я не рассмотрел...

— Ясно, — Сергей подошел к одному из коней. — Вы поезжайте, а я за Петькой вернусь, еще одного коня возьму. Он у скалы Саг, покалечился...

— Черт! — выдохнул Глеб. — Черт, черт...

— Вместе поедем, — Любка перебросила через плечо автомат. — Надежней и безопасней... Мало ли кто стрельбу услышал.

— Поедем вместе, — согласился Сергей и сел на камни. Глеб присмотрелся к другу, спросил:

— Ты чего?

— Оставь, — прошептал Мирослав, — не понимаешь, что ли... — но Сергей, посмотрев на них, сказал:

— Вот я и вспомнил все. И кто я. И откуда. И что со мной было. ВСЕ.

4.

— Сергей! Сережа, сколько раз я говорила, чтобы не ходил из школы один, дожидался охранника!

Мальчишка, входивший в калитку, резким движением головы отбросил со лба светлый чуб и, улыбнувшись, махнул рукой:

— Привет, ма!.. А что на обед?!

— Лидию Константиновну спроси, — ответила с высокого крыльца большого красивого дома молодая и очень сердитая (внешне, по крайней мере) женщина. — И кликни отца, раз уж пришел — он в гараже возится.

Отец в гараже за домом, кажется, уронил полку с инструментами — слышались грохот, лязг, ругательства...

...Серый вскинулся и успел подняться на ноги раньше, чем Салман Беноев отвесил ему пинка. Впрочем, все равно уже пора было подниматься — в щелястых стенах красными полосами просвечивал рассвет, надрывался петух, слышался шум. Все это его не разбудило, а вот приближение Беноева подкинуло, хотя чеченец шел совершенно бесшумно.

Рефлекс выработался. Мерзкий и страшный.

Но Салман, похоже, не собирался его пинать. Судя по лицу бандита, он был чем-то доволен, глаза поблескивали, зубы скалились.

— Иди, — он мотнул бородой в сторону входа, — о лошадях позаботься. О моей и о Витольдовой. Потом готовь есть. Быстро готовь, хорошо. Мы завтракать будем, у нас удача. Себе тоже сготовь. Что и нам, разрешаю.

Он засмеялся, хлопнул Сергея по плечу. Мальчишка склонил голову ниже:

— Да, хозяин.

И пошел к выходу. Идти было тяжело. Проклятая цепь... Когда Салман заковал его, Серый думал, что от унижения остановится сердце. Но всё оказалось в сто раз хуже... Сковка была сделана с таким расчетом, что, если Сергей начинал работать руками, он не мог нормально ходить, только ковылять. Чтобы более-менее нормально переставлять ноги — надо было опустить руки и сильно пригнуть голову подбородком в грудь. А поднять голову полностью, как он привык за тринадцать лет своей жизни — было невозможно вообще...

...Земля была по-утреннему холодной, хотя кончался май. Лошади стояли у открытых

ворот, удила наброшены на коновязь. Возле них торчал Витльд Арюнас — шурился на восходящее над хребтом солнце. На Серого он даже не посмотрел — широко зашагал к дому, придерживая локтем на бедре ухоженный АКМС с подствольником.

Серый закрыл ворота и вернулся к лошадям. Погладил мягкие, нежные носы — оба коня благодарно закивали. Это были единственные существа здесь, к которым Серый не испытывал ненависти, кони всегда ему нравились, и мальчик освободил коней от сбруй, действуя привычно и быстро, как его научили еще в школе верховой езды...

— Э, пацан! — крикнул Беноев с крыльца. — Давай скорей, поворачивайся!

— Да, хозяин, — послушно откликнулся Серый.

Беноев звал его только «пацан» или «Серый». А сам Сергей еще четыре месяца назад и представить себе не мог, что будет кого-то всерьез называть «хозяин». И годить в цепях, в грязном дранье, и не иметь даже возможности вымыться... Вообще все произошедшее казалось ему дурным сном, противоестественным бредом.

Его украли недалеко от школы, прямо в Санкт-Петербурге. Дальше он ничего не помнил; сознание слегка прояснилось только в тот момент, когда его отхлестали по щекам и сунули листок с текстом, который он монотонно и не вникая в смысл зачитал в камеру, а потом опять отключился, чтобы окончательно придти в себя в подвале. Его не били, кормили, и, складывая мозаику отрывочных воспоминаний, Сергей смог понять, что его похитили ради выкупа.

Беноев просчитался. Отец Сергея, бывший офицер-афганец, в 90-х годах убийствами, подкупом, шантажом и беспринципностью создавший свою небольшую, но доходную торговую империю, сына любил без памяти и вместо того, чтобы собирать деньги, поехал собирать людей, одурачив бандитов заверениями, что через неделю выкуп будет готов. На скользком от гололеда шоссе его джип, шедший под сто пятьдесят, перевернулся и взорвался, упал с автостреды в лес. Узнав о гибели мужа, и без того державшаяся только на лекарствах мать Сергея свалилась с инфарктом — это бывает даже с молодыми людьми. Салман понял, что денег не получит никак; торговую империю бросились делить полдюжины наглых и хватких "близких людей", а в село Беноева нагрянул с зачисткой спецназ. В бою погиб брат Салмана — четвертый, двое других были убиты еще в Первую Чеченскую, третий — в 98-м во время схватки между кланами. Проклиная все на свете, Салман с последним из братьев, Арсланом, бежал в глушь, прихватив с собой похищенного подростка. Уже не надеясь за него что-то получить, просто из подлости.

Слегка оправившись, мать Сергея с помощью бывших сослуживцев мужа (с которыми он в свое время расплевался, "уйдя в бизнес") попыталась найти сына. Но даже деньги тут оказались бессильны — следы терялись, и женщина уехала за границу, не в силах оставаться там, где потеряла все...

Этого не знал ни Сергей, ни его похитители. А вот о том, что случилось с отцом, Салман рассказал мальчишке — перемежая свой рассказ руганью и проклятьями, словно у него погиб ближайший друг.

Слегка придя в себя от наркотиков, которыми его накачали во время похищения, Сергей сбежал — как раз во время пути в глухие районы, на вторую же ночь выдрал руки из веревок, развязал ноги и удрал в январский горный лес с бандитской стоянки, будучи уверен, что все кончилось.

Он бы, наверное, и правда убежал (и замерз бы наверняка!), но в лесных делах ничего не понимал, пошел по кругу и нарвался на ищущих его чеченцев почти лоб в лоб. Когда его хватали, мальчишка дрался с остервенелым отчаяньем, четверо взрослых его едва смогли скрутить, поплатившись кучей синяков, глубоких укусов и ссадин — и уже не развязывали на протяжении недели пути. Сергей думал только об одном: как ему сбежать? Потом появилась мысль — захватить оружие и... то, что придется убивать, не пугало. По вине этих уродов погиб его отец, и кадры гибели, похожие на жуткий кинофильм, возникали в снах снова и снова, хотя Сергей и не видел аварии воочию.

Была еще надежда, что его освободят. Как в кино... И только потом Сергей понял, что

надежда была глупой. Территория, по которой они шли, официально считалась «мирной», тут не было русских войск и всем заправляли переквалифицировавшиеся в милиционеров и глав администраций вчерашние боевики.

Когда в небольшом полузаброшенном селении Салман объяснил Сергею, что он, Салман, теперь его хозяин — мальчишка плюнул чеченцу в лицо. Последовавшие за этим регулярные побои, продолжавшиеся несколько дней, страшно было вспоминать. Братья Беноевы вымещали на пленнике весь живший в них страх — военное поражение начала века, гибель родных, бегство из богатого дома... Сергея в жизни били не раз — на ринге, в драках — и он терпел, сперва молча, потом — начал орать в голос, но в ответ на вопрос, который, брызжа слюней, повторял Беноев-старший: "Кто я такой?!" — снова и снова отвечал: "Душара." Это слово говорил отец.

Витольд Арюнас — латыш, друг Беноевых, зачем-то обосновавшийся тут, в этом селении — посоветовал чеченцам другой метод. Они перестали избивать упрямого мальчишку, потому что это могло закончиться одним: Сергея забили бы насмерть, но не сломали. Латыш, куда более умный и утонченный, чем свирепые, но тупые горцы, посоветовал им морить Сергея жаждой.

Расчет оказался верным. Сергей внутренне был уже готов умереть от рук врагов — отец, каким бы он ни был в делах, воспитывал его на примерах мужественных людей, внушая, что мужчина — это не возраст, а состояние духа. Сергей скорее умер бы, чем поддался на ломку болью и, наверное, смог бы вынести любые пытки, охраняя свое достоинство, не спасовал бы перед самой страшной казнью. Но беспомощно следить за собственным медленным умиранием оказалось выше его сил.

Сдача далась ему нелегко, потому что означала шаг через собственное достоинство. Когда Сергей понял, что готов сдаться (а это было на третьи сутки!), он проплакал несколько часов — от стыда и бессилия, от жалости в себе и отцу, от тоски и страха.

Он назвал Салмана хозяином. Постыдно, давясь слезами, чем доставил тому невероятное удовольствие.

Правда, Беноев превратно истолковал причину рыданий, которыми наслаждался. Он был уверен, что его раб плачет от страха. И не мог себе представить, что Сергей плачет от острого чувства изгаженной чести...

...Засыпав коням овса, Серый вернулся на кухню, разжигать печь. Из большой комнаты доносились голоса Салмана и Арюнаса. Они разговаривали по-русски. В этом было что-то дикое, почти смешное — неистово ненавидящие русских бандиты говорили между собой именно по-русски... но что делать: Салман не знал латышского, Витольд — чеченского.

Говорил в основном Беноев — Арюнас больше молчал, цедил слова в час по чайной ложке. Разговоры всегда были одинаковыми. Чеченец вспоминал, как хорошо он жил с девяносто первого по девяносто девятый, какой у него был дом, сколько рабов и рабынь, какие были веселые времена, когда победили русских в 96-м и как здорово все начиналось в 99-м... Потом Беноев с руганью принимался вспоминать, как пришли "федералы"⁵⁰ — всё отобрали, как они спасались, с каким трудом потом натурализовались, добыв фальшивые документы... В его голосе слышались искренние обида и горечь хозяина, у которого злые люди порушили хорошо налаженную жизнь — и от этого слушать становилось страшно, потому что приходило понимание: все свои мерзости, все свою дикость, рабовладение, насилие над людьми (в том числе — и над соотечественниками!), жадность, жлобство, дикарское самомнение — все-все это Беноев считает нормой, а тех, кто лишил его этого — грабителями и бандитами.

Арюнас ни на что не жаловался. По немногим его словам Серый понял; латыша тут держат вовсе не деньги. Он просто ненавидит русских — и ненависть его куда страшней, чем у чеченца.

После таких разговоров Беноев, наевшись, частенько "пыхал травкой". Арюнас к нему

никогда не присоединялся. Наоборот — как-то раз Сергей видел, что латыш с презрением смотрит на обкурившегося приятеля. Это было в тот раз, в начале марта. Арюнас тогда постоял над завалившимся на подушки чеченцем, что-то пробормотал и ушел.

А Сергей сбежал. Его словно рванули из дома — он не взял ни оружия, ни коня, только пошвырял в подвернувшийся рюкзак продукты на кухне. Тогда на нем еще не было цепей...

Именно потому, что он ничего не взял, ему удалось уйти очень далеко — Беноев долго провалялся в прострации, остальные немногочисленные жители ничего не заметили. Мальчишку поймали лишь через четыре дня. Не могли не поймать — следы на снегу найти нетрудно, а куда идти? Он выбился из сил на закрытых снегом перевалах...

Обратно Салман гнал мальчишку босиком, с петлей на шее, и Сергей обрадовался, что умрет от холода и усталости или будет убит. Он почти хотел этого, раз уж нет пути из рабства... Он не умер, и Беноев заковал его в эту цепь с ошейником. С этого момента всякая надежда должна была исчезнуть. Но Сергей надеялся, он думал о свободе, потому что просто не мог иначе.

Вот и сейчас он, не вслушиваясь в разговор, возился у печи и думал: а что если ЭТО — на всю жизнь? НАВСЕГДА?! Когда такая мысль впервые его посетила, у Сергея остановилось сердце. Потом он пенял: когда приходит такая мысль, надо просто зажмуриться покрепче, вцепиться во что-нибудь изо всех сил и переждать, пока отхлынет волна безнадежности. Сейчас ему очень хотелось плюнуть на готовящееся мясо. Смачно харкнуть. Но это было бы идиотизм... Навсегда не навсегда, но сейчас надо жить. Ждать. Малейшей возможности, и теперь он будет умнее...

Жареное мясо, нарезанный хлеб Серый сложил на большой поднос (оставив себе неплохую порцию), вынес в комнату.

— Готово, хозяин, — поклонился он, ставя поднос между сидящих мужчин. На миг столкнулся взглядом с прозрачными глазами латыша, поклонился снова.

— Иди, ешь, — милостиво разрешил Беноев. — Потом скажу, что делать...

...Арслан нашел Сергея, когда тот убирал в деннике. Младший брат Салмана был на шесть лет старше русского, вырос уже в "независимой Чечне", был глуп, амбициозен, постоянно тянул травку и вообще был типичным представителем здешней молодежи: интеллект шакала, привычки свиньи, самомнение павлина, способность жить, не грабя, не убивая и не отбирая — нулевая, как и умение что-либо делать руками.

— Иди сюда, — сказал он, махнув рукой. Сергей подошел. Арслан окинул его непонятным взглядом и спросил: — Ты драться умеешь? Вопрос был странным, но Сергей кивнул:

— Вообще-то — да.

— Отлично, — Арслан кивнул. — Ко мне друг приехал. Брата нет, уехал, я за старшего в доме. Я поспорил, что ты свалишь его раба... — Арслан достал из пистолетной кобуры ключ и, щелкнув замком ошейника, резко выдернул цепь. Серый секунду стоял неподвижно, потом выпрямился. Спину резануло болью, но он выпрямился — почти одного роста с чеченцем. — На, — Арслан подал ему ключ, — с ног и рук тоженими, и иди туда, перед домом. Проиграешь, — Арслан цыкнул зубом, — уши отрежу и съест заставлю, русский.

И вышел. А Серый, встав на одно колено, стал снимать «браслеты». Ручные и ножные кандалы в самом начале были причиной невероятных мучений — они быстро стерли кожу до мяса, разбивали раны, не давая заживать, потом там образовались шрамы. Избавившись от колец, Сергей несколько раз со свистом втянул воздух, подпрыгнул, потянулся и оглянулся на забор. Туда?

Сергей не прыгнул. Он пошел драться...

..."Друг" оказался тоже каким-то местным в полувоенном. Арслан, чему-то усмехающийся Витольд и этот гость сидели на ступеньках крыльца. Беноева-старшего не было — куда-то и впрямь умелся. У коновязи стоял мальчишка примерно лет Сергея, обычно одетый, смуглый. Не русский, но и не здешний, чеченцы вовсе не похожи на "лиц кавказской национальности", как любит кое-кто говорить, а этот был именно смуглый, черноволосый,

кареглазый. Он смотрел на Сергея без злости, тоскливо и устало, и тот понял, несмотря на одежду — да, и это тоже раб.

— Драться можешь, как хочешь! — крикнул Арслан. — Только положи этого!

Гость что-то прокричал своему рабу — не по-чеченски, но и не по-русски. Сергей скинул куртку, увидев, как противник поклонился приезжему. Оглянувшись на крыльцо...

И увидел кобуру Арслана.

Он сидел вплотную к перилам, и кобура — большая, с вытертым лаком, деревянная кобура старого АПС⁵¹ — свисала наружу на длинном ремне, сбоку от внешней стороны крыльца.

"Вот и все,"- подумал Сергей спокойно. "Хватит. Я им не игрушка. Я или живой, или мертвый, но — человек".

Наверное, именно в этот момент у него и начало что-то происходить с головой.

Странно. Он еще только думал и представлял, что надо сделать — а АПС уже был в правой руке, предохранитель сброшен, и именно на его щелчок обернулись все трое, о чем-то говорившие, повернувшись в сторону ворот. Для Арюнаса и неизвестного «гостя» это стало последним сознательным движением в жизни.

Неизвестному пуля попала в левый бок снизу и вышла наружу через селезенку и низ правого легкого. Он прожил еще две или три секунды — пока падал с крыльца. Арюнасу не было отпущено и этих секунд — вторая пуля попала ему под челюсть и вышла из затылка.

Арслан сидел на крыльце, приоткрыв рот и хлопая глазами. Он все еще тянул на себя зацепившуюся за перила пустую кобуру.

— Ну что? — спокойно сказал Сергей. — В веках запутались? Двадцать первый с первым спугали? Жаль, что твоего старшего тут нет, ну да ему будет сюрприз, когда вернется.

Арслан зажмурился и не увидел, как рыжим огнем полыхнул ствол пистолета.

Сергей обернулся к своему несостоявшемуся противнику. Тот стоял и неуверенно улыбался. Потом сглотнул и сказал:

— Грузия... Георгий... — и показал на себя...

...Сергей проснулся и сел, широко раскрыв глаза. Наполненное уютной темнотой купе СВ-вагона уносилось сквозь ночь...

— Сержик, Сереженька, маленький мой, тебе нехорошо?!

Вспыхнул свет ночника, приблизилось лицо.

— Ма-ам... — мягко протянул Сергей, откидываясь на подушку. Вздыхнул, улыбнулся и не стал отстраняться, как делал год назад, если мама гладила его — «взрослого», тринадцатилетнего! — по волосам. — Нет, ничего... просто сон приснился...

...Мама уже ждала его в станице, когда они вернулись. Кто-то рассказал ей о передаче, в которой был сюжет про Сергея, и она примчалась немедленно, и только охнула, когда Сергей узнал ее и помчался навстречу с воплем: "Маааааа!!!" — она-то думала, что сын ее и не признает... А Любка еще два дня жила в пещере — это было жестоко, но нельзя появляться вместе, по официальной версии мальчишки приехали с рыбалки, а Любка сама сбежала от похитителей и шла пешком...

Она успела как раз на похороны Феди. (Лешка — тот выжил — и врачи клялись, что все срастется, мальчик полностью восстановится. Тело. А вот душа...) Мальчика хоронили всей станицей. В тот же день убрался ОМОН, которому даже воду пришлось подвозить из родника — ни в одном дворе к колодцу "защитников закона" не подпускали, магазины закрывались "на учет", "прием товара", "санитарный день" и прочее...

Оружие заскладывали в пещере, лошадей отпустили еще за Курой.

Сергей уехал через два дня. Это было невероятное счастье — ПОМНИТЬ. А самое главное — помнить МАМУ. Когда он надеялся на встречу, то больше всего ужасался: придет чужая женщина, будет плакать, будет его целовать, а он... Нет уж — пусть и страшное, и

тяжелое — но только ПОМНИТЬ ВСЕ.

В день отъезда они втроем (Петька был в больнице, Володька угрюмо отказался идти) зашли к Запольским. В доме было тихо и горестно, слов утешения не находилось, да и не искали их ребята, что говорить? "Радуйтесь, что сын и дочь живы!"?! А младший сын? За что его убили? Как тут утешиться?

Они и не утешали. Просто Глеб сказал, глядя в глаза отцу Любки:

— Дядя Игорь. Тут дело такое. Те, кто Федю... и все прочее... Их нет больше.

Казак, сидевший за столом, вскинул голову. И его жена, мать мальчиков и Любки, тоже подняла глаза. Запольский провел рукой по лбу и тихо спросил:

— Вы?

— Мы, дядь Игорь, — так же тихо сказал Глеб.

Он подошел — большой, тяжелый — и обнял всех троих мальчишек сразу. А потом Сергей почувствовал, как женская рука гладит его волосы — это подошла мать Любки и касалась голов мальчишек, плача и шепча:

— Детки... сыночки...

На улице мальчишки заплакали. Не заревели, а заплакали — отворачиваясь друг от друга, угрюмо делая вид, что все нормально...

Провожать Сергея на автостанцию, откуда они с матерью должны были добраться до Кисловодска и сесть в СВ, явились несколько сот человек. Мать Сергея улыбалась, жала руки, целовалась, плакала и благодарила, Сергея тоже целовали, жали ему руки и благодарили за что-то, и он целовался, благодарил и жал руки... А потом автобус тронулся, и Любка вдруг побежала за ним и упала, а Глеб поднял ее...

— Какой ужасной жизнью они живут... — сказала потом мать Сергею. Он сперва промолчал, но через какое-то время ответил мрачновато:

— Да. Зато настоящей...

...Он открыл глаза и улыбнулся маме, сидевшей на его постели. Поезд покачивало, покачивало...

— Сколько же ты вытерпел... — сказала женщина, катая головой. — Как же так... а я думала, что просто умру, умру... Ну ничего, — она вздохнула. — У нас, слава Богу, достаточно денег, больше нет этих хлопот с отцовским бизнесом (она говорила, что все продала, вспомнил Сергей), мы с тобой уедем. Уедем совсем, — с какой-то истовостью повторила она, — из этой проклятой страны, навсегда... У нас дом на побережье Бискайского залива, уютный, хороший, ты вырастать и решишь, как тебе дальше жить. А я буду спокойна... Пусть они грызут тут друг друга, пусть едят живьем, с меня хватит! И с тебя...

Сергей сел, поджал ноги. Повернулся к окну. За поднятой занавеской стояли вдоль горизонта редкие огни. Светила пошедшая на убыль луна, не алая, а желтая, обычная.

"А ведь я их предал, — понял Сергей. — Просто и легко. Даже не предал, а продал, как... как мой отец своих друзей, свое прошлое. Впрочем, они, наверное, даже этого не поняли, они за меня искренне рады... Что ж, Бискайский залив — это неплохо. Выучу французский или испанский, получу гражданство, буду жить и ни о чем не думать... Все просто!

Он засмеялся, потому что все решил для себя именно в этот момент, и стало легко, как тогда, при виде пистолета, висящего сбоку крыльца.

— Ты что? — женщина засмеялась тоже, удивленно и радостно, просто потому, что у сына, кажется, хорошее настроение. — Сержик, ты что?

— Да так, ма, — Сергей обернулся, сел прямо, спустив ноги на пол, на дорогой ковер. — Ма, мы сойдем на ближайшей станции и поедем обратно. Поселимся в Святоиконниковской. А нашим деньгам найдется лучшее применение, чем в иностранных школах и кафе с магазинами. Собирайся, ма.

Женщина неуверенно улыбалась. И поняла вдруг, что ее сын говорит серьезно.

— Ты сошел с ума, Сережа, — с нервным смехом ответила она. Сергей вздохнул и

улыбнулся ей ласково и печально:

— Ну что ж... Тогда я сойду один. Мне будет очень-очень плохо без тебя, ма. Но я останусь в "этой проклятой стране", даже если ты решишь забрать меня силой и наймешь для этого людей. Я хочу жить в настоящем мире. И я буду в нем жить и защищать его, ма. Я так решил.

— Ты глупый мальчишка! — болезненно вскрикнула женщина. Сергей покачал головой:

— Я взрослый мужчина, ма... — и он вдруг улыбнулся: — К тому же — я так и не сыграл в одном спектакле!

Эпилог

— Благословите, отец Николай.

Молодой священник сделал над склоненной головой мальчика ритуальный жест и сказал негромко:

— Благословляю... Иди с миром, сын мой.

Но Глеб Семага не спешил уходить. Он покусал губу и с отчаянной настойчивостью выпалил:

— Отец Николай, мне надо исповедаться!

— ОЧЕНЬ надо? — уточнил священник. Мальчик кивнул. — Я тебя слушаю, Глеб. Что так гнетет твою юную душу? — он улыбнулся. Глеб немного растерянно огляделся:

— Здесь? А... в храм?

— А так ли нужно? — отец Николай присел на лавочку, указал место рядом с собой. — Или ты думаешь. Господь не слышит детей своих вне святых стен? Или считаешь, что ему и так не ведомы все твои дела?... Ну, говори? — он опять улыбнулся, ободряюще и ласково.

— Отец Николай, — Глеб сел рядом, — недавно я убил двух человек. Одного — безоружного, просившего о помиловании...

...— Да, тяжкая история, даже для взрослого человека, — отец Николай посмотрел на умолкшего мальчика. — Тебя гнетет их смерть, Глеб?

— Нет, отец Николай, — медленно покачал головой Глеб. — Меня гнетет то, что я... РАДУЮСЬ их смерти! — он выпалил это и умолк, привалившись к стене. — Я плохой христианин, — сказал он после долгого общего молчания.

— Может быть, — кивнул отец Николай. — Но ты хороший человек, Глеб, — мальчик недоуменно вскинулся, и священник почти сердито продолжал: — А ты ожидал, что я скажу слова о прощении и милости? Может быть, я плохой священник, но — не скажу я этих слов. Если сосед твой стал врагом твоим и смирение принял за слабость, а доброту, — за трусость, если он возгордился силой оружия и перестал видеть истину, и отринул мир — пусть покарает его рука твоя. Наши предки верили: павшим в бою за родную землю — нет преград на пути в Царствие Небесное. И кто знает, сколько жизней ты спас, — священник положил руку на плечо мальчишки, слушавшего его изумленно и недоверчиво, — сделав то, что сделал. Отпускаю тебе грехи, вольные и невольные... казак, — и священник, улыбнувшись, удержал Глеба, рванувшегося было с радостным видом прочь, за рукав: — погоди. Не далее как час назад пришел ко мне еще один отрок в смущении, жаждавший святого крещения, и я не далее как пятнадцать минут назад исполнил над ним этот обряд. Мне кажется, он не прочь с тобой поведаться.

— А?... — удивленно спросил Глеб и услышал знакомый голос:

— Глебыч, у вас паршивая гостиница, ты это знаешь? Не поможешь подселиться на земли Кубанского войска одному иногороднему со старушкой матерью? Согласны на одноэтажную хату с евроремонтом и всеми удобствами.

— Бокс?!?!?! — Глеб обернулся. На входе церкви стоял Сергей — смеющийся, с шиком одетый; в ворота дорогой рубашки на цепочке посверкивал маленький простенький

крестик. — Ты вернулся?!

— Нет, я проездом, — серьезно ответил Сергей и, спрыгнув с крыльца, столкнулся с Глебом, который восторженно завопил. Отбиваясь от друга, Сергей выкрикивал: — Нет, правда!.. Нам дом нужен!.. Хороший, мама без удобств не привыкла!.. Глебыч, пусти, козел, прости, Господи, около церкви... Святой отец, ой, спасите новообращенную душу!..

— Я не святой отец, ибо не католик, — заметил отец Николай. Глеб, рыча, тискал Сергея, который сумел-таки вырваться и припустил прочь — тем более, что на другой стороне улицы в обалдении и радостном недоумении застыли вышедшие из переулка Мирослав и Володька; миг — и послышались восторженные вопли. Глеб вздохнул и, повернувшись к священнику, пожаловался:

— А как теперь Любку делить? Она только-только... — но махнул рукой и ринулся следом, к приплясывающим друг возле друга трем мальчишкам.

Улыбаясь, отец Николай достал из-под рясы мобильный телефон — позвонить своему старому приятелю Олегу, учителю литературы, чтобы не искал никого на роль Толика в спектакле... но в последний момент опустил руку с «моторолой» и, перекрестившись на крест своей церкви, высоко плывущий в безоблачном кубанском небе, сказал:

— Господи, взгляни на нас. Помоги нам. Благослови нас — вот ради них, Господи... Слава Тебе, что мы — есть. Слава Тебе, что мы — казаки...

Крест сверкал над станицей — мечом, вонзенным в русскую землю.

До поры.

Приложения

Традиционные казачьи звания в России и их соответствие званиям в армии:

казак — рядовой
приказный — ефрейтор
младший урядник — младший сержант
старший урядник — сержант
вахмистр — старший сержант
подхорунжий — старшина
офицеры
хорунжий — младший лейтенант
сотник — лейтенант
подъесаул — старший лейтенант
есаул — капитан
войсковой старшина — майор, подполковник
полковник — полковник
Генеральские звания полностью аналогичны армейским.

Казачьи войска в России и годы их возникновения:

1. Донское — 1570
2. Уральское — 1571
3. Терское — 1577

Территория Терского казачьего войска — так называемые "Надтеречный, Шелковской

и Наурский районы Чечни" — в настоящее время оккупирована чеченцами. Казачье население было либо истреблено в периоды 1918–1922 (убито до 40 тыс. чел., в основном детей и женщин) и 1990–1994 годов количество жертв точно неизвестно, но исчисляется тысячами!), либо вынуждено выселиться — бросив дома, землю, нажитое — на территорию Кубанского и Донского войск.

4. Кубанское — 1696
5. Оренбургское — 1744
6. Астраханское — 1750
7. Сибирское — 1760
8. Забайкальское — 1851
9. Амурское — 1858
10. Семиреченское — 1876

После распада СССР в 1991 году это войско осталось на территории "независимого Казахстана". Казаки подверглись «тихому» геноциду — у них поджигали дома, избивали и воровали детей, третировали и издевались. Больше половины казаков выехали в Россию. Попытки сопротивляться приводили лишь к арестам по обвинению в «сепаратизме» при полном попустительстве властей Российской Федерации. В последнее время, правда, власти Казахстана резко изменили свое отношение — явно с целью переманить оставшихся казаков на службу и в дальнейшем использовать их в возможных войнах против соседей (в том числе и России!) или для подавления внутренних беспорядков.

11. Уссурийское — 1889
12. Енисейское — 1917

Кое-что о казаках вообще:

На 1917 год в России казаков было около 2,5 миллионов человек (с женщинами и детьми) из 170-миллионного населения Российской империи.

Оказавшиеся в числе активных противников Советской Власти казаки в немалом количестве покинули свою родину после поражения т. н. "белого движения", выселившись кто куда мог — в китайскую Манчжурию, Европу и Латинскую Америку... За пределами России они пытались сохранить свое единство, многие надеялись на возвращение в Россию и свержение "красной власти". С территории Китая, например, казаки еще лет двадцать совершали активные нападения на Сибирь и Дальний Восток (и даже в 80-х годах XX века (!!!), по моим сведениям, эпизодические случаи нападений были) Оказавшиеся в Европе казаки, к сожалению, массово пошли на службу гитлеровцам — врагу служили до 40 тысяч казаков, которых немцы обманули обещаниями "восстановить прежний порядок в России". Часть этих несчастных погибла в боях, другие попали в плен к англичанам и были выданы ими властям СССР, которые обошлись с казаками жестоко, но в целом справедливо — как с предателями. Воевали казаки и в других местах — в Африке за французов против арабов, в Южной Америке за парагвайцев против их соседей... Но в целом к середине 50-х годов XX века "зарубежные казаки" растаяли в массе людей, среди которых жили.

Большинство казаков остались в России и испытали на себе все ужасы, обрушившиеся в те годы на русский народ вообще. Власть большевиков поощряла казачьи погромы со стороны местного населения (чеченцев, казахов и т. д.), морила станицы голодом и устраивала карательные экспедиции. Положение начало отчасти исправляться лишь с начала 30-х годов, с приходом к власти Сталина, которому нужны были надежные воинские части. Во время Великой Отечественной Войны казачьи части зарекомендовали себя блестяще, ничем не уронив славы предков. Но после войны "возрождение казачества" перешло в разряд

"ансамблей песни и пляски" и "фольклорных исследований". Неожиданный толчок возрождению казачества дал распад СССР. Казачьи объединения возникали даже там, где казаки отродясь не жили. Собранные энергичными людьми отряды сражались за русских и их союзников на Балканах, в Приднестровье, на Кавказе, по мере сил защищали интересы русского населения в самой России. Казачество привлекло в свои ряды тех, кто хотел содействовать возрождению России. Но государственной поддержки это не получило. Больше того, центральная власть 90-х годов, совершившая несчетное количество антирусских, преступных, действий, боялась, что казаки разрушат ее планы по превращению России в полуколонию Запада. По этому было сделано все, чтобы устранить (в том числе физически) наиболее активных деятелей казачьего движения, ошельмовать или превратить в военно-исторические клубы возрождающиеся казачьи войска. Полностью сделать это не удалось — у казачества оказался чудовищный запас прочности, и в начале XXI века существование казачьих войск на службе новой России было признано официально. Но во многом казачье движение понесло ущерб: были потеряны годы, часть казаков ушла в криминал, многие погибли или разочаровались.

В настоящее время казаками в России себя числят по разным оценкам от 600 тысяч до 3 млн человек. Разброс чудовищный — и пока непонятно, как решится дальнейшая судьба казачества.

Но лучшие представители этого сословия, о которых я писал свою книгу, видят смысл своей жизни в служении Отечеству, России, вере и совести. Даже если кто-то пытается размыть или запачкать эти понятия.

Примечания

1. Применяющийся для тренировочной стрельбы газобаллонный карабин, стреляющий сферическими пулями из многозарядного магазина

2. Казачьи звания см. в справочных материалах в конце книги.

3. Глеб имеет в виду Чечню, похищения людей жителями которой продолжают и по сей пору, хотя и в значительно меньших масштабах, чем до 1999 года.

4. Подземная яма-тюрьма, самое распространенное место содержания заложников и рабов на Востоке.

5. Складной многоцелевой инструмент, совмещающий функции ножа, пилки, открывалки для банок и бутылок, кастета, гвоздодера и многого другого. Имеется в продаже.

6. Северный грызун лемминг плодится в невероятных количествах. Когда его численность начинает представлять угрозу для других обитателей тундры, лемминг самостоятельно и без понуждения откочевывает к берегу океана и массово там топится.

7. Краснов, Петр Николаевич — казачий генерал, лидер донской антибольшевистской оппозиции. Неоднозначная личность — еще в годы Гражданской войны опирался на поддержку немцев, не желал сотрудничать с Белой Гвардией, ослабил волю казаков к совместной борьбе против «красных», а в годы Второй Мировой войны вообще перешел на сторону гитлеровцев! В 1947 году был казнен за предательство по приговору советского суда. Но для многих казаков Краснов был национальным героем.

8. Имеется в виду заимствованный у горцев Кавказа казачий костюм: просторный, длинный, с широкими рукавами халат-черкеска, украшенный нашитыми на груди (по 9 шт. с каждой стороны) серебряными палочками-газырями и снабженный пристегивающимся капюшоном-башлыком. У кубанцев черкески синего цвета, башлык — с алой вставкой. К черкеске полагается узорный пояс и кинжал.

9. Длинный бич.

10. Детская и юношеская военизированная организация в гитлеровской Германии 1933–1945 годов. Давала физическую, военную и идеологическую подготовку высокого класса.

11. Опасно.

12. Я извиняюсь.
13. Я не янки (следует заметить, что тexasцы — большие сторонники своей «особости» и сильно обижаются, когда их называют "американцами вообще").
14. И так же все, все, все мои...
15. Можно я спрошу тебя...
16. Что случилось? Почему ты...
17. Прославленный русский борец Александр Карелин на Сиднейской Олимпиаде 2000 года был открыто засужен арбитром во время схватки с американским борцом, явно уступавшим ему по всем параметрам. Это лишь один из множества вызывающе-необъективных случаев подсуживания против русских спортсменов.
18. Миля=1,6 км.
19. Рафтинг — спуск на плотах по бурным рекам.
20. «Ангел» и "фиддмаг" — марки пейнтбольных автоматов (маркеров).
21. Ты глухой? Я помню — ты говоришь по-русски... (англ.)
22. Эйхе Миддельдорф — бывший генерал гитлеровской армии, автор книги "Русская кампания", посвящённой войне против СССР.
23. Это хорошая идея.
24. У нас сегодня стирка.
25. Боюсь, мой пуловер сядет...
26. Ты задал программу машине?..
27. Мне нужно отутюжить брюки...
28. Ты ужасно выглядишь, Джейми...
29. Чем меньше люди думают, тем больше они говорят...
30. Здорово!
31. Ты понимаешь?
32. Ручной пулемет Калашникова — в сущности, тот же автомат, но с сошками и удлиненным стволом, а так же прикладом иной формы.
33. Господи, спаси и помилуй, я попал ему в глаз.
34. О мой бог...
35. Кто эти люди?
36. Бандиты?
37. Счастливо.
38. Особы королевской крови о себе вместо «я» говорят «мы» — это является официальным титулованием и называется "множественное монархическое".
39. Гражданская версия самозарядного карабина СКС.
40. Организация расистов в США. В настоящее время действует весьма неоднозначно — в том числе противостоит чернокожей наркомании.
41. К сожалению, это правда.
42. Зажигательная смесь.
43. В 1947 году бывший норвежский военный Тур Хейердал с пятью товарищами на плоту о таком названии пересек значительную часть Тихого Океана, доказывая свою гипотезу о заселении тихоокеанских островов выходцами из Южной Америки.
44. Это отрывок из повести С. Лукьяненко "Рыцари Сорока Островов", по которой ставится спектакль.
45. Стихи автора книги.
46. Слова о "глупом фильме" принадлежат одному моему пятнадцатилетнему знакомому. Сам я фильм не смотрел; одноименная же книга С. Лукьяненко произвела на меня тяжелее впечатление унылой обреченностью смысла содержания.
47. Стихи Д. Симоновича (пер. с сербского).
48. Стихи Д.Лялева.
49. Прозвище воздушных десантников.
50. Этим дурацким словом называют русских солдат и офицеров.

51. Автоматический пистолет Стечкина — двадцатизарядный пистолет с кобуры-прикладам, способный вести стрельбу очередями.